

Кира
МАРТЫНОВА

Когда идет дождь...

*«Не тот человек больше жил,
который может насчитать
больше прожитых лет, а тот,
кто больше чувствовал
жизнь...»*

Жан-Жак Руссо.

Тебе, дорогой читатель, я
приношу в дар мгновения
жизни Эльмиры Шевчук.

Может быть, ты найдешь
отзвук ее переживаний, на-
строений и в своей душе?

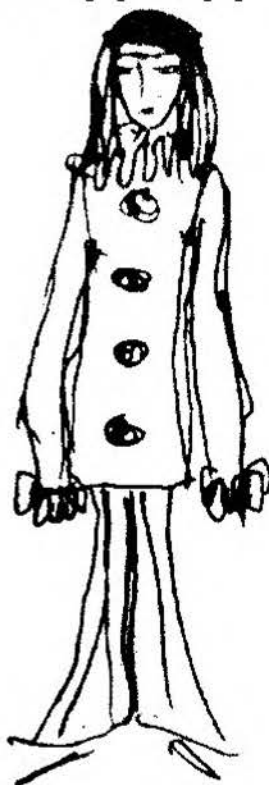
Каждая жизнь сама по се-
бе уникальна и бесценна.
В моей следующей книге
«Эмилия», которая готовит-
ся к печати, перелистыва-
ются страницы еще одной
интересной жизни. Это

трудная судьба немецкой
женщины, родившейся и
прожившей до старости в
нашей стране. Теперь она
в далеком Бонне, под ее
окном цветут розы, а кру-
гом царит упорядоченная,
ухоженная жизнь. Но душа
тоскует, а сердце помнит...

**С наилучшими
пожеланиями.**

Тебе , прекрасная, что ныне
Мне в сердце излучаешь свет,
Бессмертной навсегда святыне
Я шлю бессмертный свой привет!
Ш. Бодлер

К. Мартынова
Когда идет дождь...

Посвящается Эльмире Бикбовой-Шевчук
(наброски откровений одной прекрасной души...)

Мартынова К.
Когда идет дождь...

Повесть "Когда идет дождь" о неповторимом чуде - просто человеческой жизни. Эльмира Бикбова-Шевчук...Незаурядная, талантливая личность. Она была женой известного в нашей стране и за рубежом поэта, композитора и певца Юрия Шевчука.

Эльмира рано ушла из жизни. Ей было всего 24 года.

Книга целиком оформлена ее рисунками. Письма, записи и собственные стихи Эльмиры выделены курсивом. Стихи поэтов, использованные в тексте, взяты из ее тетради.

Повесть ни в коем случае не претендует на полную документальность, она является художественным произведением с вводом стихов и размышлений автора.

Автор благодарит за представленные материалы Бикбову Лилию Федоровну. А так же акционерное общество БНЗС - за помощь в издании книги.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

(с)Мартынова К., 1995.

(с)"Каданс", 1995.

Тринадцать- простое число из двух цифр.
Судьбы твоей кем-то придуманный шифр...
Нам тайну порядка далеких святил
Увы! Не постичь. Это вне наших сил!
И этим числом нашла ты мой дом,
И памятью обожгла.
Как белым крылом, встревоженным сном
По комнатам вдруг прошла...
А утром мой чай простыл на столе,
Забыла я все- пишу о тебе...

К. Мартынова

I.

Над Ленинградом январское небо. Черные, рваные облака и простертая длань великого Заандамского плотника. Обреченно приняв сумерки, замерли припорошенные снегом зеленые фигуры скульптур Исаакия. "Скорая" несется, разворачивая улицы. Улицы холодные, как будто в них уже кто-то умер...

Ой ты, лебедь-лебедушка, бедовая головушка...

Крылами машет, небушко пашет.

Пашет небо-облака, да дорога в никуда...

Ни в рай, ни в ад,

Да все невпопад...

Камнепад, листопад,

Дождепад, звездопад....

Ой, все невпопад.

Небо соколом глядит,

На луг камушком летит.

Ой, лебедь-лебедушка,

Пропадет твоя головушка...

Как она разламывается, эта моя голова! Петенька, сынок, выскочил из комнаты в коридор и протянул мне белую вешалку плечики для одежды:

- Мам, лебедь!

У него босые ножки, такие белые на темном полу, и пальчики на них петушиными гребешками. Лебедь, белая-белая, и крылья...

Я проваливаюсь в бездну... Или бездна в меня?.. Как трясет. невыносимо. Юра? Что он говорит? Плохо слышу... "Скорая" без рессор? Бред какой-то...

- Томограмма... Институт мозга... приемный покой. Почему покой? "Над вечным покоем"... Чья это картина? Не помню. Там небо огромное и вечное, и церковь летит к нему... А-а, сделайте же что-нибудь! И скорей бы покой...

На каталке везут быстро, как к поезду чемоданы. Коридоры, повороты. Безликие и тошнотворные потолки. И вдруг свет, резкий и ослепительный... Летающая тарелка над головой. Это из ее иллюминаторов свет... И глухие голоса.

- Рост? А вес больной?

Инопланетяне. Лиц не видно. Одни глаза.

-Кислород!

Мужской голос негромко отсчитывает слова, как мелочь на сдачу... Ко рту подносят что-то со шлангом от противогаза и что-то делают с руками.

-Сколько кубиков?

Интересно, каких кубиков? Красных, синих, желтых?...

-Дышите! Больная, дышите!

И все...

В ординаторской притушен поздний свет настольной лампы. Медсестра, полная красавицы в белом колпаке, пристально смотрит на сидящего за столом напротив дежурного врача. Рядом вторая медсестра, веснушчатая, совсем молоденькая, как подросток, старательно записывает в больничную карту, приговаривая себе под нос:

-Поступила 17 января 1992 года. Знаете? -Она отрывается от записи и щурит глаза на лампу- той, что сейчас оперируют 24 года. Она с 1967-го. Там- внизу, в коридоре ее муж. Я видела. бледный весь... Такой- очки, нос...

-Может быть.

Рассеянно отвечает полненькая. У них с дежурным врачом поединок взглядов и невнятных, со всплеском тихого смеха, коротких фраз.. В воздухе повисает что-то вялое и почти осязаемое.

- Так это Шевчук, малышка. Тоже мне- очки, нос- ухмыляется дежурный. "Не стреляй!"- это ж он. Ты даты везде проставила? Ну спасибо и на этом. Помогла.

Веснушчатая откладывает в сторону больничные карты и, чтоб не мешать тем двоим, встает из-за стола и нехотя идет к двери мимо кушетки, на которой так бы отлично сейчас вздремнуть...

В коридоре пустынно и тревожная тишина. Сонный мозг ловит уползающий за угол поворота драконий, с омерзительным блеском, хвост времени. Над аркой проема дергается стрелка круглых часов.

Из операционной на девушку движется каталка. Она и сопровождающие ее фигуры растут, увеличиваются, расплываясь контурами...

-Куда ее?- пугается, очнувшись, веснушчатая.

-В реанимацию.

Из белоснежного кокона повязки- почти мертвое лицо. на нем вдруг дрогнули веки и зашевелились спекшиеся губы, словно больная заговорила быстро, быстро и беззвучно. И опять дуновением смерти безжизненная маска на лице...

Моим друзьям!

Любимым, милым лицам!

Родным, знакомым голосам.

Поющим где-то далеко

До боли знакомую, но незнаваемую мной

Прекрасную песню.

Их голоса сливаются с шумом

Трескучей листвы тополей.

Вливаются в знакомые мелодии,

Гудят в трубах домов.

И, вылетая из слуховых окон,

Барабалят в мои окна.

НО Я НИЧЕГО НЕ ВИЖУ, НИЧЕГО НЕ СЛЫШУ.

Я ТОЛЬКО ПОМНЮ...

На руку села бабочка. Она сложила свои крылышки парусом и оцепенела.

-Почему ты села мне на руку? тебе грустно? Или, наоборот, все равно с кем поделиться радостью? Давай знакомиться. Я- Эльмира. Можно звать меня просто Элей- это как тебе понравится. Я люблю рисовать, танцевать и еще возиться с кактусами. Видишь, на скамейке лежит ошейник? Это для моей собаки. У меня ее пока нет, но обязательно будет. Вот только брат от аллергии вылечится. Ну, это все, что я могу о себе рассказать. А ты? Ты ничего не расскажешь мне о себе? Нет? Ну, и ладно! Нам с тобой и так хорошо на этой скамейке! И солнышко греет! Можно зажмурить глаза, вот так, и тогда все вокруг заплещет солнечной радугой.

Эля зажмурила глаза, вытянула ноги и подняла к солнцу лицо.

- Ты бы точно обалдела, если б увидела мои кактусы. У меня их много- целая коллекция. Завтра на выставке кактусов они будут такими стеснительными. К ним не сразу подойдут. Зато потом, когда заметят! У-у, в общем, мои кактусы, наконец же, поймут, какие они замечательные и станут лучшими среди других...

Бабочка вдруг распахнула сложенные крылышки. Мгновенье, и она взлетела с руки.

-Глупая же ты! Не поверила. Не поверила мне? Да?

Эля поднялась со скамейки, покрутила стоптанным каблуком по разомлевшему от жары асфальту, взяла собачий ошейник, вздохнула и пошла к своему дому. Он был неподалеку, большой и важный. Сверкала покатаая, в усах

антенн крыша, и солнце играло стекляшками его окон. Эльмира медленно прошла мимо своего подъезда и в раздумье остановилась у следующего: "К Таньке, что ль, зайти? Ладно уж, зайду на минутку".

У Таньки профиль месяцем и много всяких умных мыслей, и еще мелкий, очень ровненький почерк. В комнате у нее уютно и можно болтать долго, долго, пока мама не позвонит по телефону, чтобы позвать домой.

-Туськ, мне сейчас в сквере такая бабочка на руку села! Просто загляденье! Хочешь нарисую?

-Слушай, Эльмирк! Она ж тебе весть какую-то принесла!

-Да? Интересно, какую же?

-Ну, вести разные бывают...

Зашелестели листы бумаги, раскатились по столу карандаши.

Где-то далеко, в глубине дома пел, непонятно, мужской или женский высокий голос.

-Кто-то поет, по-моему, в подвале.

-Не в подвале, а под домом, в глубоком подzemелье...

Мечтательно протянула Эля.

-Может быть, может быть, кто спорит. Это Орфей там поет и подыгрывает себе на золотой кифаре. Он горюет по своей жене, любимой Эвридике, которая

умерла от укуса змеи.

-Ой, как грустно! Жаль Эвридику... А что там в мифологии есть повеселее? Может это Даная поет? Пусть будет Даная, заточенная отцом в подземелье.

Таня откинулась на спинку стула и засмотрелась на свой рисунок. Потом тяжело выдохнула:

-Возлежит Даная. Такая- ничего себе, в теле, прямо скажем, и тоскует. И вдруг...

-И вдруг,- подхватывает Эльмира, всплеснув руками,- сверху на нее пролился дождь! Такой золотой, золотой!

-Ага...Это громовержец Зевс, полюбив ее, проник в подземелье золотым волшебным дождем!- Таня подняла на Элю свои лучистые глаза и улыбнулась.

- И родился у них потом сын, славный Персей... Ой, Таньк, я про кактусы совсем забыла!- Эля вскочила со стула,- мне же их к выставке подготовить надо!

-А я про свои кактусы не забываю никогда!- заметила уже вслед убежавшей подруге Танька.

В кабинет завуча школы через открытую створку окна доносится с улицы весенний шум.

-Здрасьте!

-Бикбова? Здравствуй. Что тебе?

-Мне бы документы свои забрать.

-Зачем это?- завуч удивленно подняла брови.

- А так,- Эля пожала плечами,- просто не хочу учиться в этой школе. Она мне не нравится.

-Да что ты говоришь? А ты подумала о том, нравишься ли ты нашей школе или нет? Вот такие, как ты, портят лицо нашей показательной школы!

-Чье лицо портят? Извините, не расслышала.

-Вот этих твоих ля-ля мне не надо. Ты все прекрасно слышишь и, надеюсь, понимаешь. И потом, пусть за документами придут сами родители, и заодно узнают, какая у них дочь.

-Папа у меня умер, а мама занята на работе и она знает, какая у нее дочь.

-Ну, что ж, — завуч поправила на носу очки и стала что-то разлиновывать на большом листе бумаги.

-Я буду учиться в другой школе, в той, которая мне понравится. Хорошо бы она не была показательной. Так вы мне дадите документы?

-А, — махнула та досадливо рукой, — пожалуйста! Ищи школу, где тебе, дерзкой девчонке, дадут возможность учиться так, как твоей особе понравится!

Это сентябрьское утро сеет мелким дождичком. Торжественных первоклашек заботливо ведут под зонтиком родители. Эля отходит от окна и начинает спешно запихивать книжки к тетрадки в свой портфель.

-На улице дождик.

-Я знаю. Увидела в окно. Милая моя бабушка, не надо с таким укором пронизывать меня глазами, будто я преступник. Я тебя люблю! Люблю очень. И не

хочу, чтоб ты уезжала в свою Москву.

А в новой школе хорошо. Она мне пока нравится, ведь я ее выбрала сама. Вот и Танька тоже туда перейдет... О чем ты? Гаммы? При чем тут, вообще, гаммы? Ой, вот про гаммы вспоминать не надо! Из меня все равно никогда бы не получилось пианистки!

Эля схватила портфель, подбросила его, поймала и, чмокнув бабушку в мягкую, теплую щеку, уже на ходу, с лестницы крикнула:

-Это здорово, когда дует ветер перемен! Жалко, что у меня нет такого зонта, на котором я бы полетела в новую школу! Пока!

Солнце заваливалось в горизонт. Мчавшиеся по шоссе машины, поднимая облака пыли, покрывали ею насыпь и придорожные кусты. Эля, засунув руки в карманы старенькой болоньевой куртки, вышагивала в сторону города.

«Вот дура! За что она меня так позорила? Если классная руководительница, значит, можно при всех оскорблять человека? Кто ей дал на это право?» — обида душила горло, жгла глаза и ускоряла шаг. Усталости почти не ощущалось, хотя она уже топала добрых два часа.

«Ну и пусть. Пусть вот так, сразу взяла и ушла из этого совхоза. Только вот рюкзак остался, ну и Бог с ним!»

-Девушка, а как подвезу?

Парень в кепке радостно высунулся из кабины притормозившего КАМАЗа.

«Вот, дурак тоже...»

И Эля, втянув глубже голову в плечи, пошла еще быстрее.

Наконец, впереди замаячили перила городского моста. Она остановилась на мосту передохнуть. Заправила под платок выбившиеся волосы и вытряхнула из резинового сапога надоевшую гальку. На душе посветлело. Не то из-за того смешного парня на КАМАЗе, не то из-за поблескивающей под мостом реки. Эльмира подошла к перилам, облокотилась и устремила взгляд вниз, в тугую плоть мощных вод.

Ей вдруг отчетливо вспомнился один из последних уроков литературы, и она заговорила вслух громко и быстро, как будто переспоривая кого-то:

-Зато мое сочинение на том уроке хвалил Яков Борисыч! Да. да. Как он сказал-то? А, да, вот так: «У тебя, Эльмира, оригинальные мысли. Молодец, что думаешь по-своему, а не так, как это принято по учебникам. И мне твое сочинение понравилось». — Прямо так и сказал: «Понравилось!» — Слышите, Валентина Геннадьевна?!? А? А вас, Яков Борисыч, я обожаю!!!

Снизу, из-под моста раскатисто отозвалось:

-Обожаю...аю...аю!

В голове что-то сбилось, и мысли опять убежали назад, в совхоз, где остались ребята из класса... И Мишка...

«А здорово Мишка пел песни этого Шевчука. И песни нормальные, что надо! Мишка, что это со мной? А?!? Ты не знаешь? Никто не знает»

«...Москва, 04.07.82 год. 13. 00.

Туське привет!

Вот я у бабушки в Москве. Милое, милое для меня «Октябрьское поле». Получила сегодня утром (прямо в постель подали) твое письмо. Это, как вода на засохший цветок. Скоро с бабушкой будем в Уфе. Она некоторое время опять поживет у нас. Чем я здесь занимаюсь? Хожу в библиотеку. Перечитала Герберта Уэллса «Невидимку» и «Войну миров». «Невидимка» — прелесть, а «Война миров» мне не понравилась. По сравнению с современной фантастикой, такой тонкой и изящной- это пшик...

Ну, а теперь перейдем к самому главному, о чем я хотела тебе написать. Вот ты говоришь — пиши письма длинные. А мы же вообще разучились писать письма! Я тут у бабушки нашла письма моей мамы. Одно из них написано еще до замужества, и много других из Эфиопии, где они с папой работали.

Ты знаешь, я как-то вдруг по другому увидела бабушкину квартиру. Сюда мама прибегала после лекций в институте, здесь о чем-то мечтала, думала... Ее глаза видели в окне тоже, что и я сейчас, только много лет назад. Есть письма и от папы. Ты спросишь, что же я этим хочу сказать? Когда я прочла их, во мне все перевернулось. Я ахнула, какая же у меня эгоистическая натура! Все мне, все для меня, все, чтоб мне было хорошо... А мама? Как же ей теперь живется? Таньк, я тогда в 4-ом классе училась и не вполне осознавала всего ужаса смерти отца!

Все, что произошло в жизни мамы, так несправедливо! Семья и вдруг это горе, горе огромное! И вот представь себе человека, у которого ничего нет, кроме работы, работы и еще своего дома... А дома что? Держалась-то она всегда молодцом- никаких жалоб. Я только сейчас начала понимать, как мне дорога мама...

Больше писать не могу...

Эльмира.»

-Давай, побыстрей!

-А до дождя успеем?

-Слушай, Тань, это даже хорошо, что не успеем.

Гром подкатывался, как далекий камнепад.

-Смотри, гроза ведь!

Потоки дождя хлынули как-то вдруг сразу...

-Ура-а-а!

Девчонки сняли босоножки и с визгом побежали по улице. Из телефонной будки выглянул спрятавшийся там маленький мужичок:

-Эй, девчонки! Айда ко мне! Спасайся сюда, а то ить шарахнет!- пьяный язык его слушался плохо.

-Не-а, нас не шарахнет! Нам и так хорошо!

-Вот простудитесь и захвораете... - проикал он. — Я когда молодым был, тоже был красивый, высокий...

-Дядечка, ты хорошо сохранился!

Они уже были далеко от этой телефонной будки.

-Слушай, Эльмирк, а какими мы будем старухами?

Эля согнулась и на широко расставленных ногах, переваливаясь, захромала по лужам:

-Вот такими. Свернет нас эта жизнь баранкой, в раковину улитки и голова между ногами...

-Фу, ты! Не надо...

Она выпрямилась. А дождь уже кончился. И солнце, и радуга в небе, как забытье — такое красочное и радостное после грозного ливня...

-Тань, я чувствую, что в моей жизни что-то должно случиться. Такое, очень значительное. Оно перевернет все, все.

-Конечно, случится. В театральный поступишь.

-А вдруг я умру?

Мокрое платье облепило Элино тело, с волос текла вода, а в ресницах сверкали на солнце дождевые капли.

-Все мы когда-нибудь умрем, чего тут особенного? Удивила тоже.

-Просто я боюсь смерти.

Эля встряхнула волосами, неожиданно подпрыгнула и со смехом прошлась галопом по лужам. И уже повеселела и озарилась глазами:

-Была гроза и прошла, прошла!

-Прошла!

Неловко подпрыгнула подружка, и они забежали в свой двор.

...Вечер кричал мне тишиной.

Что-то печально пел.

Вечер застыл темной водой

В сквере, где я сидел.

Вечер щенком глупым скулил,

Жалким бездомным псом.

Вечер со мной день хоронил.

Спрятавшись за углом...

Ю. Шевчук

-Эльмирка!

Отчаянно машет рукой Таня в толпе вываливающихся из школы ребят. Эля остановилась к сунула нос в шарф, намотанный на шею.

-Знаешь, — задохнулась та, — кто в нашем классе учился?

-Кто?

-Тог самый Юра!

-Какой Юра? Ой, отдышись сначала, а то помрешь, как рыба на берегу.

-Фу ты! Че ты без реакции? Забыла, что ль? Да Юра Шевчук! Песни-то его пел в совхозе Мишка.

-А! Действительно, здорово. Когда ж это было?

-Не то девять, не то десять лет назад...

-Ого! Давненько... Смотри, смотри! Снежинки полетели!
Девчонки забрались на барьер какой-го ограды, стали махать руками и кричать:

-Снег! Смотрите! Смотрите все! Первый снег!

-Эльмирк, вон тот милиционер на нас как-то подозрительно засмотрелся.
Бежим отсюда!

Они спрыгнули с барьера и пошли прочь, разгребая ногами кучи осенних, уже мертвых листьев.

-На какой же парте он сидел? И что он тогда пел? Господи, стихами, что ли, думаю? — Эля остановилась и подняла лицо. На нем таяли, обжигая холодком, снежинки. — Все прекрасно: и что снег пошел, и что Юра Шевчук в нашем классе учился, к что завтра я еду во Дворец «Синтезспирта» на репетицию в «Дизайн-Шоу», где буду танцевать, танцевать...

И Эля, схватив Таньку в охапку, закружилась с ней, напевая какой-то мотив.

-Ну, в общем-то и вправду, все отлично! — поддакнула подружка.

-Руководитель группы так удивился, что я до этого нигде не танцевала и никогда этому не училась. Меня уже в танец вводят. Вот так!

-За это свой рост благодари! Не будь у тебя такого роста — тебя бы в танец-то не поставили. Ты ж, Эльмирка, всех там младше, пигалица — одно слово!

-Пигалица, не пигалица, а сольную роль уже доверяют на полном серьезе. Ну, пока! Звони.

И Эля исчезла в черном проеме своего подъезда.

Дома дремала тишина. Все куда-то подевались. Брат еще в институте. Бабушка, небось, где-то по очередям. А мама?.. Мама, как всегда, на работе.

Эля бросила в угол прихожей свой портфель и стала медленно разматывать с шеи длинный шарф.

«Мишка, а Мишка? Почему ты с ней теперь? И почему ты тогда поехал в этот свой спортивный лагерь? Лагерь-разлучник. Лагерь- наручник. Она же намного старше тебя, дурачок. Я тоже хочу быть старше тебя, слышишь? И она, что же, красивая? Красивая, да? А я какая?»

Она подошла к зеркалу, чувственно раздула ноздри, запрокинула назад голову и томно прикрыла глаза. Потом вдруг широко раскрыла их, вытаращила, что есть мочи, и показала себе язык. Эта гримаса, казалось, вполне удовлетворила ее.

На кухне Эля засунула в рот кусок хлеба, развела руки и встала в позицию:

«Так... Раз, два. три... Ол-ля! Господи, как мне хорошо, когда я танцую. Я могу разучивать все эти па до бесконечности и не устать совсем. Как же передать то, что я чувствую?»

В эластик черный облачась.

Она влетает во дворец.

Врывается в зал хохочущим вихрем,

В четком ритме звуков.

Она смеется и плачет танцем,

*Поет и кричит, чтобы все услышали,
Чтобы увидели весь этот сгусток энергии.
Песни,
смеха
и танца!
Израненный танцем пол,
Станки — обнаженные нервы зала.
Зеркала конденсируют пот...*

Старый «Грюндик», который родители когда-то привезли из Эфиопии, скрипит, но добросовестно крутит колеса магнитофонных кассет...

-Слушай, почему ты везде этого клоуна рисуешь?

Подошла одна из подружек к Эле.

-Ну, это ж совсем не клоун. Не видно разве? Это Пьеро, — она подняла голову и задумалась. На листке бумаги нарисованный ею Пьеро стоял, обреченно опустив руки.

-А чего это у него такое грустное лицо?

-Это его тайна, и он в нее никого не посвящает, даже меня...

Твои цветы завяли и засохли.

И, прикоснувшись к ним своей рукой,

Смотря, как осыпаются они,

Я прикасаюсь к памяти моей.

И хрупкий рассыпается покой,

Что я воздвиг с огромнейшим трудом!

И вот опять стоишь ты на коленях,

Шепча понятную лишь цветам молитву.

И, собирая их в тугой букет,

Несешь ко мне с неясною улыбкой.

И волосы, спадая по плечах,

Поют сонеты трепетному ветру...

Приятный баритон из магнитофона завораживает... Эля садится на стол спиной к подружкам и смотрит куда-то в окно. Там уже темно и одуванчики ночных фонарей. Свет от них плавится концентрическими кругами.

-Это чьи стихи?

-Шевчук читает свои.

-А... Здорово!

-Интересно, — вставляет Эля как-то медленно, с расстановкой. — А какие девушки этому Юре нравятся?

-Кто его знает? — Пожимает плечами Таня, — о вот живет он совсем рядом, только дорогу перейти...

-Так близко? — Эля резко поворачивается от окна. В ее глазах еще отражается

ночь. Она вдруг обхватила руками свои плечи и вздрогнула, будто сразу озябла.

В коридора хлопнула входная дверь, к в комнату заглянул брат Эльмиры:

-Ого! Да вас тут вагон и маленькая тележка! Чего, салаги, все Шевчука гоняете? Ну-ну...

Девушки не обратили на него ровно никакого внимания. Только кто-то вяло поинтересовался:

-Чего это он в таком снаряжении? С практики, что ль?

-Нет, не с практики. Он у нас подрабатывает на чаеразвесочной фабрике грузчиком, — ответила Эля.

Мама, проходя на кухню, замирает в усталом созерцании у раскрытой двери туалета. Там ее сын, вернувшийся с работы, старательно вытряхивает из кирзовых сапог в унитаз россыпи черного чая.

-Мам, не удивляйся, пожалуйста. Это я, честное слово, слово дворянина, не крал. Все значительно проще. Там этого чая по колено, и мы ходим по нему. Что поделаешь, чего глаз не видит, то рот выпьет.

Лилия Федоровна ничего не ответила. Она подняла брови в каком-то высоком просветлении, и молча прошла на кухню. Там бабушка возмущенно машет рукой:

-Господи, помилуй! Лилия, да что же это такое? Сколько же можно слушать эту музыку? У меня голова не выдерживает!

-Ой, мамочка, оставь их. Успокойся! Пусть себе слушают, если нравится.

-Если нравится?! Да ты, Лилия, с ума, что ль, сошла? А уроки? Вообще, существуют же определенные обязанности и время для них! А эти девчонки? Их же дома потеряли.. Был бы отец жив, все какая-то остратка была бы!

-Не ворчи! И хватит воевать. Давай-ка лучше чаю попьем, а? И откуда у тебя столько боевых сил?

-Скорей бы к себе в Москву, чтоб глаза мои этого ничего не видели. Да, да. Пора. Тем более, что и пенсию получать время подошло.

-Мам, да будет тебе! Остынь. Как же мы тут без тебя?

Бабушка взглянула на серое, уставшее лицо дочери и сразу как-то обмякла, присмирела. Она стала тихо, без слов накрывать на стол ужин.

Все давно спят. Только к Эльмире не идет сон. Она закрылась с головой под одеяло.

«Зачем мы так устроены, что душа временно квартирует в телесной оболочке, как в раковине? И где начинается одно и кончается другое?» Она провела ладонью по бедрам, груди... Горячая, незнакомая доселе, волна пробежала по телу, заморочив кожу. Эля с ловкостью кошки соскочила с постели, подтянулась на носках и вскинула вверх руки, будто готовясь взлететь навстречу своему, такому золотому, золотому дождю. Она уже знала наверное, что он близко и ищет ее ладони, чтобы упасть на них.

«Господи, — очнулась она, — что это со мной? Словно в глубокий колодец загляделась, в который так и тянет упасть...»

-Как я устала! - Эльмира, потянувшись, упала на кровать. Здесь на гастролях в

Кирове ее расквартировали с Эллой. Эта красивая, стройная блондинка училась на третьем курса в университете. Разница в возрасте девушек смущала мало, и они подружились.

-Хороша ты сегодня была в «Ретро». Класс! В этой шляпке и ти-ти-ти... Недаром Чухланцев к тебе присматривался. Какой великолепный танец соорудил, и зрители его хорошо принимают. Да уж, не маши ручкой — ты настоящая актриса!

Элла отставили уют и встряхнула юбку с многочисленными воланами, которую гладила.

-Актриса-то актриса, а вот, — Эльмира провела рукой по своей полной груди, — плохо, с большим трудом в костюмы вписываюсь. Горе мое.

-Ой, насмешила! Брось, пожалуйста. Беда, когда ничего такого и в помине нет! А грудь — это ж здорово!

Элла замолкла и повернулась к Эльмире. Та уже спала, свернувшись калачиком, и только черный хвостик волос торчал из-под одеяла.

Элла выключила свет и нырнула в постель. По стенам бегали огни проезжавших мимо окон машин, и где-то в углу тоненько свистела мышь.

«_ Второй час ночи. Вот это работа! Мы все в мыле. Один и тот же танец приходится повторять в который раз! Наверное, в сотый... Это уже не воспринимаешь как танец, скорее, как набор движений...

-Эль, ты еще находишь силы улыбаться?

-Так ведь это прекрасно! Чувствовать, что можешь двигаться и танцевать! На измученном лице улыбка и блестящие глаза.

-Мистика! Где ты берешь свои силы?

... Танец «Ретро». Это особый случай, поэтому хочется все это зафиксировать...Танец, специально поставленный для Эльмиры.

Вот она появляется из правой кулисы... Выброс непонятого, сильного излучения! Он завораживает зал и партнеров по танцу. Среди последних наступает совершенно другая тональность в движениях, и зрители уже дышат совсем по-другому...

Стройные ноги, в разрезе платья кажущиеся нереальной, фантастической длины, кокетливая поза, лукавый взгляд...

На сцене очаровательная барышня, слегка жеманная и вместе с тем такая обаятельная! Что-то невероятно манящее и кружащее голову, (что американцы называют- «сексэпил»), во всей ее ладной фигуре, во всем ее существовании на сцене! И одновременно чистое, по-детски непосредственное и светлое, как сама Эльмира...»

Элла Перминова.
Студентка филологического
факультета Башгосуниверситета.
Зарисовка в студенческой газете.
1983 год.

Дождь!
Звонкой пеленой наполнил воздух майский дождь,
Гром!
Прогремел по крышам, распугал всех кошек гром.
Я открыл окно-
И веселый ветер разметал все на столе,
Глупые стихи,
Что писал я в душной и унылой пустоте!

Ю. Шевчук

После дождя весенний воздух дурманит свежестью. И поют, поют неугомонные птицы. У строящегося подземного перехода на гранитных чушках сидят, погруженные в свои мысли, три молодых человека из Уфимской группы ДДТ.

Эта весна застигла их в невеселый период творческой жизни. Кольцо враждебности со стороны сильных города сего сжимается все уже и уже. Дальше некуда. Отовсюду гонят, даже из подвалов, где они репетировали. Кругом мрак-хоть вешайся

-Хана, ребята. Надо завязывать, — заключает лидер группы Юрий Шевчук, вертя в пальцах давно потухшую сигарету.

Из кафе «Театральное», что напротив, выпалась стайка щебечущих девушек.

-Юр, смотри, девочки из «Дизайна»!

-А, пошел ты...

-Вон та,- не унимается барабанщик Сережа Рудой, — черненькая, как ласточка, если была блондинкой, я бы непременно за ней приударил. Я даже знаю, как ее зовут- Эля.

Весеннее солнце светит ярко и весело. Сверкают глупые лужи после дождя и кричат ребятишки... Звенит, удаляясь, девичий серебристый смех, и Юра невольно провожает взглядом стройную, длинноногую фигурку той черненькой, что зовут Элей...

Гремит, раскачиваясь, трамвай. За его окнами притихшие по этому позднему часу улицы. До дома еще порядком болтаться в этом облезлом, стареньком трамвае. После репетиции покалывает ноги, и приятная усталость заливает все тело.

Эля порылась в своей сумке и нашла между тапочками и майкой измятый листок бумаги. С него глянул красивый, загадочный кот, которого она нарисовала давече. Кот большой, с хвостом в осенних кленовых листьях...

*Вечер огромным серым котом
Сидит на ступеньках холодного дома...
Что это? Стиха или музыка осени? И почему
осени, когда на улице всю весна. Эля
задумалась...*

*«А актрисой я буду. Чего бы это для меня не
стоило! Слышите, вы, задремавшие в этом почти
пустом трамвае, — я буду актрисой!»*

Она тряхнула головой и подправила кожаную повязку, перехватывающую ее лоб и волосы, она ее сделала сама, украсив поблескивающими, искусно выбитыми крышками от бутылок.

- Глазастая, ну-ка, подвинься.

Подвыпивший гражданин тяжело опустился на сиденье рядом и сразу же отключился. Эля отодвинулась и стала смотреть в окно. Там сумерки укачивали город и редких прохожих. Она вдруг улыбнулась. Ей вспомнился вчерашний вечер.

«Какой праздничной была сцена нашего дворца! Как нас принимали! А Юра Шевчук... Он пел между нашими выступлениями. Зал ревел от восторга. Все вокруг было пронизано таким ликованием и светом! Как никогда раньше. Юра, Юра... Что бы это значило? Вот теперь точно что-то должно случиться».

Эльмира прижала руку к груди:

«Ага, вчера вот так же бешено колотилось сердце! К чему бы это?»

На другой день Сережа Рудой, влетев во дворец «Синтезспирта», наткнулся в вестибюле на Шевчука.

-Юр, ты чего это здесь, а, старик?- удивился он.

-Курю.

-Ну, это понятно...

-А ты-то, видимо, сюда частенько заглядываешь?

-Ну, настолько часто, что руководитель «Дизайна », в котором танцует моя Элла, то бишь Николай Васильевич Чухланцев, так прямо и говорит: «Если б мои девочки вот так же регулярно посещали свои занятия, то все бы было о'кей!»

Домой из дворца они шли вчетвером,- Сережа с Эллой и Юра с Эльмирой.

*«...Маленькая, глупенькая девочка! Если б ты знала, как много изменится
за последующие полгода!*

*В июне все сдавали экзамены, пытаюсь поймать за хвостик уплывающее,
такое быстрое, и в то же время долгое детство. А ты стояла на своей беговой
дорожке, готовясь к дальнему марафону. Ноги ты вставила в стартовые
колонки, вся напряглась, поджалась и сосредоточилась. Тебе вяло приходится
отвечать на заданные случайные вопросы только для того, чтобы оставили в
покое.*

*И так, в аттестате твоём оказались три «тройки» и три «пятерки»- не
густо. Но увы.. Учиться тому, чему тебя учили, ты никогда не хотела.*

Мишка продолжал встречаться с ней... И ничего, видимо, не сдвинулось

весной, а скорее отодвинулось дальше от тебя. И ты от всего этого скисла. Хотя я знаю, что ты запротестовала бы, скажи тебе эти слова тогда весной. Но это, действительно, так.

Бабушку положили здесь, в Уфе в больницу и вынесли приговор- рак. Господи! Как это страшно! Ну, хватит писать «ты», надоело. Теперь буду писать от собственного лица.

Я еду поступать в Москву, где меня уже не будет встречать бабушка.

В последний день моего пребывания в Уфе, когда надо было добыть кучу справок, документов и аттестат,- нервы сдали окончательно. Документов не дают. Фотографии не могу найти. Ключей от квартиры нет. Плюю на все, ловлю синий «Жигуленок» и еду в больницу, где у бабушки дежурит мама. Появилось неприятное ощущение, что сейчас вот-вот что-то лопнет внутри тебя от напряжения.

Я ехала по жаркому, пыльному Проспекту, сидя на раскаленной, липкой коже «Жигулей», натягивая свое короткое выпускное платье на колени. Отдала железный рубль и вышла из машины. У теток-торговок купила букет ромашек и какими-то не своими, будто вырезанными из школьной ластика ногами, зашагала к зловещему зданию с вывеской:

«ОНКОЛОГИЯ»

Под коленками вдруг похолодело. Чем ближе, тем все страшнее. Это здание наводит ужас и давит на сознание. Кажется, что люди, которые пропадают за его воротами, больше никогда не выйдут оттуда.

Я поднялась на второй этаж. В дверях этого страшного покоя меня встретила женщина в белом халате. Она только что в полный голос шутила с парнем и при этом отчаянно хохотала, обнажая свои большие, золотые зубы. Она преградила мне дорогу...

Этим страшным летом наша бабушка умерла... И я, Эльмира Бикбова, не поступила в театральный... Теперь занимаюсь танцами в «Дизайне», работаю на почте сортировщицей и еще занимаюсь с малышами в танцевальной группе начинающих... И... Но об этом пока молчу... Об этом после.»

-Эльмибочка, ты куда? — выглянула из кухни мама.

-На свидание. Что, не расслышала? Или не веришь мне? Теперь это уже ни для кого не секрет, даже для тебя.

Эля сделала рожицу, по-старушечьи поджав губы и, исподлобья, устремив на маму глаза.

-Кто же он, позвольте поинтересоваться?

-Кто? Ну, допустим, Юра... Юра Шевчук. Ой, вот больше ничего не скажу. И что он старше меня — не скажу! И что он замечательный, слышишь? ЗА-МЕ-ЧА-ТЕЛЬ-НЫЙ! Ни за что не скажу!

Она подлетела к матери я обняла ее так крепко, что у той перехватило дыхание.

-Ой, пусти, — взмолилась она, — и сильная-то какая! Пусти! Что бабушка бы

сказала? Она бы дала мне нагоняй за то, что я тебя упустила совсем!

-А вот и нет! Бабушка бы сказала: «Эля, ты умница, каких еще свет не видывал. И уже такая большая, совсем взрослая!»

Эльмира отпустила мать и подпрыгнула, чтобы достать рукой потолок.

-Не достанешь. Слава Богу! Потолки у нас высокие, а то бы вы с Таней умудрились и их разрисовать, как стены в твоей комнате.

-А что, красиво же стало? Как-то необычно, не как у всех. А насчет потолка... Так я его достану когда-нибудь. Вот Он возьмет меня на руки и поднимет высоко... И я достану этот паршивый потолок рукой!

Лилия Федоровна осторожно подошла к окну. Напротив их дома расхаживал туда-сюда очкастый молодой человек в усах. Она вздохнула и вдруг услышала, вернее почувствовала, как в ее сердце вошла такая серенькая, неприметная, но очень уверенная в себе особа. И сразу по-хозяйски там расположилась. Эта особа именно вот так входит в сердце каждой матери. Имя этой особы — тревога.

«Где-то сейчас Юра? Идет ли там сейчас дождь?»

А здесь, в Уфе взмокшие перекрестки и дождь, холодный, бесконечный... Тот сказочный Элин кот засмотрелся желтыми глазами-фонарями в эту осень, утопив свой роскошный с кленовыми листьями хвост в луже...

В черном окне витрины двоятся отражение. Эльмира приложила лоб к холодному стеклу. Фонари чертят лунные дорожки по мокрым тротуарам, и бегут равнодушные ко всему в этом мире, торопливые машины... Кардиограмма ночных фонарей... «Странная фраза. Она мне нравится. Надо ее подать Юре, вдруг да ему понравится? Кто знает?»

-Эльмирк, чего это ты такая хмурая? Случилось чего-нибудь? Или милый изменил и не пишет? - прошелестели пробегающие мимо с репетиции, девушки.

-Хмурая? Да что вы! Совсем даже наоборот! Мне очень весело! Смотрите, какие дробушки у меня получаются!

И стук-стук по луже длинными ногами, и брызги- фонтаном вокруг.

-Ой, Элька! Сумасшедшая! — запрыгали девушки в сторону.

-Неужели не видно, как разрывается мое сердце?

Ее мокрое лицо с прилипшими прядями волос стало маленьким и некрасивым... А дождь льет и льет, заполняя собой весь мир...

«...Сцена. Она сейчас обнажена, как подросток. Я сижу на репетиции в зрительном зале. На сцене дети- мои воспитанники. Почему-то чувствую свою вину перед ними. Атрофировалось ощущение сцены- стыдно. Хочу в Москву! В ноябре буду в Москве. Наконец-то Москва. Что-то рвется изнутри, прет с неимоверной силой, разрывая все на части! Что-то новое, пока еще бесформенное, обтекаемое и непонятное...

Оно никак не может появиться на свет. Чтобы обрести ясность, нужен воздух Москвы, нужны ее улицы, люди на этих улицах, вечно спешащие куда-то, и которым нет до тебя никакого дела. Там никто не остановит на тебе пристального взгляда с немимым вопросом, - «Чего ты ждешь?»

А из Москвы на пару дней в Ленинград...

«Я часто не верю, что будет зима»... А она уже здесь, вот тут, в Уфе. Куда от нее убежать? Кожа покрылась мурашками, нечем укрыться. Страшно. Надо в Москву. Там тепло, отогреют! «В Москву!» — шепчет чей-то голос внутри. «В Москву!»...

Позавчера с Танькой встречали новый 54-ый год! Почему именно 54-ый? Что это за дата? 1954-ый, нас еще не было на свете. ОНИ учились, или начинали учиться. Кто-то уже делал настоящее дело. И почему все-таки 54-ый? Не знаю. Так показалось на чердаке зеленого большого дома с винтовой лестнице...

Плюшевые протертые коврики на перилах, старый облезлый черный велосипед, как вздыбленный конь в параличе. Зеленая «Победа» во дворе, и около нее женщина в порыжелой чернобурке. Щелчки замков, звуки радио, крики детей... Наш старый, наш мудрый, все знающий тополь был тоже молодым и бодрым...

Нас отрезвил гранитный парапет перед этим домом. Вот он, неестественный яркий свет сегодняшнего дня. Камуфляжные березы и осины, мерзкий, грязный слоями синтетический снег. Переход к обкому, через который никто не ходит, и от этого он раздражает вдвойне. Раздражает своей ненужностью и холодом, а в то же время так хочется быть... Существовать сейчас!

Когда я была у бабушки в Москве, я нашла среди писем мамин студенческий билет и еще программку выступлений хора московской молодежи при ЦДРИ. В списке участников хора моя мама и Майя Кристалинская. Папа учился тогда в МИСИ. Он познакомился с мамой позже в Уфе, куда она по призыву комсомольского сердца поехала после окончания института работать. Мама так хорошо пела, что очаровала папу. Они поженились. Какими ОНИ были? Поколение, входящее а шестидесятые? Нам уже мало понятные идеалы, образ мышления... А мама иногда поет и сейчас, и здорово так.»

«НАШЛА. УРА!!!

Пишу под рок - это фантастика. Времени сейчас у меня уйма! Ключи от хореографического зала в моем распоряжении, — так займись же делом!

Абсолютно новая «роковая» хореография, «антиклассика», выражение смысла русского текста. Но это, ни в коем случае, не пантомима, а только жест! И еще немного секса... Я совсем недавно поняла, что настоящего танца не может быть, если в нем не будет чувствоваться секс. Не дешевый и пошлый, а красивый. Красота тела, движений, внутреннего состояния...

Мне представляется огромное поле деятельности и возможность попробовать себя в большом, интересном и стоящем деле... Создать новую хореографию, даже может быть антихореографию...

18.11.84 год.»

«... Когда же мы достигнем вершины? И есть ли она? В сторону- «уже достигли!» УЖЕ ДОСТИГЛИ! — Это же смешно... Ха, ха, ха!

Поездка «Дизайна» в Москву, а что за ней? Что? Почему все хотят ускорить события? Их надо, как можно сильнее оттянуть назад, и работать, работать... Ведь за Москвой уже ничего, ничего, ничего...

20.11.84 год.»

В киоске Союзпечати Эльмира купила свежую «Уфимскую неделю». И сразу наткнулась на напечатанные крупно слова:

«Объявляется конкурс в танцевальную группу «Дизайн-Шоу» под руководством Н. Чухланцева.»

Ниже мелким шрифтом был набран текст:

-Горожанам хорошо известна студия эстрадного танца при дворце культуры завода «Синтезспирт», коллектив которой выступал на сценах Уфы, городов республики и всей страны. Принимал участие в международных фестивалях. С участием студии снято более 30 программ Башкирского телевидения и две передачи Центрального ТВ. («Шире круг» и «Ритмическая гимнастика у моря»)

Сейчас этот коллектив приобрел новый статус...

-Девчонки!- влетает в раздевалку, где тихо переодеваются к репетиции девушки, Эльмира, размахивая газетой.- Вы знаете? У нас новый статус!

Она запыхалась, как всегда опаздывая к началу репетиции. Уже на ходу сбрасывает сапоги, разматывает с шеи шарф.

Все мгновенно меняется. Тишина в раздевалке взрывается шумом, визгом... Вот так всегда, когда появляется Эля... Девчонки рвут друг у друга из рук газету.

-В зал, побыстрее... Начинаем!

Эльмира, отведя руки в стороны и на прямых «деревянных» ногах, пятками в пол, этакой буратинкой идет в репетиционный зал.

-Когда ты меня познакомишь вон с той девушкой? Я ж тебя просил. Чего тянешь?- высокий парень наклоняется к своей знакомой из студии.

-Что, с Элей? Стоп! Ты что! Это же девочка Шевчука...

-А-а, жаль...

И парень отходит от стены, около которой дежурил почти неделю...

«...Знаете, откровенно говоря, во мне живет танцовщица. Да, да! Именно танцовщица или танцор, если хотите.

Но чтобы создать тот танец, о котором мечтаю, я должна учиться. Я должна познать зрителя, которого можно заставить смеяться или плакать, а главное- думать. Я должна познать искусство перевоплощения, сцену театра... Танец, о котором мечтаю,- это не просто гармония музыки и движения, это синтез прежде всего- мысли, души, музыки и тела. Не сюжета, нет... А мысли...»

II.

О, прекрасная сырость,
Проглотившая небо!
Облака, как к любимой,
Прижались к земле,
Где ты и я
Под непрочной, заплаканной крышей
Ищем друг в друге тепло.
Что?
Нам ветер ответит,
Проносившийся мимо,
На долю любимых разбивший объятья?
Проклятья
Ему облака посылают,
Что медленно тают,
Пролившись дождем...
В чем радость разлуки?
В чем вечные муки?
Где кроется зло?
А вера в добро-
Что?

Ю. Шевчук

«_ По неровному краю свечки ползет прозрачная парафиновая слеза. Вот она капнула на спичечный коробок, являющий собой импровизированный подсвечник... Вдруг свечка заплакала искристыми, быстрыми слезами, и через миг они уже стали обволакиваться мутной оболочкой дешевого парафина, и застывать причудливыми пунктирами, низвергающимися на коробок...»

02.12.1984 год.

«...1985 год — Ура! Нашла себя! Почти физически ощутила, как покинул меня 1984 год. Слава Богу!

_ Пока я училась в школе, мне казалось, что на свете для всех существует одна единственная правда, одно зло. Ан, нет! Оказывается, одному это счастье, другому

это же — горе, этому норма, а этому — хуже быть не может! Почему? Потому что все люди разные, очень разные. Получается, что человек живет для того, чтобы найти тех людей, для которых все явления определяются одинаковыми понятиями. И, если тебе повезет, и ты найдешь круг таких людей, да любовь и свое дело в придачу, то будешь бороться за эту свою правду, падая и взлетая, ошибаясь и побеждая. Вроде бы так просто...»

«Рождество! Что за откровение нам? В этом празднике что-то таинственное и

завораживающее...»- Эля залезла с ногами на диван, обхватила руками прижатые к груди колени и спрятала в них лицо. Хорошо, вот так, забыться от всего, как птице головой в спасительное крыло, или кошке, уткнувшей нос в теплый живот...

Захотелось чего-то сказочного, зыбкого и нереального, как мечта. Может быть, чтобы вдруг эта темная комната засверкала звездами, и в нее вошла бабушка? Провела бы ладонью по голове и, не спрашивая ни о чем, все бы поняла. А из кухни потянуло бы запахом испеченного ею пирога. И где-то далеко из комнат слышался бы смех отца.

... Страна воспоминаний... Есть ли она? А синяя птица, которая никогда не полиняет, как у тех детей дровосека? Где она? Небось, летает себе где-то и просто живет...

«... Я не хочу владеть кем-то, я хочу, чтобы меня подчинили своей ВОЛЕ, даже, чтобы мучили, но я бы в своих страданиях оставалась свободной и независимой... Хочу любить цветы, солнце, небо, Бога. Надо любить людей, но не тех, которых можно любить, а всех...

Я хочу их любить и чувствую, что мое сердце создано для этого... Разве вы можете это понять?!?»

«...Я завтра приду к тебе. Мне будет хорошо. Я буду счастлива...»

07.01.85 год.

«...Как все опротивело... Да, да, да! Суета, люди, дома, автобусы! Все мирское и плотское. Невольно набегают мысли, мысли о более совершенном и законченном, возвышенном и духовном. И не верится, что нет этого, чего-то большего, что возвышалось бы над всей этой мелочностью быта...

Вечером позвонил он и бросил трубку. Я набрала номер его телефона. На мои долгие, требовательные гудки никто не отвечал.

Наконец, я все же услышала его голос, который говорил мне что-то страшное и непонятное. И вдруг я увидела очень близко, вплоть до прожилок и прозрачности кожи, его руки, любимые руки... Они меня вывели из состояния собственного отвращения. Мне стало понятно, что Бога нет, а если и есть, то так далеко...

Мне стало плохо, очень плохо. Не было точки опоры для покоя. Все вроде бы хорошо, но что-то тянет душу. Наверное, просто плохо без НЕГО...

А потом мне захотелось играть, играть на сцене перед громадной толпой народа, которую можно было бы заставить смеяться и плакать, заставить быть мудрой и бесшабашной одновременно.

Я говорила и говорила этой толпе в темную пустоту кухни. Мне показалось, что я схожу с ума. Дернулся холодильник, я подошла к нему и заговорила с холодильником. Да, да! Заговорила с холодильником! Я почувствовала в нем жизнь! А вон и глаза-плафоны, и я в зеркале...

Захватило дух, но было здорово! Во мне поднялись такие внутренние силы и энергия, что я воистину поверила в то, что МОГУ ИГРАТЬ!..

Да, я, действительно, могу играть. К черту, лукавство. Я могу подчинить

настроение свое задуманным эмоциям. Причем, когда играешь или танцуешь на сцене и переживаешь одно состояние игры через другое, то получается все так, как задумано твоим внутренним режиссером.

Значит, (я поняла, поняла!) надо полностью отбросить себя и полностью перевоплотиться в задуманный образ! Это великолепно! Появляется больше жизни в тебе. Ты уже не существуешь сам, существует только то, что создано твоими чувствованиями...»

Ночь на 8.01.85 год.

В дверь звонок. Соседка Евгения Петровна осторожно, словно большая птица, переступает порог. Она обводит глазами прихожую с кучей обуви на полу.

-Лилия Федоровна, я уж потом зайду, у вас же гости...

-Ну, гости-то у нас каждый день и допоздна. Сами знаете. Проходите, в кухне чайку попьем.

-А кто это поет?- Евгения Петровна прислушалась и подняла вверх указательный палец.

-Там Эльмировичины друзья. А поет Юра. Да вы же слышали его записи у нас. Он певец, бард.

-Как вы, Лилечка сказали?

-Бард. Свои, значит, песни поет. Собственного сочинения.

-А-а, бард... Ну-ну. Я потом зайду,- и она скрылась за дверью.

Уже глубокая ночь. В ванне, в теплой воде, ласкающей тело, лежать- такой кайф! В телефонной трубке Юрин голос...

-Мам, ты чего? Иди спать. Я не утонула, нет. С чего ты взяла? Нет же, я не погружаю трубку в воду и не испорчу наш многострадальный телефонный аппарат. Будь спокойна.

Под рукой плещется пластиковая зыбь воды. Юра, любимый, говори, говори, говори... Я так счастлива!

«...Странно, почему ты сердишься на меня? За то, что не можешь меня понять? И в своем непонимании обвиняешь меня? Видимо, есть в нас нечто, которое при столкновении там спружинивает, что отбрасывает нас друг от друга в разные стороны, не давая ни на секунду опомниться. Может быть, когда это нечто сольется воедино, оно и будет вершиной нашего счастья? Может быть, так оно и будет... Но пока этому еще не пришел срок...»

«...Мне было неприятно, как ты говорил о природе актера. Разложив все по полочкам и очень просто объяснив, ты сделал примерно то же, что делают старые профессора-маразматики, которые никогда не любили, но, однако, берутся объяснять природу любви.

Я знаю, ты прочтешь эту запись и потому больше писать об этом не буду. Думаю, что ты что-то поймешь из написанного мной, хотя... Оно порой и не очень откровенно, но между строк, при желании, можно прочесть больше...»

2.02.85 год.

«...Как быстро летит время! Уже через неделю бахнет восемнадцать... Пора задуматься над тем, что будет там, пока еще далеко и в то же время таком близком будущем.... Это уже посерьезнее, чем после 10-го класса. Время ошибок прошло.

Вчера точно и бесповоротно было решено, что этот год, решающий год, я проведу в Москве. Он должен дать все. Заставить себя работать в Уфе- абсурд. Мне нужны экстремальные условия и сознание того, что рядом нет теплой постели и горячей жратвы... Надо, надо искать интересных людей, чтоб общаться с ними. Надо читать нужную литературу. Это единственная возможность познать себя...

Что такое театр для меня? В голову приходят мысли о «Дизайне». Когда что-то теряешь, остается тоска по прошедшему и по несбыточному. Ведь, если уеду, «Дизайн» останется здесь уже без меня... Танец всегда тянул, влек к себе. Но танец другой, новый...

Встает вопрос, может пойти учиться в культпросвет? Но... Прежде всего, мне нужен профессионализм, и там есть возможность его получить. И все-таки... Все-таки придется оставить мечту о профессиональном танце...

Где получить то, что ищу? Даже не ищу, пожалуй, а пока только чувствую? Но вот передо мной «Записки режиссера» Александра Таирова... Черт же возьми! Оказывается есть, по крайней мере, было то, что я ощущала в себе последние месяцы,- такое неудовлетворение собой!..»

23.05.85 год.

«И опять встает передо мной вопрос. Чувствую, что не имею права задавать его... Кажется, что если скажу ему сейчас- «Люблю», то скажу впервые. Только сейчас чувствую- доросла, оглушило этим меня, как будто воды нахлебалась... Теперь говорю: - Люблю!

С этой огромной лавиной любви пришла и ворвалась ревность, разъяренная, безобразная и злая ревность ко всему. Я ревную его даже к самой себе. Странно?.. Он должен быть сам, без всего и без всех, таким, какой он есть...

Боже, я схожу с ума! Я ЛЮБЛЮ.

...А что случилось сейчас? Что? Что, что, что? Милый мой, единственный! Если я потеряю тебя, у меня в жизни не останется ничего... Если не будет тебя со мной, я пропаду, меня ждет гибель... Меня ждет гибель, ты слышишь? Любимый, не покидай меня!»

В Уфе уже лето... Солнце щедро льет потоки света, заливая ими улицы.

-Какие розы! И как их много! И это все мне?! Вот это букетище...

Эля прижала цветы к груди. Потом вытянула руки с букетом перед собой и залюбовалась ими. Лицо ее светится счастьем. Но вдруг оно побледнело, как будто его опрокинули. По скулам пробежал трепет какого-то священного таинства... В потемневших глазах плеснулась бездна.

-Ты что?- испугался Юра, вглядываясь в лицо любимой.

Она прижала цветы к груди и выдохнула:

-Я люблю тебя...

Они бежали по аллее большого Проспекта, взявшись за руки, и на каждой скамейке оставляли по розе. Цветы алели на пустых скамейках, как знаки прекрасной и большой любви...

«...Сегодня купила билеты в Москву. Где там буду жить, пока не знаю.»

«...Пусть ты вспомнишь перед смертью ливень, (я готова иссушить его), а я вспомню дождь, обычный серого цвета дождь.

И пусть я банальна! Может быть, именно поэтому я ищу и жажду красоты, красоты во всем. Красоты души, чувства, движения, тела. Я ищу гармонию, которая властвует над всем. Ее огромную притягательную силу я ощутила на себе. Эта сила способна только притягивать!

Я буду тянуться к тебе, и если между нами образуется бездна, я просто-напросто погибну на дне ее, а может...»

06.06.85 год.

Лилия Федоровна открыла дверь и вошла в комнату, где над своим письменным столом склонилась Эля.

-Я бы, Эльмибочка, хотела с тобой поговорить... - она нервно закашлялась.

Дочь резко повернулась к матери:

-Ты обо мне и Юре? Да? Знай, мама, в моей жизни все уже решено. Я не могу без него.

-Я все понимаю. Но ты подумай. Не надо так спешить, у тебя еще не решено с будущим...

-Ты о моем образовании? Это решится, но только, если он будет рядом. По-другому я не могу.

Мама прошла на кухню и склонилась к плите, чтоб никто не увидел ее лица.

-Эльмибочка, доченька... У Юры такая трудная судьба. Как ты это все выдержишь? Сейчас его после травли выселили из Уфы... Что-то будет дальше?

Ну, ладно, что поделаешь... Надо жить. И, кажется, готовить какую-нибудь еду.

Лилия Федоровна взяла сумку и вышла из квартиры.

-Вы на базар?- встретила ее в коридоре Евгения Петровна и прицепом двинулась за ней вниз по лестнице:

-А я за почтой. Да, без Веры Алексанны вам трудновато.

-Не то слово.

-Вы чем-то расстроены?

-А, бывает... Ничего страшного,- попыталась улыбнуться в ответ Лилия Федоровна. Соседка понимающе качает головой и провожает ее сочувственным взглядом.

«Ура! Сегодня полезем разрисовывать трубы! Там на нашей крыше будет наш город. Город троих- Юркин, Танькин и мой. Город труб и антенн. Город гремящего железа под ногами и огромного, усыпанного звездами неба над головой...»

«...Что с тобой? Тебе плохо? Почему тебе плохо. Что мне сделать, чтобы тебе было легче? Любимый? Ю р к а !!!

Нервы эти дни на взводе, не могу привести себя в норму. Глупо вот так сидеть и обливаться слезами. Очень глупо. Но легче, когда в них обретаешь тревожный покой, от которого становится легче, легче...»

Капли на лице- это просто дождь, а может плачу это я.

Дождь очистил все, и душа, захлюпав, вдруг размокла у меня.

Потекла ручьем, прочь из дома, к солнечным, некошеным лугам.

Превратившись в пар, с ветром полетела к неизведанным мирам!

Ю. Шевчук.

«...Только за те песни, которые ты подарил нам, тебе стоило родиться на свет. То, что ты дал мне,- это уже нельзя ничем оплатить. Все, что я могу сделать,- только отдать самое себя и мою любовь. Что бы ни случилось, я на всю жизнь останусь твоей, только твоей. Никого не будет существовать больше для меня, какой бы моя жизнь не сложилась...»

«В тот день, когда я утром пришла к тебе и обратилась с вопросом: «что случилось?», то получила вместо ответа ледяную струю в нос. Вдруг, ни с того, ни с сего, я подошла к твоему шкафу, вытянула голубой томик стихов Цветаевой и, получив вдогонку твое «Береги себя!», спокойно удалилась.

Именно этот день я вправе считать днем, когда я начала понимать поэзию. Даже, скорее, не понимать, а чувствовать ее. Чувствовать душой, телом, разумом... Наверное, у человека должен быть момент откровения души, когда она требует какой-то другой, прекрасной жизни...»

Эльмира с трудом влезает в набитый до отказа автобус. Она вовсю работает локтями, чтобы не вываливаться из дверей, судорожно вздрагивающих створками

в желании закрыться.

Постепенно, хорошо встряхиваясь, публика утрамбовывается, и даже можно, чтобы не упасть, плюхнуться на сиденье. А за окнами мелькают дома, дома...

...Тысячи стенок, балконов, дверей.
Тысячи вечно зеленых людей,
Тысячи разнокалиберных глаз,
Тридцать тысяч зубов и фраз.

Штампованный внук Корбюзье с Ван дер Роэ,
Небо по два с половиной метра.
Наш очередной рывок домостроя-
Девять квадратов на человека!

Пищеводы подъездов, даваясь пропускают
Тысячи тонн живой биомассы.
Нам лучше не надо,- это считают
Передовые рабочие классы!

Тысячи кухонь каждое утро
Жарят на нервах куриные яйца.
Тысячи спален каждое утро,
Громко сопя, расплетают пальцы.

Одиночество здесь- царица досуга,
Среди соседей- ни врага, ни друга.
Но странно, все про всех все знают-
Вечерами ведь стены почти исчезают!...

Ю. Шевчук.

Рядом с Элей женщина, на вид очень простая, протягивает билет мужику-работяге:

-Посмотри, вдруг да счастливый?
-Я ни-и, того, в счастье не верю,- промычал тот в ответ.
-Как же ты живешь, коли в счастье-то не веришь?
-А я не живу-то, я существую...

Мужик как-то печально замолчал. У женщины разгорелись было глаза, но тут же потухли. Из желания с кем-нибудь перекинуться словом ничего не вышло-собеседников не нашлось. Она стала смотреть в окно этого желтого, пропыленного «Икаруса» на улицу, на дома, грузно осевшие в землю, как большие мутант-птицы...

«Вчера приехала в Москву. Впервые никто не встречал, если не считать дождя, который начинал лить, как только я оказывалась под открытым небом. Внутри у меня ничего не дрогнуло. Я не ощущала ни радости, ни огорчения. Было прилично спокойно на душе. Все воспринималось, как само собой разумеющееся.

На «Октябрьском поле» цветут тополя. Этот знакомый мне с детства запах заполнил весь квартал, и пух... Он лезет в глаза, щекочет в носу... Милое, милое, бабушкино «Октябрьское поле»! Единственная отрада...

Первый день в Москве. Приехал Лешка и сказал, что с помощью той магнитофонной пленки, что я выслала ему год назад, Юркина популярность растет. Он просит, прямо умоляет, прислать еще... Я так и знала- у Юрки все будет о'кей!

18-го приехала Юрина мама Фания Акрамовна. Она привезла еще одну пленку с лучшими песнями Юры.

Для него что-то должно решиться. Богородица наша светлая, пусть все сбудется, как задумано судьбой!»

19.06.85 год.

«Милый, хороший, любимый!

Любимый Юрка»!!

Так хочется, чтобы ты меня крепко, крепко обнял! Посмотрел на меня и засмеялся бы своим, таким жизнерадостным смехом.

Мне так плохо без тебя, очень плохо и даже жутко...

Приехала в Москву и впервые никто не встретил.

...А здесь цветут на «Октябрьском поле» тополя. Я никогда в своей жизни не видела столько пуха! Под ногами свяленный дождем пух похож на войлок. Сами тополя похожи на новогодние елки, украшенные ватным снегом...

...Вчера прошла по всем учебным заведениям нужного мне профиля. В деканате ГИТИСа тот же ответ: «В этом году нет набора». В Щукинке по вторникам и четвергам консультации с 17 часов, а во ВГИКе я записалась на прослушивание в четверг. Ой, не знаю, что будет?! Но я в свои силы верю. Наверное, даже чересчур. На четверг же купила билет на «Дон Жуана» в театре на Малой Бронной.

Ходила на фильм «Жестокий романс». Много понравилось. Покорила меня Фрейндлих. Буду в Питере, обязательно схожу посмотреть на нее вживую на сцене. И, конечно, Рязанов, как всегда, на высоте!

На кухне бабушкина соседка по коммуналке игнорирует мое появление. На веселое приветствие: «С добрым утром, Александра Семенна!»- могильное молчание. Когда же я осмелилась произнести эту же фразу еще раз, ее голова

медленно, аэродромным локатором стала разворачиваться в мою сторону. Вот она остановилась. Глаза на ее неподвижном лице выражали удивленное созерцание предмета, коим являлась я. Словно она увидела засветившегося, как резидент, таракана. Одна бровь вдруг взлетела вверх, но из чрева не раздалось ни звука...

Из коридора на кухню вплыла вторая соседка. Я ее видела впервые. Придерживая рукой полу грязно-розового, с воланом от плеча, мятого капота, она закурила. Поздоровавшись только со мной, спросила в лоб:

-Ты знаешь, что я выхожу замуж?

-Нет. Я же вчера приехала вечером.

- А,- на ее лице появилось слабое подобие улыбки,- моего будущего мужа ты знаешь. Его все знают.

Она поставила на огонь сковородку, разбила в него два яйца и, прикрыв от дыма сигареты правый глаз, выдала:

-Это Юрий Сенкевич!

Я в ответ ничего вразумительного сказать не могу. Новая соседка захихикала, отчего на длинной куриной шее вздулись жилы...

Напевая и помахивая сковородкой, она двинулась по коридору в свою комнату. Глаза Александры Семенны выражали ей вслед снисходительную брезгливость...»

20.06.85 год.

Из Москвы Эльмира возвращалась осунувшаяся и повзрослевшая. Ее никто не встречал. Она никому не сообщила о своем приезде. Сердце разрывалось от обиды, что опять все повторилось, как в прошлом году. А была такая уверенность в своих силах! И будто по щекам надавали... Горько, мучительно горько. На душе паскудная пустота, как не сером, замызганно тусклом столовском подносе.

«Я не хочу никого видеть. Как бы попасть домой никем не замеченной. Почему они меня не приняли? Почему не увидели, что я талантлива? Или... Я, действительно, не талантлива?!» Слезы подступают к глазам. Эля не хочет, чтобы их кто-нибудь видел. И еще один год прошел. Теперь ей казалось, что после этой повторной неудачи, она обречена на существование без мечты. «Только бы мама не заметила как мне тяжело! Она даже рада, что я теперь могу поступать в «серьезный» вуз...»

-Эльмирочка, поступай в наш университет, можно на филологический, тебе же по сердцу литература...

-Мам, я хочу быть актрисой.

-Упрямая же ты!

А Юре в Питере, и так одиноко в этой опять весенней Уфе...

«Здравствуй, милый Юрка!

...Сейчас мне захотелось сесть и писать о моей любви и больше ни о чем.

Только о Любви и больше ни о каких пустяках. Все
остальное такая ерунда!.. Да? Да!!!»

«Здравствуй, Юра!

Приготовься, хочу написать тебе длинное, длинное
письмо!

Сейчас только что была на почте и отправила тебе
ботинки. Вполне возможно, что они будут маловаты.
Если возьмутся в обувной мастерской их растянуть-
хорошо. А нет, так продай, купим другие.

...Прошлась по Ленина. Кстати, тот дом напротив
Детского мира очистили от штукатурки. Он стал
красивым, из красного кирпича! Кирпич гладкий и умный,
как старое, ушедшее с батюшкой Николаем время.
Хочется потрогать рукой. Новые дома из какого-то на
вид сырого кирпича, что создает впечатление
временности, неряшливости в отношении к жизни... Ой,
только бы не обули его в мрамор, как основания у всех
остальных домов по этой центральной улице!

Добрела до фонтанов на набережной у «Пентагона».
Сажу на скамейке в тени и пишу тебе письмо. На соседней
скамейке сидят студенты, что-то решают: tg , ctg ,
касательные... Господи, как они могут этим заниматься,
когда так подрываются птицы?! И, вообще, последнее
время страшно тянет в лес, на реку... Но одной? С июня
буду ездить на работу в пионерский лагерь.

...Пробежал маленький карапуз, весь в зеленом, с
огромным красным мячом...»

Она каждый день перечитывает его письма. Они лежат
в шкатулке на секретере... Там словами столько зашифрованных чувств!

«Здравствуй, златокрылая ночная бабочка, залетающая в мои еженочно
непокойные сны...»- Эля еще раз перечитала эти строки и улыбнулась- как
красиво!

Над ее диваном висит прикрепленный булавкой листок Юриного письма, где
все исписано словом «люблю», а пустые места составляют лепестки цветка.

«...Как живешь, моя крылорукая, легконогая?!?»

-Как живу? Да разве это жизнь без тебя?!?

Эльмира вздохнула и стала собираться на репетицию в свой «Дизайн».

... «Прочти это письмо до конца, но если хочешь забыть, лучше и не
начинай читать...

Сегодня утром ты уехал... А днем я уже не могу, чтобы не писать тебе.

Когда я пришла домой, мне было настолько плохо, что хотелось умереть. Я была зла на тебя, на себя. Злая на то, что есть ты и я, и что мы вместе, но врозь, и что все вот так, а не иначе. Почему?

Мы вчера просто не выдержали накала, нам надо было расстаться раньше. Казню себя за это и не могу себе этого простить.

Я так не хотела, чтобы ты уезжал. Как я этого не хотела! Господи!!! Но я чувствовала, что не имею никакого права требовать от тебя остаться... Если б ты остался по моей воле и я об этом знала, мне было бы очень плохо. Вот ты мне в прошлый раз написал, что никогда не слышал моего скуления, и тебе бы надо брать с меня пример, чтобы не скулить от тоски в твоём вечном городе на Неве... Нет, Юра, часто бывает и у меня такое желание...»

«...Сегодня я долго ходила по улицам и совсем не встречала людей, но очень часто мне казалось, что я слышу чьи-то шаги... Это твои шаги... Это ты где-то тоже идешь, и твои шаги отдаются в моих ушах...

Понимаешь, ты тот человек, который для меня значит все. Ты не представляешь, что в эту неделю сделал со мной! Во мне все перевернулось. Абсолютно все! Только теперь я разумом поняла, что значит для меня театр. Раньше это была только интуиция... Она и привела меня к мысли о театре. И я, не понимая, не осознавая полностью свое желание стать актрисой, боготворила это святое для меня. Но теперь все обратное. Понимаешь, этот год для меня был решающим. И тут ты, человек, которой уже чего-то добился. Человек, который делает свое дело...»

«...И в Питере я не поступила... Почему мы не можем быть вместе? У тебя нет прописки, а мне ее не видать вообще! Так что же, - нам никогда не быть вместе из-за поганных препон нашей жизни?...»

«...Поздравляю тебя, Эльмира, с днем Ангела твоего! Даже не так тебя с ним, потому что ты и сама есть ангел. Желать тебе тоже нечего... у Ангелов все о'кей! Разве что- перерасти в богиню?! Да ты и так богиня! Очень жаль, что не могу быть рядом... Хотя я всегда рядом. И ты рядом. Каждый день...

Приеду- будешь мне позировать для очередного портрета. Я их буду рисовать каждый год. Это здорово! К твоему расцвету- 50-летнему юбилею, я напишу твой 32-ой портрет! Ура! Главное, дожить, или, как там?- Выжить... Что же тебе пожелать? Сама знаешь. Человеком ты всегда будешь. Художником? Ты и так художник. Это у тебя в крови! В общем, приеду и справим семьей твой, мой и мамин дни рождения!

Помнишь читали мы о Крито-Микенской культуре? На вазах и фресках они изображали море, дельфинов, корабли и танцующих девушек-гимнасток, прыгающих через свирепого быка?

Это тебе- Эльке, Эльмирке, изображенной на критской вазе 1700 лет назад...

Холстом прохладного тумана
Я вытер с губ остатки сна.
И в предвкушении обмана
Готовлю пищу для костра...
Зарей воспламенится он
Твоим явлением рожден!
О, этот взгляд парящих глаз!
Улыбки трепетной прыжок!
Шторм рук твоих, взорвав песок,
Швырнул осколки критских ваз...
На них чудесною рукой
Отражена в полете ты.
В смертельном вихре красоты,
Дразня ревущего быка.
Творишь беспечный танец свой!
Сверкают злобные рога,
Копыта в клочья рвут цветы,
Что ты, увлечена игрой,
Его усыпала рога...

(Почти Пушкин...)

Твой Шевчук по кличке «Аполлон».

Во дворце «Синтезспирта» в репетиционном зале шумно. «Дизайн» собирается на гастроли в ГДР.

-Ничего не понимаю! Эль, как ехать без тебя? Ты же наш главный козырь! Твои сольные номера!- Элла Перминова разводит непонимающе руками.

-А, чего тут непонятного! Много с Колей ссорились из-за принципиальных вопросов, вот он и решил мне насолить.

-Слушай, а может это ему указание ОТТУДА? А? А что, это вполне возможно. Может тебе загранка того...

-Ты в виду ту историю с Юркой?

-Да, да...

-Да все может быть... Мы тогда столько подписей собрали под тем письмом в его защиту. По лестницам вонючим бегали. Всякие были- чистые и грязные, а вот люди находились хорошие- подписывались и адрес свой ставили- не боялись!

Его обвиняли черте в чем! В «Ленинце» облили грязью- мол диссидент, предатель... Поиздевались хорошо... Ну, что ж!- заключила Эльмира глухим, каким-то не своим голосом.- Знать судьба моя такая! Поезжайте! А я переживу. Все равно на днях к Юре уезжаю,- она встала, одела на плечо сумку и пошла к выходу из Дворца.

«Мухи, мухи, мухи, тра-та-та-та...

Господи, сколько вас? Одна, две, три... Двадцать одна- тьфу ты! Где сейчас

Юрка? Жарко. Воды что ли сходить попить? Поспала на скамейке так хорошо... Встала, потанцевала- все дробушки повторила...

Теперь сижу и думаю, чем бы заняться еще. Интересно, сколько мне еще придется сидеть здесь, изнывая от мух и жары?

...Во дворе два больших тополя. Их ветви солнце разлагает на спектр. Мириады разноцветных полосок света... Четыре голубя пасутся у мусорных контейнеров. Один из них выглядит этаким «интеллигентом», успевшим прилично «спиться» избытком пищи наших городских помоек... А вон у того голубя походка, как у маленькой американской ученицы...

Сегодня урок классики вела Черкасская. Какая замечательная женщина! Я в нее влюбилась, хотя девушки в моем возрасте, по идее, уже не должны страдать это болезнью. Но она такой замечательный человек!

Нет, все-таки пойду и попью. Кажется, у меня есть еще три копейки...

...Ненавижу всех, и себя в первую очередь! Что делать? Господи, помоги! Как все пусто, пошло, мелко! Где взять сил, тепла? Мне нужно отогреться. Я осталась одна, одна, одна... Все любят «кого-то», все жалеют «кого-то»- Его, а я, я, я, Я, Я, я, я...

Куда меня несет? Я не выдерживаю, я не разбираюсь в элементарных человеческих взаимоотношениях. Мне не хватает любви, я не люблю никого, только себя... Или, наоборот, я люблю всех, кроме себя,- что одно и тоже.

Где развязка? Дьявол изыди, силенок не хватает изжить его, выдавить из себя. Где кроется причина моей меланхолии, влюбленности, ипохондрии, гнусного ерничества. Где? В недовольстве собой? И этим я хочу отплатить ни в чем не повинным близким...

Диссонанс во всем... В моем внутреннем и внешнем. Как хочется тепла, любви, чтобы просто пожалели... А не жалеют, потому что я никого никогда не жалела- поделом мне!

Осталось только рисовать принцесс. Кому какое дело до меня?»

*Город, я лечу к тебе,
Город!
Твои фонари- это мои факелы.
Твои шпили- это мои распятия.
Город...*

*Вологда...Крыша...
Ян Крыжевский.*

...Все вокруг волнуется, суетится. Что это?!? Жизнь? Или есть еще что-то, что величием своим снисходит до нас? Когда оно открывается нам? И все ли? Когда его ждать?

*В небе золотом кресты вышиты...
Колокольный звон...
В чисто поле хорошо выйти бы,
И упасть ничком!
Под рукою трава колючая,
Закружилась голова,
Как судьба моя неменучая
Проплывают облака...*

III.

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю- один
Мне равносильен.

М. Цветаева.

За свадебным столом шумно и весело, и алые розы перед молодыми. Невеста в простом, белом платье, не от местного кутюрье, а позаимствованное от подруги. Сверкает капелька золотого медальона в треугольном вырезе платья, по плечам черная россыпь волос с заплетенной маленькой косичкой от виска. На бледном торжественном личике большие глаза. В них испуг счастья и перелив вспыхивающих лукавых искр.

-Счастья вам и горько, горько! Все, что ни попробуешь на столе- горько!

-Горько, горько!- подхватывает стол.

-Эля, что- будем целоваться?

-Непременно!

Она шаловливо вытягивает губы на встречу поцелую.

-Фотограф! Кончай пить и есть! Работай!

Жених делает соответствующее моменту лицо, невеста благопристойно складывает на колеях руки.

-Ура! Фотография века!

Шутки, смех и поздравления, поздравления...

«Юрк, ты думаешь- я молчу? А вот и нет, это я не молчу, это я говорю с тобой. Знаешь, я буду любить тебя вечно, до самой последней черты. И в той, другой жизни тоже! Вот ты наклонился к своему деду и внимательно его слушаешь, а я смотрю на тебя и люблю тебя!

Господи, помоги нам! Сколько еще ждет нас, ждет всякого трудного?! Кто знает! Ты мне как-то шептал: «Не так уж много времени осталось на работу, любовь, жизнь. На ошибки его уже нет!!!»

У тебя-то все в порядке, и так и будет дальше- я верю в это! А у меня? А мои мечты о театре?!?»- Эля засмотрелась на розы и вдруг ей показалось, что это не ее праздник. Пьеро, грустный Пьеро, очарованный дыханием свадебных роз, прикрыл глаза и печально покачал головой.

-Это ты мне про сегодняшнее число? Да?! 13-ое... Забавно, но оно теперь для меня самое счастливое!!!

Раскрывшийся, диковинный железный цветок... Отрада парка. Эльмира задрала вверх голову, и закружился в небе купол Спаса на крови. Улица вдоль

канала, разветвляясь причудливыми мостиками, тянется к Невскому. Вот они, окна Пушкинской квартиры. Близко, совсем рядом. Можно дотянуться рукой и постучать в стекло... Они смотрят через канал на одряхлевшую, но гордую своим происхождением, лепнину под крышей дома напротив. Эти дома видели ЕГО, сочувствовали они ЕМУ, или же были так же безразличны к происходящему вокруг, как и сейчас?

...Торжественный хор великих поэтов
Грянул с небес на меня!
-Дуреха,- шепнул мне Пушкин при этом:
-Поэтов любить нельзя!-
Он Мойкой своею меня заласкает,
К груди Черной речкой прижмет...
Когда же очнусь я,- туманом растает
Крылатка с его плеч взлетит!

Эля заглянула в черную топь канала. Вода в нем совсем другая. Не такая, как та, что серебрится у крутых берегов ее родного города

-Александр Сергеевич... Так уж получилось, и я полюбила поэта! Судьба! Но у нас все отлично! Я живу здесь, в твоей Северной Пальмире, со своим любимым. Комнатка у нас в чужой квартире, пока приходится снимать себе жилье. Что тут особенного? Ты же тоже снимал эту квартиру? В эти ворота входила прислуга. Фильки, Фомки... Слушай, а нам и прислуги не надо! Негде содержать, да и не на что! Ха, ха... А работу я найду, и тогда заведутся деньжонки, на которые можно будет жить. Как я хочу помочь тебе, Юрка! Любимый!

Мастерская, куда Эля оформилась приемщицей обуви, занимает подвальное помещение большого, старого дома. Сырость, перегар дружного дыхания сапожников и много обуви. Длинные рабочие дни, как несвежие застиранные скатерти.

Перед закрытием клиентов уже нет. Сапожники, набравшись, давно разбрелись кто куда. Эле еще надо посчитать и сверить их сумму по хрустящим бумажкам квитанций. Туфли, ботинки. Детские, взрослые, мужские, женские... Сколько их!

-А ведь можно и придумать что-нибудь с ними! Как Чаплин с пирожками. Когда обувь в магазине, она безлика и неинтересна. Так себе, стоит и все. Но стоит ее купить кому-нибудь, да еще и поносить! Эти туфли, ботинки приобретают совершенно определенный характер, они оживают. У них появляется душа. Особенно это видно, когда где-нибудь в прихожей они стоят в ожидании своих хозяев, на которых похожи.- Эля задумалась и отложила в сторону пачку квитанций. За ее спиной полки с обувью.

Там, на второйверху стоят поношенные, но ухоженные на шпильках с перламутровыми пуговками сбоку на носке. Эля сегодня старается не смотреть в их сторону.

Они, эти шпильки, вчера так кокетничали со стоящей рядом парой мужских туфель!

-Как нам хорошо вместе с вами!- вздыхали мужские.

-Да? Но вы же не знаете, нам-то хорошо с вами, или нет. Откуда такая уверенность?- жеманничали на шпильках.- Знайте, завтра за нами придут. Возможно даже утром и мы... Никогда не увидимся больше.

-Как жалко! Но у нас впереди еще целая ночь!

И почти тут же в мастерскую вбежал гражданин и, предъявив квитанцию, забрал эти мужские туфли.

С той полки теперь из темноты одиноко посверкивают капли перламутровых пуговиц.

Под ними старые, разношенные башмаки, принявшие формы стопы с подагрическими шишками, ворчат со скрипом:

-Не вышло у этих со штаблетами-то! А уж больно старались, аж чуть с полки не сиганули. Возню какую-то поднимали!

-М-м-да,- периодически выдает пробитый пулей сапог с чьей-то крутой ноги.

Эля потянулась, встала из-за стола и стала собирать сумку. Она перетянула старенькой бабушкиной шалью грудь, одела демисезонное пальто и, выключив свет, по крутой, вонючей лестнице выбралась на улицу.

Продрогший трамвай и холод обрушившейся в этот год на Ленинград зимы... Черные улицы проглотили огни.

«Кто придумал этот город?» — и дрема смеживает веки, и леденеют руки, ноги.

Я- церковь без крестов,
Лечу, раскинув руки,
Вдоль сонных берегов
Окаменевшей муки.

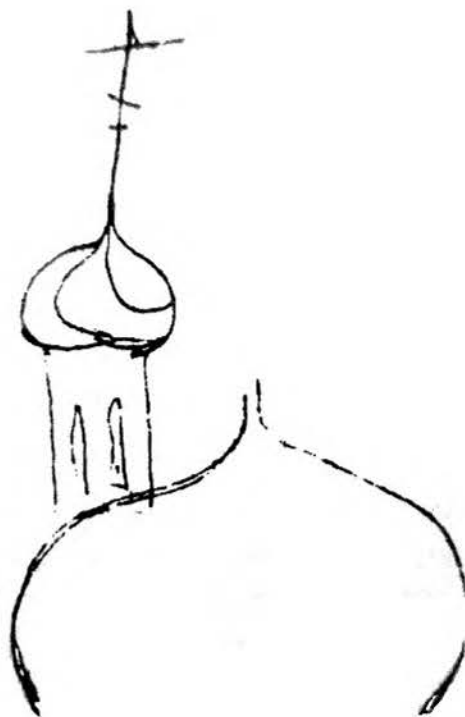
Я- вера без причин,
Я- правда без начала...
Ты слышишь, как вскричала
Душа среда осин?

Я- птица без небес,
Я- каменное эхо,
Полузабытых мест

Печальная примета.

Полночная луна
Мои бинтует раны,
Да серые туманы
Купают купола...

Я- церковь без крестов,

Стекаю вечно в землю,
Слонам ушедшим внемлю
Да пению ветров.

В душе моей темно,
Наколки об изменах.
Разбитое стекло.
Истерзанные стены...

Ю. Шевчук

Юрин голос рвет зал и его церковь без крестов летит в вечность, отгребаясь белой, израненной грудью. У Эльмиры перехватывает горло, жжет глаза. Толпа пульсирует, отдаваясь ревом в ушах.

-Шев-чук! Шев-чук!!!

«Грандиозно!!! Я знала, что в Питере его так будут принимать! Его принял и понял этот город!»- Эля закрыла глаза- «Я так счастлива! Не подходите ко мне! Я могу зареветь». Весь мир вокруг пришел в движение, застигнутый лавиной единого выхлопа чувств. Он подхватывает Эльмиру, раскачивая гигантскими качелями вверх-вниз, и замирает сердце.

Потом, уже дома, как во сне, друзья и разговоры, разговоры...

-Юр, ты устал?

Эля проводит рукой по его щекам.

-А здорово-то как было!

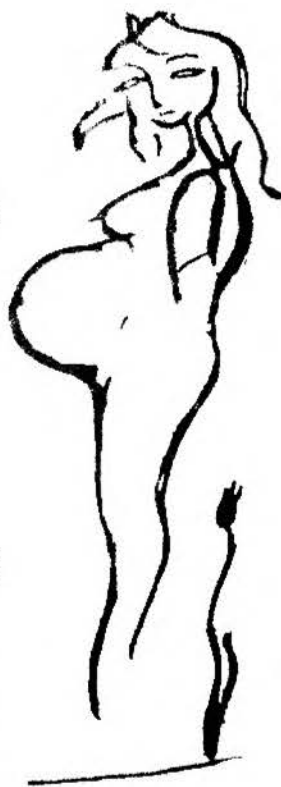
-Любимая, любимая ты моя. Так бывает, когда мы вместе. Ты мне приносишь удачу, как тогда в Уфе... Ты появилась в моей жизни, и все сдвинулось с мертвой точки. Ты- мой добрый ангел!

-Угу,- она обвивает руками его шею и прижимается лбом к его лбу.- Мы всегда будем вместе!

-Ну, конечно! А разве может быть по-другому?

«Думаете, меня кто-то обидел? Нет, совсем нет. Просто я стою, прислонясь к шершавой, холодной стене дома и думаю об этом великом городе. Видите, я уже улыбаюсь. Мне хорошо, и душу переполняет что-то большое, туда не вмещающееся. Оно радостное оттого, что я имею честь жить! Здорово так- жить! Хочется заскакать прямо тут, на улице! Но... Я брюхата... Да, да! Брюхата!!!

А вокруг этот город. Прекрасный город, город-музей. Каждый дом хочет про себя рассказать. Прямо вылезает из себя глазами окон. Мне так кажется. Все здесь «модерново». Как хорошо, что этот стиль прошелся в свое

время по нашей северной столице! А то мы так ничего о нем бы и не узнали. Разве только из толстых умных книг? А тут наглядность.

Вчера была на Морской. Видела дом, где родился и жил Набоков. Дом розовый. Стоит себе и грустит о прошлых своих обитателях.

В БДТ, когда погладила фигурку, держащую светильники у перил лестницы, почувствовала ее тепло. Тепло формы, выполняющей свою прямую функцию-освещать лестницу и создавать иллюзию сказки. Форма оплавилась души? Наверное...

Вообще, в этом городе меня поражают витражи, ажурные решетки. Кто-то ковал эти решетки с легкостью милости божьей. Орнаменты в интерьерах внутри домов, или на их облицовке. Изломанный разбег диковинных стеблей. Какие-то чарующие цветы, как из сна. Вот она, стилизация флоры. Отзвуки модерна Европы.

Когда бывает паршиво, засмотришься на все это чудо и все забываешь. Хочется рисовать, рисовать... Счастливые те, кто учится там, на набережной Васильевского в Академии Художеств. Надо вам сказать, это настоящий храм!

Видела рисунки Бердслея. Какие-то необыкновенные линии. «Слушают Вагнера». Женские тяжелые плечи, выплывающие из оков декольтированных платьев. Прически, венчающие гордые головы. Действительно, начинаешь слышать музыку Вагнера.

Записала слова Оскара Уальда. Бердслей классно его нарисовал. Такие руки!

«... Продай все, что имеешь и раздай нищим», - говорил Христос юноше, думая при этом не о нужде бедняков, а о душе юноши, которого губило богатство.»

Если отбросить последнюю строчку, можно подумать Раскольникове. «Боль, в отличие от наслаждений, не носит маски. Страдание- единственная истина...»

Страдание, нищета. Здесь этого много. Какие-то заброшенные люди, люди-беспризорники выглядывают из арок этих помпезных домов. А за ними чернеют жуткие колодцы дворов. Вот сейчас какой-то горбун выскочил прямо передо мной. Состроил мне рожу и попросил денег. Я пошвырялась в карманах и, к сожалению, нашла только трешку. Боже мой, я поняла, он- это мы!»

А летом Эльмиру в связи с ее положением перевели работать в контору. Ну, здесь совсем другая жизнь!

«Начальнику Ленинградского
производственного объединения
ремонта и пошива обуви Нева №4...

Приказ
о назначении ответственного лица за электрохозяйство...»

-Фу, ты!- Эля перестает читать и, приняв позу значительности, входит с этой бумажкой к начальнику. Тот сидит лицом в дверь прочно и неподвижно, как унитаза. Механическими движениями рук он принимает ценный документ. Между

тумбами письменного стола Эля видит его ноги. Ей кажется, что эти ноги не человечески, а слоновьи с бляшками мозолей там, где должны быть колени... Над столом портрет генсека в раме...

-Что это?

Она очнулась. Начальник тычет пальцем в конец приказа, где подпись.

-Ой, извините!- Эля округляет глаза. В конце злополучного документа красовался нарисованный ею цветок.

-Сейчас перепечатаю, привычка у меня такая везде рисовать.

-Плохая привычка.

-Может быть...- она поспешно закрыла за собой тяжелую дверь, а в животе кто-то толкнулся раз, другой...

-Малышка... Ты что? Тебе тесно? Ну, ничего, скоро вырвешься из своей темницы на свет божий. Скоро.

Осенью приехала Лилия Федоровна и забрала Элю в Уфу.

«...Ой, мамочки, что же это такое делается! Боль-то какая, нет, не боль,- это точно зуб из души тянут. Вот, вот она тебя, эта душа, покидает! Ой, уже корешки трещать начинают!

Жарко-то как, аж волосы вместе с потом выходят... Да, вылазь же ты на свет божий, дите окаянное... Рано? Как же рано, когда моченьки-то уже не осталось, душа вот-вот улетучится...

-Рано, тебе говорят!

-Ну, ладно. Попить бы... За что же ты, мамочка, родила меня? За какие такие грехи терпеть все это! Один грех- любовь плотская. Ой, лишь бы не девчонка... Да чего ж эта баба рядом так орет? И без нее тошно...

Ну, и печет от этой батареи, жарко. Куда все врачи-то подевались? Так и рожу здесь. «Рано еще!» Да, чтоб все провалилось! Как уж дольше терпеть- кровь в жилах стынет...

-Беги на стол!

_Наконец-то!!! Как легко, как хорошо, а стены-то какие белые, какие чистые... Небо какое прозрачное, пар клубится... Кричит. Замолчал. Почему замолчал? Сестра, посмотрите, что это ребенок замолчал? Все нормально?! Все нормально!!! Сын! И, Слава Богу!...»

«...За меня не беспокойтесь, все хорошо. А сын большой и красивый, с Юркиным носом- порода, да и голосок- ого-го!

Нужно придумывать имя. И, вообще, вы не представляете, какой он здоровенький!

Ну и весело же нам теперь будет жить!

Фрх-жмурка.
Сонурка -

Солнышко какое.

Всем большому - большому привет.

Сын-то каков, сорвал с медсестры ручонкой марлевую повязку. Прямо, как отец- маски срывает, обличитель!

Действительно, число 13 для нас стало магическим и приносящим счастье!..».

13 ноября 1987 год.

Петя, Петенька, Петруша... Ему уже месяц с небольшим. Он розовенький и веселый!

И вдруг захлебнулся свет за окном. Вскинулась, заметалась предновогодняя метель. В больнице стынут стены.

-Мамаша, отойди от дверей операционной!

-Н-н-нет!!!

Хрустнула эмаль стиснутых судорогой зубов.

-За что? За что такой испытание? Медсестра... Что она говорит? У малыша аллергия на наркоз?! Сердечко остановилось?!? Мир рушится, как песочное нагромождение, и уже нечем дышать.

-Нет! Нет! Я хочу умереть! Пустите меня к моему сыну! Только не он! Мальчик мой...

-Тихо, тихо! Возьми себя в руки. Ребенку-то уже лучше. Слышишь?! Мамаша! Лучше ему.

Эля сползает по стене на пол, сгребая под ногти бесчувственных рук краску с панели:

-Спаси его, Боже, спаси...

-Дак спасли его, тебе говорят. Чего ты?

Постепенно все вокруг приобретает изначальный цвет, и уже солнце в морозные больничные окна.

-Эльмировичка, сегодня уж я подежурю около Петруши.

-Да что ты, мам! О чем ты говоришь? Разве я отойду от него?

И Лилия Федоровна понимает, что спорить с дочерью бесполезно.

-Ура! Папа приехал! Петя, твой папа приехал. Смотри, какой отец-то у нас бородатый!

Названный в честь великого реформатора Петра I, маленький сын ужасно боится футляра от гитары отца. Особенно, когда его открывают.

-Не плачь, малыш! Чего ты боишься? Это ж совсем не страшно!- зычно голосащего мальчишку голышом усаживают в футляр. Он вдруг умолкает и начинает, еще всхлипывая, улыбаться. Вот захлопал ладошкой по стенкам этого уже теперь совсем не страшного футляра.

-Ему понравилось! Он поборол свой страх. Юр, а наш сын растет!

В Уфе событие. Из Ленинграда приехала группа ДДТ в ее новом составе. Снова в этом городе Юрий Шевчук. Уже признанный Юрий Шевчук.

В зале дворца «Юбилейный» яблоку негде упасть. В центре, в партере уфимская комсомольская элита. Среди этой публики нет свиста и выкриков, только вежливые хлопки. Над ней нависла тишина, как пузырь воздуха в плотно сбитой вокруг массе из мощного дыхания, восторженного рева и пота, что ручьем между лопаток у Юры.

Эля идет по проходу между рядами к первому, где сидят друзья и близкие. Ее глаза застилает горячая пелена какого-то почти сладострастного упоения. Это доселе неизведанное, головокружительное чувство. Ее Юрка- победитель! Да, да! Именно победитель, вернувшийся в родной город со щитом!

«Только бы все прошло нормально. Сердце бы ему не схватило, как тогда. Юрка, Юрка... А какой длинный и трудный путь был к этому дню! Скотское гонение здесь в Уфе, мытарства в чужом городе, где его никто не знал. Подготовка к выступлениям. А этот реквизит, который я перевозила в Питер!»

На первом ряду не унимается Сережа Рудой:

-Чего это он? А?! Где «Поворот»-то? Когда будет петь «Поворот»? Хочу «Поворот»!

И свист... С Сережей вот так всегда... Потом будет очень долго болеть живот от смеха. Кто-то сзади возмущается:

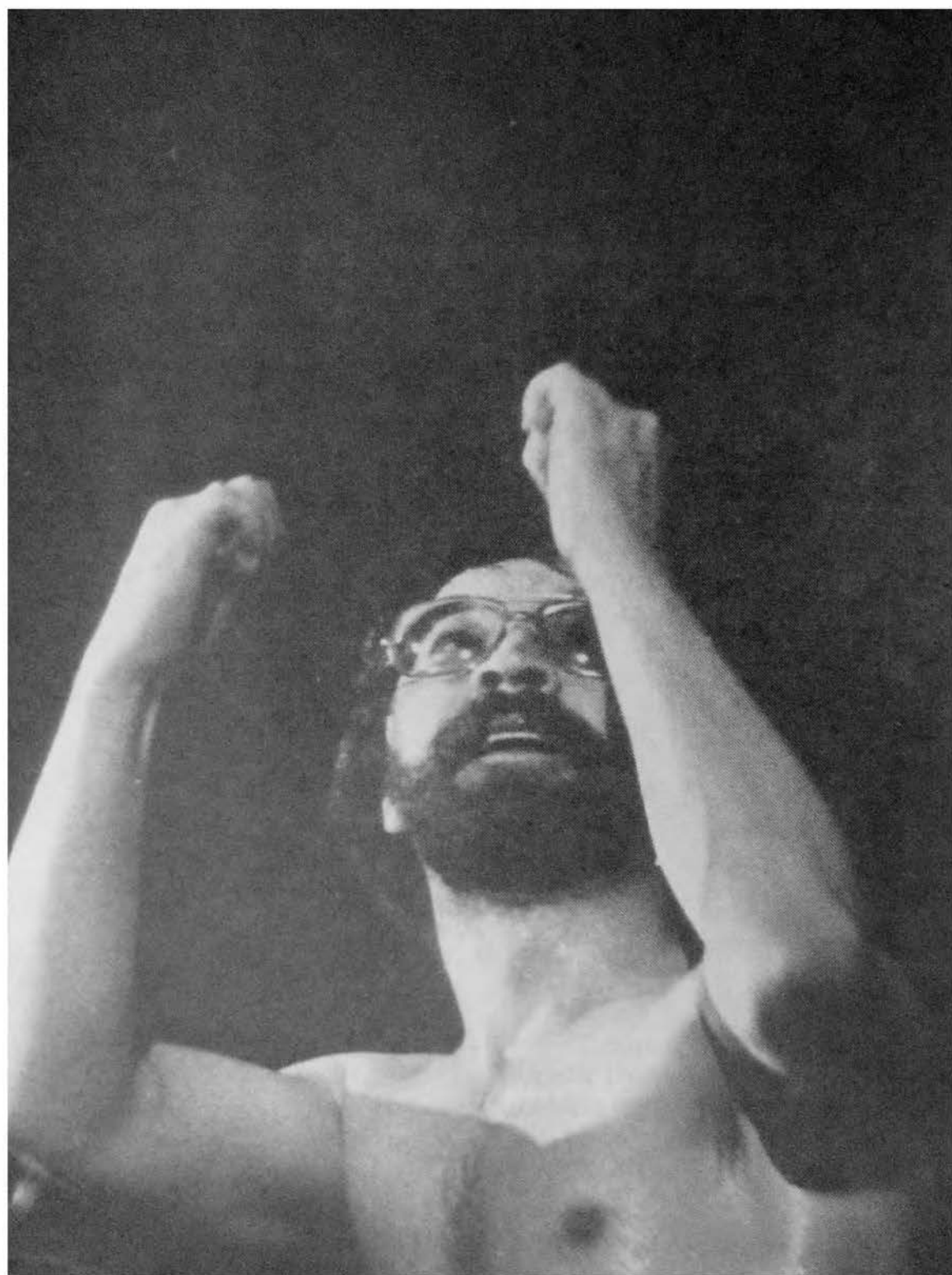
-Кретин! Это ж Шевчук, а не Макаревич!

-Сам кретин! Хочу «Поворот»!

Праздник сегодня здесь на первом ряду. И плевать на тех, кто солидно сидит в центре, в партере! Все равно их будильник отзвенел свое, на пару со злостной возней вокруг Юрки!

Бараклит аппаратура... Глохнет зал, взрываясь криками. В бушующем море лиц и рук мечутся лучи софитов, выхватывая режущие тряпки, изображающие флаги.

... «Предчувствие гражданской войны»... Юра поет, и от страшного откровения обреченно немеет душа. Кажется, вот-вот рухнут стены под ударами чего-то грядущего, такого непонятно жуткого, как гигантский черный шар- маятник там, в фильме маэстро Феллини.

Табличка на белой двухстворчатой двери: «Тихо! Работает приемная комиссия».

За длинным столом, укрытым скатертью, восседают люди искусства. Они уже порядком устали.

-Следующий!

На сцену выходит Пьеро в белом балахоне и колпачке на голове. Он двигается от правой кулисы какой-то необычной пластикой. Вот он замер, и у него из широкого длинного рукава показалась маленькая кукла, тоже Пьеро.

Своими большими, чуть выпуклыми глазами большой Пьеро приветствует куклу, отдавая уже ей предпочтение в этой игре.

Набирающий курс кукольников Павел Романович Мельниченко заинтересованно спрашивает:

-Кто это?

Пьеро сдернул с головы колпачок.

Черные волосы рассыпались по плечам:

-Я Эльмира Бикбова!

Весело, как-то очень задорно отрекомендовался он.

-Вы хорошо двигаетесь. Занимались где-нибудь?

-Да, я танцевала в труппе «Дизайн-Шоу».

-Ну, что ж, не плохо... Совсем неплохо!

Павел Романович улыбнулся и откинулся на спинку стула.

«Милая Эльмирка!

Ты заметила, что когда я уезжаю, мы ссоримся. Это превращается в дурную традицию... Это не только потому, что я ужасный человек. Мне, действительно, тяжело уезжать. Мне мучительно прощения:

Опять и опять,
Снова и снова...

...Впереди еще много работы и много жизни. Нас ждет с тобой еще немало счастливых минут. Я очень рад за тебя. Твои мечты сверкнули на горизонте...

Учись и береги Петрушу!

Мне, действительно, не понравилось, как ты последний раз читала- манерно и искусственно. Все пронизывает какой-то неверный, изначально взятый надломленный тон. Хотя с дикцией у тебя стало гораздо лучше!

И зря обижаешься!

Целую, люблю, Юра».

«... Знаю сама, что плохо читала. Просто, обидно стало. И на вступительное прослушивание я этот отрывок не взяла.

А мои мечты, в самом деле, сверкнули! Это точно. Я теперь студентка Уфимского института искусств, театрального отделения. Будущая профессия, (так записано в студенческом билете)- «Актер кукольного театра». Что ж, не получилось в Москве, не получилось в Ленинграде. У мамы такие глаза! Жалеет, что я бросила университет, в котором проучилась год. А я хочу быть актрисой, и непременно буду! Мама, в конце концов, поймет, что мне не жить без сцены!

Только нужно время и терпение, чтобы жить далеко от Юры. Ничего, как-нибудь... Ездить к нему буду».

В квартире повсюду резиновые рыжие клизмы с отрезанными наконечниками. На подоконниках, столах, полу.

-Что это?

Испуганно восклицает, увидев их, заглянувшая, как всегда, на минутку, Евгения Петровна.

-Это клизмы. Да, да! Не удивляйтесь,- это обыкновенные клизмы! Эльмира использует их как головки своих персонажей. Одевает на пальцы- вот так, и получают всякие занятные человечки.

-Как интересно!

-В общем-то, да. Проходите, Евгения Петровна, чайку попьем,- Лилия Федоровна обводит глазами кухню в поисках чайника:

-Странно, почему-то не вижу чайника...

-Мам, он у меня на столе!- отвечает из ванной Эльмира, где она моет Петю.

Мама находит, наконец, чайник и в смятении застывает с ним в руках:

-Разве это чайник? Что ты с ним сделала?

-А, ничего особенного! Он был мне нужен для одной сценки, пришлось убрать носик. Для кухни, я боюсь, он уже не понадобится!

-Да уж...

-Не стоит убиваться по этому поводу- купим другой! Не сердись, ради Бога!
-Ни, ни...- вторит Эльмире Петя, грозя розовым пальчиком.
-Хм, как легко!- «Купим другой». А ты, Петь, чего взъерепенился на бабушку?
Тоже мне, защитник нашелся!
-А вы знаете, Лилечка,- у соседки на лице тревожно блеснули стеклышки очков,- надо запастись муку. Люди берут мешками.
-Ой, Евгения Петровна, разве на всю жизнь запасешься?
-Хотя бы на ближайшее время! Вы не правы,- один мешок муки много места не займет.
-Может быть, может быть...- и Лилия Федоровна разводит руками.

-Аэропорт закрыт до двух часов по московскому времени, повторяю...
Зал ожиданий ночного аэровокзала, встрепенувшись было на некоторое время, опять погружается в тягостное расслабление. Где-то в его конце за стойкой маячит, убаюкивая, белый кокошник буфетчицы. На креслах, чемоданах, подоконниках спящие пассажиры.

Эльмира летящей походкой, лавируя между неподвижными телами, словно Валькирия среди павших на поле битвы, пересекает зал.

На лбу кожаная повязка, пальто с крыльями от плеча, длинная с развевающимися полами юбка. Те, кто бодрствуют, заметно оживляются, с интересом провожая ее взглядом.

«Как ловко чувствовать свое тело! Кажется, кто-то легко и дерзко подталкивает тебя изнутри вверх.

Я знаю, знаю, что меня переполняет. Счастье! Такое непонятное, беспричинное счастье. Оно, видимо, от того, что я просто живу на этом белом свете! Только вот в голове сумбур из беспорядочных мыслей, и сердце в постоянной тоске по НЕМУ.

Ну, это всегда. Даже, когда я думаю, что мне весело. Тоска, как одинокий выключатель на стене. Вот тут, тут! Неотвязно перед глазами. И некуда деться. Юрка... Он ждет меня. Мой ветер доносит до него мою любовь. Я счастлива, что живу! И люблю, люблю, люблю!»

Цыганка с оттянутым через плечо узлом, где спит ребенок, трогает Элю за рукав:

-Красавица, дай погадаю.
-Я сама цыганка, не видишь, что ли?
-Похожа, но не цыганка. Покажи руку, не откушу, и правду расскажу.
-Не надо мне твоей правды! Отстань, а? Все равно у меня денег нету,- и, сама не зная почему, не может вырвать руку из цыганских, таких цепких пальцев.

Цыганка, взглянув на Элину ладонь, покрытую сетью мельчайших морщинок, вскидывает бровь:

-Ого!

-Чего- ого?

-Да ладонь-то у тебя, сроду такой не видела, как у старухи или обезьянки.

-Ну, хватит! Сама знаю, какая у меня ладонь. Да и судьбу свою знаю тоже,-

она выдернула руку. Резко отвернувшись, зашагала прочь.

-А все равно болезнь у тебя, и черно все...- крикнула ей вслед цыганка.

-Вот дура-то. Что еще скажешь!- Эля передернула плечами, и вдруг как будто кто-то навалился на них и онемели руки. Замигали глумливо зеленые цифры на табло времени. Закорежилась, расплавляясь, чернота за окнами. И все остановилось...

Буркнул и засвистел микрофон дикторши:

-Объявляется регистрация на рейс Уфа-Ленинград... Зашевелились пассажиры. Эля взяла сумку и направилась к регистрационной стойке.

Мелодия цветов, затерянных вначале...

Я слышу эти ноты, похожие на сны.

Итак,

Когда-то в старину с бродягой обвенчалась

Прекрасная любовь, дарящая мечты...

Прекрасная любовь с бродягой обвенчалась,

Связали их дороги, хрустальные мосты...

Ю. Шевчук,

Купленная на Синопке в старом бараке комната кажется обжитой и уютной. В туалете можно даже принять душ из виртуозно смонтированного приспособления. И соседи хорошие. И еще совсем близко Александро-Невская Лавра...

Эля разложила на столе тетрадки.

«Я теперь ленинградка, а вот учусь в Уфе. Через два дня туда на семинар.»

В карниз окна стукнули раз, другой... Она бежит открывать дверь, топая ногами по коридорным щербатым доскам, чтоб случайно не наткнуться на крысу.

-Юр, ты? Да вас много...

Тряхнув хвостиками волос, отступает назад, кутаясь в свою старенькую шаль.

И заваливаются большой компанией веселые поздние гости. А за окнами ночь и далекие искры звезд.

-Ты, что? Что губы надула? Не рада, что ль?

-Нет, почему же... Все нормально!

Она круто разворачивается на пятках и идет в комнату.

Старинное здание бывшего Дворянского собрания. На мемориальной мраморной доске у входа золотыми буквами: «Здесь пел Федор Иванович Шаляпин». Теперь в этом здании- Уфимский институт искусств.

По роскошной лестнице с красивыми перилами можно спускаться не спеша, вот так величаво, как подобает настоящей даме. Спускаются только ноги, а тело плывет легко, как бы стекая по ступеням. А руки? Руки... Их же надо пристроить. И еще взгляд, такой независимый, слегка рассеянный, не допускающий, ни в коем случае, ни фамильярности, ни грубости с чьей либо стороны.

-Эльмирк! Ты куда? Поднимись, а? Там с этюдом надо Светке помочь.

-Вообще-то, мне бы домой... Ну, ладно, сейчас.

В аудитории уже куча народа. Прибежала Танька, которая теперь учится тут же, Артур, Сашка Верхоземский и Марина. Вполне творческая атмосфера. Все чего-го кричат, перебивая друг-друга.

-Все должно быть просто, как мудрая безмятежность ребенка. Накручивать тут не стоит.

-Ребята, стой! Надо пофилософствовать. Я недавно прочла у Метерлинка... Даже где-то записала его мысли, сейчас.

Эля порылась в своей сумке и вытащила тетрадку. Спешно начала ее листать:

-А вот, нашла! Слушайте, это про «Отелло»: «...Будет ли африканский воин обманут благородной венецианкой или нет- в нем все же есть другая жизнь. В моменты его жалких подозрений и самого грубого гнева, вокруг его существа и в его душе происходят события в тысячу раз величественнее...» Видали? Тайна. Тайна шекспировских трагедий. Почему они такие грандиозные по ощущению? А мы суедемся, мечемся... Что-то упускаем большое!

-Эльмирк, не мудри. Сие нам не дано. Масштабы другие!

-Нет, нет вы неправы! Простота в скользящей по стеклу капле, в которой отражается целый мир. К простоте что- то должно подключаться еще, какая-то непостижимая тайна лицедейства? Или смысл подстрочного текста?

-Душа нужна!- сверкнул глазами Саша.

-В самом деле! Это же так просто- душа. И так сложно...

А дома- сын Петя. Его очень часто не с кем оставлять. Вечером и в выходные дни с ним Лилия Федоровна. Правда, помогают подружки. Но Петька их совершенно не слушается и все в доме переворачивает вверх дном. Скорей бы детский садик! Тогда не будет проблем.

Жаль, что Юру он видит редко. Увидит его на экране телевизора и кричит- «Папа, мой папа!» Тут же хватает что-нибудь, прилаживает как гитару на живот и начинает бить по этой штуке своей маленькой пятерней. Приотпытывает при этом отставленной ногой и поет. Ну, совсем как отец.

Этюд. «Руки».

Черный, широкий задник. Артист в черном.

Перед ним в рост и ширину полоса черного материала.

Появляются руки. В одной- щетка зубная, в другой- паста.

1. Человек чистит зубы.

2. Причесывается, приводит себя в порядок.

3. Берет зонт и выходит на улицу.

4. Идет, опираясь на зонт или помахивая им.

5. Звук открываемой двери.

6. Звуки музыки, неясные голоса, звон посуды.

7. Человек усаживается и в ожидании официанта закуривает сигарету, разворачивает газету, начинает читать.

8. Пьет кофе, берет сэндвич.

9. Кого-то ожидая, нервно стучит пальцами по столу.

10. Замечает, что кто-то вошел. Встречает девушку.

11. Сажает ее на колени, целует, обнимает.

12. Какой-то надлом. Он ее о чем-то упрасивает. Она встает и уходит.

13. Человек допивает свой кофе. Достает бумажник. Отсчитывает деньги и кладет их на столик.

14. Берет зонт. Выходит на улицу. Раскрывает его. Идет под дождем...

15. Приходит, вешает на место зонт.

16. Подзывает кошку, гладит ее, наливает в ее миску молоко.

17. Что-то ищет. Нашел. Это веревка. Приспосабливает ее и вешается...

«...Душа- гораздо выше того, что можно о ней узнать,
и гораздо мудрее всех своих поступков...»

Эмерсон.

На сцене учебного театра показ этюда. Очередь Эльмиры. Она в смирительной рубашке сидит на стуле привязанная длинными рукавами к его спинке. Смирительная рубашка... Балахон Пьеро? Тоже длинные, широкие рукава.

Психушка. Перед больным или больной, здесь это не важно, на тумбе тарелка и кружка. Тягостное молчание. От фигуры, сидящей неподвижно на стуле, исходит отчаянье. Вдруг его больное существо, опустившее на грудь голову, начинает медленно раскачиваться. Вот уже четко проявляется ритм: та-та-та, та-та-та... Ритм вальса. Сумасшедший поднимает голову, подсвистывая себе мелодией вальса Штрауса. На бесстрастном лице оживают глаза.

Неожиданно на этот свист появляется откуда-то собака. Саша Верховоземский весь в черном, чтобы его не было видно, ведет эту собаку. На сцене теперь двое- больной и собака, которая его пугается. Явно не доверяя, отбегает назад.

Он продолжает насвистывать громче, подзывая собаку. Его начинает занимать это живое, тоже заброшенное существо, появившееся бог весть откуда, не то из яви, не то из больного воображения.

Вот собака остановилась, как бы прислушиваясь к свисту. Она осторожно, будто невзначай, как это умеют делать только бродячие, голодные собаки, обследуя носом участки пола, и не теряя из виду привлекающий ее предмет, оказывается около стула больного. И вот уже подвывает самозабвенно, с полной отдачей из благодарности, что ее заметили. Возникает невидимый контакт. Контакт двух одиночеств...

Сумасшедший сползает со стула. Изловчившись, двигается на коленях к тумбе. Берет зубами кружку и наливает из нее молоко в тарелку.

В зале напряженная тишина. Все следят за Элиными движениями, которыми она творит чудеса, выполняя какие-то невероятные вещи!

Опять же зубами она ставит тарелку с молоком перед собакой на пол.

Вдруг на сцене перед больным вырастает громадная фигура санитарки. Лицо ее занесено вверх так, что его не видно. Виден только белый акулий подбородок. Большое торпедное тело с грудями дыбом и обширным задом. Санитарка немедленно вышвыривает собаку вон и, водворив больного на стул, всаживает ему укол. Тряхнув акульим подбородком, удаляется. За кулисами вой собаки. Лицо сумасшедшего искажено... На нем невыносимая боль, тоска и горечь...

Сбоку из-за кулис к нему ползет побитая собака...

Павел Романович долго молчит. Наконец как будто приходит в себя:

-Эля, откуда у тебя этот сюжет?

-Сама придумала...

И настороженность в карих, горячих глазах.

-Хорошо, молодец.

Учитель кивает головой. Сколько у этой девочки фантазии! Она, безусловно, очень талантлива, и какая способность к воображению!

-Эля, второй этюд потом покажешь. Я устал. Так, немного...

Эля ни о чем не будет спрашивать. Она знает- Павел Романович нездоров. В ее взгляде участие. А глаза излучают непобедимый свет радости от этой данной без выбора жизни. И сразу становится немного легче, и учитель улыбается ей.

Она, как игривый, шаловливый луч. С ней забывается все тревожное. Откуда же, вдруг, в ее глазах порой такой обрыв, такая бездна?

-Эльмирк, ты слышала? Отчисляют их все-таки.

-Будем бороться? Как же так?

Эля наспех приводит себя в порядок после выступления. Не успев до конца снять весь грим с лица, она несется с группой сокурсников к деканату.

-Вы так убедительны, у вас просто талант! Но, поймите, Эльмира, вы зря это затеяли,- пробует убедить ее кто-то из преподавателей,- их отчисляют за непосещение занятий. Что же вы стараетесь биться за тех, кто не хочет учиться?

-Они будут теперь посещать. Бывает... Оступается только идущий. Надо им дать возможность отыгаться.

-Как в преферансе, что ли?

-А что, и в карточных играх бывает мудрость. Какие мы все аморфные! Растения, а не люди!- Эля раздула ноздри и решительно взялась за ручку двери ректорского кабинета.

И отстояли. Тех студентов оставила в институте.

-...Я отогнула край занавеса и заглянула в зрительный зал. Ряды пустых кресел. И никого... И вдруг в ушах, как шум легкого прибоя, движение в зале. Это мои будущие зрители. Я уже чувствую их, доброжелательных и скептиков, восторженных и циников... Они здесь и ждут моего выхода.

Вот показалась моя рука-крыло, а вот и нога в вязаном розовом чулке.

Видите? Рука умеет летать. Теперь я вся на виду. У меня тело карандашиком и длинные ноги. Сейчас вы умрете от смеха, когда я пройду по сцене колесом. Мои руки наполнят зал чудесами. Гибкие, движущиеся пальцы моих рук расскажут вам историю одной жизни.

А из глаз моих вы получите веру в то, что все это было на самом деле.

Со мной моя маленькая кукла. Я сделала ее сама. Я люблю ее. Она радуется со мной и вместе мы с ней украдкой плачем. Но этого никто не должен видеть, даже звезды... О, они очень любопытны! И когда наступают потемки, эти звезды следят за нами. Потом длинными ночами будут, подмигивая и усмехаясь, рассказывать другим о том, что видели.

Моя кукла Пьеро... Она моя душа.

«Тень и свет... День и ночь... Почему они всегда рядом? Бок о бок?» Свет от настольной лампы чертит тени на стенах. «Здорово мы их с Танькой разрисовали! Мама все рвется заклеить их дурацкими обоями. Жалко- уйдет частичка нашей прошлой жизни. Куда уйдет? В никуда.»

Эльмира раскрывает толстую общую тетрадь и начинает писать: «...Скоморохи на Руси были оседлыми и странствующими. После указа Алексея Михайловича (1648 год.) началось гонение на скоморохов. Я хочу сделать «Петрушку». Почему?»

Она перестает писать, встает и прохаживается по комнате. «Да, действительно, чего это я хочу делать сценку именно с ним, с Петрушкой?» Почему-то вспоминается одноклассник Генка. «При чем тут этот парень? Связь с моим балаганным Петрушкой? В чем она? И какая? Тень и свет... В чем и где она, эта граница?»

Эля тряхнула головой и лукавые, растрепанные тени взъерошили потолок.

«Это будет своеобразная реабилитация моего героя. Петрушка не просто балаганный персонаж, который только и знает, что дубасить всех направо и налево, и еще находит время позубоскалить.»

Он способен к каким-то своим личным переживаниям и размышлениям. Наверное... По крайней мере, я так думаю. А огульное дубасенье- это ведь тоже

не просто так. Это защита перед страшным окружающим миром, по правилам которого приходится поступать и ему. Именно поступать, иначе съедят... Он бьет, он же и страдает.

Почему-то возникла ассоциация с Генкой. Этот парень учился со мной в одном классе. Его посадили за драку. Почему он избил кого-то? В той драке он «сражался» один с четырьмя... Вроде бы Генка был тонко чувствующим, умным, немного сентиментальным... И что, или скорее, кто отправил его «туда»? Кто эти люди, которые его судили? Те же самые дубиновичи. Только они бьют не так, как он четверых сразу, а они вчетвером накинулись на него одного. Может быть, их и побольше в лице существующих властей. Как представишь эту махину государственной машины, наезжающую на живое тело, как подступает тошнота...

Она создает бедность, чтобы люди воровали и насаждают злость, чтобы люди убивали друг друга. Она отняла веру, чтобы люди стали безнравственными и уничтожила истину, чтобы люди читали только «Правду»... Она жадно выискивает «Петрушек», нащупывая их своими жирными, холеными пальцами и загибая их в человекоубку.

Мой Петрушка рыжий и кудрявый. Надо сделать текст, который будет иллюстрировать кукол за ширмой. Петрушку рассказчик держит в руке перед ширмой. Второй Петрушка- я. Бутафорская шарманка, в ней- магнитофон. Я кручу ручку шарманки.

Идея с переодеванием... Актеры одеты, куклы.»

В кроватке завозился сын. Эля включила лампу и подошла к нему. Тот сбросил с себя одеяльце, раскинул ножки. Она склонилась к нему. Ее волосы зашевелили ему нос и он зачмокал губами.

-Петя, Петрушка... Петрушка... Странно, ты ведь у меня тоже Петрушка! Каким ты вырастешь, а? С какой судьбой?

«... Есть люди, которые нравятся сразу и безусловно... таковой оказалась Эльмира. Раскованная, энергичная, с неизменной улыбкой и игрой живых глаз.

... Склонность к заниженной самооценке поражала. После каждого показа она как-то пряталась в себя. В глазах постоянный вопрос: «СВОИМ ЛИ ДЕЛОМ Я ЗАНИМАЮСЬ?»

И тогда и сейчас я говорю тебе, Эльмира, с полной уверенностью:

«ДЕВОЧКА, ТЫ ЗАНИМАЛАСЬ СВОИМ ДЕЛОМ!»

П. Р. Мельниченко

Павел Романович вышел из больницы и сегодня будет на зачетах. Эта

радостная весть мгновенно облетела всех студентов его курса. На маленький столик у сцены водворяется ваза с гвоздиками.

Он входит в зал и окидывает своими добрыми глазами всех присутствующих. Взгляд его останавливается на гостях. Это Юрий Шевчук и его музыканты.

-Павел Романович, познакомьтесь- мой муж...

-Да? Очень приятно. Почему ж ты, Эля, не сказала мне, что ты жена Шевчука?

-А вдруг вам не нравится то, что он делает?

И рассмеялась своим серебристым, звонким смехом.

А сегодня дома у Павла Романовича семейное торжество. В дверь звонок. Хозяин подходит к двери и открывает ее. Из темноты прихожей навстречу полыхающие огни свечей большого торта. Над ним освещенные, торжественные лица... Восторг и удивление!

-Кто это придумал?

-Конечно, Эльмирка...- пожимает плечами Саша Верховоземский.

-Ну и выдумщица!

-А что, здорово, да?- таинственным шепотом, вытянув вперед подбородок, говорит Эля. В ее глазах, карих и глубоких, играют мотыльками огоньки свечей.

-Так что же? Праздновать, так праздновать!- и они веселой кучей вваливаются в квартиру своего любимого учителя.

Потом уже за полночь все идут к Эльмире. Марина, Сашка, Танька, Артур...

-Ребята, тише! Петя спит,- заглядывает в комнату Лилия Федоровна.

Сонно скрипнула дверь. Где-то в кухне капает из крана вода. Все притихли. Эля скрестила руки на груди и уткнула нос в ворот платья.

-А я придумала,- прервала она тишину каким-то низким, интригующим голосом.

-Что?- подскочил на стуле Саша.

-Это будет бродячая актриса,- бомжиха и Александр Македонский.

-Где тут связь? Чего-то ты загибаешь.

-Связь будет, вот увидите...

Она встает и начинает ходить по комнате.

-Ой, не томи, давай выкладывай, как это будет.

-Нет, пока не придумала до конца, не скажу.

-Эльмирк, не маячь, а? Сядь.

-Я думаю...

-Ты говори, а думать будешь, когда мы уйдем.

-Да, да.

-Смотри, твое любимое полнолуние!

-Вижу,- Эльмира прерывисто вздыхает, как будто долго плакала, а в окно луна...

Все ушли. Она подошла к выключателю, секунду подумала и щелкнула им. Голубой свет залил комнату, а в соседней спит ее сын. Их с Юрой сын.

-Вот опять мы с Петькой одни... Боже, как жить дальше?

*Снова из окна повеяло,-
Спать пора.
Медом ресницы склеило
До утра.
Свет опадает листьями
На асфальт.
Звезды на небе птицами
Чутко спят.
Кто-то бежит по крыше,-
Это не дождь, нет!
Это тихонько плачут дети
Соседних планет..*

В «Шереметьево» толчая и долгие, утомительные часы ожидания. Волнение уже как-то притупилось, в голове пустота. Безвременье...

А, а! Наконец-то! Ура! Вылет.

Гул самолета, и купы облаков там внизу, над землей...

-Неужели совсем скоро, вот так запросто, я сойду с этого самолета на французскую землю? Франция... Непостижимо!

-Ты что? Переживаешь момент, да? Даже, смотри-ка, ноздри побелели.

-Ой, Юрка, отстань!

Эля вжалась в кресло и закрыла глаза. Париж... Мушкетеры, такие благородные, ироничные. Женщина в красном колпаке, в порванном на груди одеянии, воинственная и к чему-то призывающая. К чему? Кажется, к свободе. От чего? Голос Пиаф- «Этот город чужой, мне незнаком...» Пьеро, очаровательная марионетка на веревочках из телепередачи о французских кукольниках. У него старческое личико. На нем безысходность и страдание.

-Эльмир, уснула? Проспишь Париж-то!

Она ничего не ответила и опять погрузилась в свое.

В Париже их никто не встретил. Похоже, художник, что устроил эту поездку, их надул и смылся. Кругом чужая жизнь, чужая речь. Денег нет. Хоть стреляйся- было б из чего.

На счастье, нашлись добрые люди, тоже художники. Пригласили к себе.

Окраина Парижа. Какие-то жуткие трущобы. С трудом добрались. От волнения у Эли разболелась голова, и она вышла на воздух. В сумерках шарахнулась тень тощего, почти плоского кота, ухватившего из мусорника кусок добычи, и исчезла, ковыляя на трех.

Откуда-то тянуло едкой гарью. Выросшая, как из-под земли, негритянка с намотанной тряпкой на голове, блеснула светящимися белками глаз и выплеснула прямо под Элины ноги какую-то жидкость из таза. Взвила станом, совсем по-африкански, и исчезла.

-Вот спасибо... Гранд мерси!

И стало тоскливо, как отбившейся от хозяина собаке в чужом доме.

Захотелось к себе, в Уфу.

На другой день двинули в центр. Шли невыносимо долго, потому что поездка на транспорте стоит денег. По красивым, холемым улицам тащились, как бременские музыканты.

Вдали, как сквозное чудо. Эйфелева башня. А вон и Нотр Дам, загадочный и помпезный.

Парижский воздух... Чистый и светлый. Через него все приобретает четкие линии и яркие, необыкновенные краски- дома, деревья, фигуры людей. Вот откуда такая прозрачность, такой свет в картинах импрессионистов!

Набережная Сены. Скорее бы сесть на скамейку и вытянуть уставшие ноги.

Легендарная река. Сколько же она всего видела? Сколько в ее водах отражалось?! И все уже давно засветилось парижским солнцем, как на пленке фотоаппарата. Остались только блики.

Влюбленные пары, ухоженные дети, важные голуби... И кажется, что ты не существуешь в данный момент, а грезишь каким-то диковинным сном.

Скоро Уфа. Острый запах обшивки купе, перестук колес. Все прошедшее уже стало нереальным. Будто и не было Парижа, его улиц, тех трущоб, где пришлось жить.

На вокзале своя особенная жизнь. Эля обратила внимание на нечто, непонятного пола и возраста. Женщина? Больно сжалось сердце. Как может человек, живой и дышащий воздухом, человек с руками, ногами, глазами, в которые льется к нему окружающий мир, вот так с ним, с этим миром сосуществовать? Какая философия применима в этом случае?

«Я сделаю такой этюд. Теперь решила твердо. Он уже задуман давно. Бомжиха и Македонский. Коротко, под ежик, подстригусь. Надо, надо заняться поисками души этой женщины.

Она несчастная, совсем потерянный человек. «Потерянный»? Но кем? Напрашивается падежный вопрос. Обществом? Или тут надо копать глубже? Во всяком случае, тот, кто ее потерял, вряд ли подозревает о своей пропаже, или делает вид, что ничего не произошло. Бомжиха-подкидыш... Никому не нужен подкидыш!

Да, я- характерная актриса. Это однозначно. То, что я поступила на отделение кукольников- чудесно. Здесь шлифуется та грань мастерства, которая, как нельзя лучше, передает мысли и чувства...»

-Не надо на меня так смотреть. И ждать меня после занятий совсем не обязательно. И зачем эта встреча на вокзале? Я бы прекрасно добралась до дома и сама. Пойми меня, наконец! Ты талантливый человек и, насколько я тебя знаю, хороший. Зачем же портить наши отношения? Глупо. Ой, как глупо доказывать мне свою верность Юре. Об этом и говорить не стоит! Это моя органика, понимаешь? Только Юра, только он. Другие мужчины в этом плане для меня не существуют. И давай больше не возвращаться к этой теме. Мне это неприятно. Будем общаться спокойно, по-дружески. Извини...

-Вчера мы были в одном доме. У хозяйки столько пластинок с классической музыкой- обалдеть!

Поставили какую-то пластинку. Не передать словами, что во мне сразу сделалось... Пел божественный голос...

Я спросила: «Кто поет?» Монсеррат Кабалье- поет Норму. Ощущения словами не передать. Неужели бывает, вернее, существует наряду с художественными творениями в природе (пейзажи, цветы, облик животных, бабочек) такое совершенство потревоженных материй?

-К Данилке в гости! Уррра!!!

В трамвае Петя замучил вопросами: что да как. Насчет этого бабуля молодец. Та все объяснит, все расскажет...

У Рудных мальчишки сразу же поднимают невообразимый шум. Тут же в коридоре затеяли возню. Что-то летит, что-то падает.

-Пацанье! Тише, все побьете! Сейчас будем пить чай!

-С конфетами?- интересуется Петя.

-А то как же! Конечно, с конфетами и еще с тортом.

-Эллк, а где ваш папа Сережа?

-Дежурит в своей больнице. Кстати, его намереваются послать в Питер скоро, на какие-то курсы.

-У, как серьезно.

-Ну, хватит трепаться. Давай про Париж!

Эля отхлебнула чай и ничего не ответила.

-Что и рассказать нечего?

-Про Париж? Конечно, есть. Набережная Сены. Елисейские поля, улицы...- она зажмурила глаза, и лицо ее приняло мечтательное выражение. Потом как-то сразу стало серьезным.- Все там на меня произвело странное впечатление. Может быть, Париж разбирается, на кого производить впечатление, а на кого нет? Как Раневская сказала про Сикстинку.

Я увидела совсем другой Париж. Не такой, о котором «ох!» да «ах!» Если б, конечно, мы жили в других условиях, более цивилизованных, да, может быть, и осталось бы ощущение прикосновения к райским кушам.

Где мы ютились эти несколько дней- ужасно! Знаешь описания задворок парижского рынка времен Гюго? Так это еще хуже!

-Что ж так мрачно-то? А в центре, в музеях вы были?

-У нас же не было денег. Этот прохиндей нас обманул, и мы были брошены там на произвол судьбы. Господи, нам даже не на что было перекусить! Представляешь, все время ощущение голода?

-Ну, ничего. Девушкам-то это полезно- зато талии сохранили, а вот мужичкам...

-Да уж... Я, откровенно говоря, так скучала там по дому! Вся вокруг какое-то ненастоящее, чужое. А дома, хотя и нет такого блеска и шика, но есть тепло. «Хорошо в гостях, а дома лучше»- недаром говорят.

-А что там в магазинах?

-Ой, какие магазины в нашем положении? Без денег заходить унизительно Глазели на витрины. Они нарядные, ослепительные! Вообще-то, там все дорого. Невероятно дорого. Говорят, у кого есть деньги, в Союзе можно это же купить дешевле.

-А женщины? Какие они? Как одеты? Юбки длинные, короткие? Эльк, давай рассказывай!

-Одеты по-разному, кто как. Роскошно одетые, видимо, проносились мимо нас в шикарных машинах. Мы на улицах видели обыкновенных парижан. У них в глазах у всех какая-то легкость и безмятежность. Понимаешь, нет нашей сосредоточенной озабоченности. Много кривоногих женщин. Это бросилось не только мне в глаза. Мужчины отметили это тоже. Не знаю почему, но на меня смотрели, даже женщины, некоторые оглядывались.

На обратном пути Петя заснул в трамвае. Из-за домов выплывала луна. Эля улыbnулась и погладила сына по голове.

31.08. 88 года.

Диалог.

-Посмотрите! Какая красота кругом! Какая великолепная осень!

-Осень! Ах, да! Осень. Замечательно. Природа непостижима своим многообразием. Что может быть прекрасней и в то же время печальней, как созерцание умирающей на зиму природы, ведь может случиться так...

-Как умирающей? Вы разве не замечаете, что уже вовсю весна?!

Приглядитесь, природа оживает, встряхиваясь от долгого сна... А земля льет слезы радости о том, что ее сон был только сном, а не явью...

-Как весна? Разве уже весна? А как же зима?! Где зима?

-Зима благополучно миновала. Она ушла, побежденная возродившейся к жизни землей. Отвратительная была зима. Холодная страшно, с метелями.

-Да что вы говорите? Зима уже прошла? Неужели так быстро летит время? И вправду, как прозрачен воздух, и солнце уже совсем высоко. А вы слышите, как звенят почки на деревьях? Они переполнены новой жизнью и вот-вот начнут лопаться- дзинь!

-Какие почки? Это же звенит хрупкий ледок, затянувший коркой водную гладь. А птицы? Они уже покидают нас, оставляя взамен шикарное одиночество для раздумий в долгие зимние вечера... Мне иногда птицы кажутся прекрасными изменницами...

-Уже осень? А как же лето? Разве оно посещало нас?

-Лето? Действительно, когда же было лето?

-Я вас о том и спрашиваю. И вообще-то, я уверен вполне, что лета не было!

-Не помню... Хотя, стойте, что-то припоминаю... Да, да- цветы, пляж, красивые женщины...

-Да что вы, меня за идиота принимаете? Не было лета. Это вы с

позапрошлым летом путаете! Что хотят,
то и делают! Хотят лето- а осень не
принимают. Безобразие! Черт знает что!

-Хм...

-Вроде вы весна.

-Разве? Кажется опять осень...

-Осень? Нет.. А, впрочем, может быть и
осень...

-А по-моему, вы все-таки правы- весна.

-Да, весна в конце концов!!!

-Кажется нам пора уже туда...

-Согласен, а то мы совсем запутаемся.

-Кто первый? Давайте-ка вы!

-Я? Но почему? Почему Я?.. Ну раз вы так
настаиваете.

-Здравствуйте! Наконец-то!

-Здравствуйте! Как у вас тут дела?

-Вы знаете, любезный, совсем неплохо.

Главное- все время тепло. Цветы, птицы, любовь. Это что-то вроде их лета
там...

-Ну, и превосходно! Значит спокойно можно работать...

А, впрочем, это были совсем неплохие люди...

-Мам, я бы хотела съездить на пару дней, только на пару дней в Питер,- Эля
смотрит в окно. Там уже закат и розовый край неба.

-Эльмибочка, я бы с удовольствием тебя отправила. С Петрушей бы
попросила кого-нибудь побыть. Но у нас, ты же знаешь, нет денег. У Евгении
Максимовны уже просить неудобно. Мы так часто у нее занимаем. А занятия! Их
пропускать как-то...

Деньги! Почему в них такая сила? Почему все зависит от них? Это же
несправедливо по отношению к душе! Душа и деньги- как они несовместимы!
Деньги- ничтожество! Ненавижу их!

В окне по-прежнему равнодушно гаснет закат. Эля легла на диван и
отвернулась к стене.

IV.

Ложи в слезы! В набат, ярус!
Срок, исполнься! Герой, будь!
Ходит занавес- как парус,
Ходят занавес- как грудь...

М. Цветаева.

Перед отъездом Эльмира пришла к Павлу Романовичу проститься. Его уютный дом, всегда такой приветливый и теплый! В долгих беседах можно было выложить все свои беды и радости. И сразу становилось легче на душе...

Сочувствие во взгляде мудрых глаз учителя, покачивающего своей могучей, кудрявой головой греческого бога... Такое редкое качество- внимать слушателю!

-Ну, все!

Она встала из-за стола, за которым они пили чай. Из своей сумки вынула куколку Пьеро, что смастерила сама, и повесила ее на полку с книгами.

-Я уезжаю. Вместо меня с вами остается мой Пьеро.

«Кажется, победа... Получилось. Я поступила в ЛГИТМиК. Сейчас расшифрую: Ленинградский институт театра, музыки и кино. Вот так. Почему-то не испытываю особой радости... Как там в Уфе наш веселый курс? Наши посиделки и головы кипели от выдумок.

А здорово было участвовать и в тех этюдах, куда меня приглашали ребята с других отделений! Опять можно было придумывать, придумывать и придумывать!

Милые вы мои, я все про вас знаю! Девчонки уже написали, что Маринка с Сашей устроили на зачете такую феерию! Я представляю, как это было здорово! А милый Сашка! Он, говорят, был на особой высоте. Я всегда верила в него. Молодцы! Скучаю. Не знаю, что я буду делать без вас, без Пал Романыча.

Привязчивая, оказывается, я. Северная столица, хотя я и люблю ее, но она иногда обдает меня холодом. Только Юра мог выдержать войну с этим городом и одержать победу. Я имею в виду и войну внутреннюю, с самим собой. Ну, Юрка другой. Он сильный, и настоящий талант! Такой проходит через все испытания.»

В Уфе Эльмира сразу же несется к своим в институт. Взлетает по лестнице. На последней ступеньке замедляет бег. Перед ней на лестничной площадке-сокурсники. Бывшие сокурсники...

Они смотрят выжидательно. Вопросительное лицо Саши Верховоземского, совсем как у Пьеро на том плакате к фестивалю мимов. Он какими-то бросками взглядывает на Элю и тербит своими маленькими, изящными руками полиэтиленовый пакет с книжками.

Танька в такт неопределенного ритма покачивает головой, освещая все вокруг прекрасными глазами. Марина, откинув горделивую голову назад, крепко сомкнула губы.

-Я бы от вас никогда... Вы же знаете, это из-за семьи. Я не предала вас, нет. Я люблю вас!

-Вдруг все расступились. Павел Романович:

-Ну, что? Поздравить?- он улыбнулся и протянул Эле руки. Она опустила голову. Потом подняла резко свое лицо:

-А назад возьмете?- выпалила она и побледнела, как будто испугалась сама себя.

Павел Романович вскинул брови:

-С превеликим удовольствием. Без тебя курс-то разбежится, ты же знаешь.

-А документы? Они же у меня там. Как же без них?

-И так возьмем!

Ребята замерли, не понимая, что происходит. Розыгрыш? Минута тишины.

-Я завтра же приду на занятия!

И взрыв, обвал прорвавшихся чувств. Все задвигалось и обрушилось общим ликованием. Объятия, визг, крики радости...

-Я вернулась. Я буду кончать Уфимский институт искусств.

Южное солнце ласкает щедро. Петька не вылезает из моря.

-Петька! Все! Слышишь, что я тебе сказала? Хва-тит!

Эля, наконец, ловит его упрямое тельце в прозрачной морской воде. Тот барахтается, не дается, увертываясь из ее рук.

-Завтра, как только солнышко встанет, опять придем сюда, обещаю!

Домой они поднимаются вверх между больших и круглых валунов.

Обожженную кожу приятно обвеваает поднявшийся ветерок. Петька поскользнулся, упал и заревел.

-Чего ты плачешь? Тоже мне, мужчина! Подумаешь- ушиб коленку...

Тот страшный день, когда ему, месячному малышу оперировали ножку, засел глубоко в материнском сознании и при каждом удобном случае норовит напомнить о себе. Что- то вздрагивает внутри и замирает. Эля поднимает его на руки и дует ему на коленку:

-Все пройдет. Не плачь! Завтра... Знаешь, что мы сделаем завтра? Мы пойдем в зоопарк. Там столько разных зверей и птиц! У! Ты никогда таких не видел.

-Видел, видел!

-Не упрямься, как бычок, и перестань хныкать. Приедем домой, а там вдруг нас ждет папка? Соскучился по нему?

-Да...

-Все, не реви!

Петька успокаивается и прячет сопливое, в слезах лицо в мамино горячее плечо.

В зоопарке многие животные напоминают совершенно определенно кое-кого из знакомых. Смешно и очень интересно.

Около задумчиво жующего верблюда Эльмира встала в позу:

-Смотрите, какой поэтически грустный представитель животного мира. Какие печальные большие глаза, пушистые ресницы. Как заколдованный принц!- этот уже совсем не из передачи «В мире животного»! Эля захлопала глазами, словно сбившаяся с текста телеведущая:

-Да, да! Вы не ослышались. Я не ошиблась, именно «В мире животНОГО»!
У воды расхаживают высокомерные большие птицы.
-Почему они ходят коленками назад? Чудно!

Юра вернулся из Америки усталый, разбитый и больной. В Уфе без своих пустота. Скорей бы они приехали с юга! Сразу полегчает и станет лучше...

Ну, слава Богу, наконец-то, прибыли! Петька сразу же влезает на загрибок к отцу и бьет его ногами по груди.

-Тише ты, Петък, папе же больно!- у Эли светятся глаза. Загорелая кожа атласная и прохладная. Ее трепетные, летящие руки обвивают шею,и все остальное в этом мире становится таким ненужным и ничтожным...

-Смотри, какая ты черная, как негритянка!

-Ну, я же в Эфиопии зачата, ты забыл?

-И когда же мы будем вместе, без этих паршивых разлук?

-Вот кончу институт, совсем немного осталось...

-А я ненавижу этот твой институт. И его лестницы, и перила, которых так часто касаются твои руки.

И сыпятся, сыпятся дождем ее волосы на Юрино лицо.

Эльмира с Лилией Федоровной пришли домой из института,где сегодня был экзамен по сценической речи.

-Ну, и как? Успешно?- встречает их прямо у дверей Евгения Петровна.

-Как вам сказать?- Лилия Федоровна вздохнула,- читала она такой серьезный текст, и вдруг... Представляете? В конце, как это она умеет, состроила рожицу, показав язык.

-Кому?

-Да так, никому. Как-то несерьезно,- и она махнула рукой.

-Ой, Евгения Петровна,- вздохнула Эля,- понимаете, читаю я... И стало так скучно, скучно. Может быть, от того, что я плохо читала?

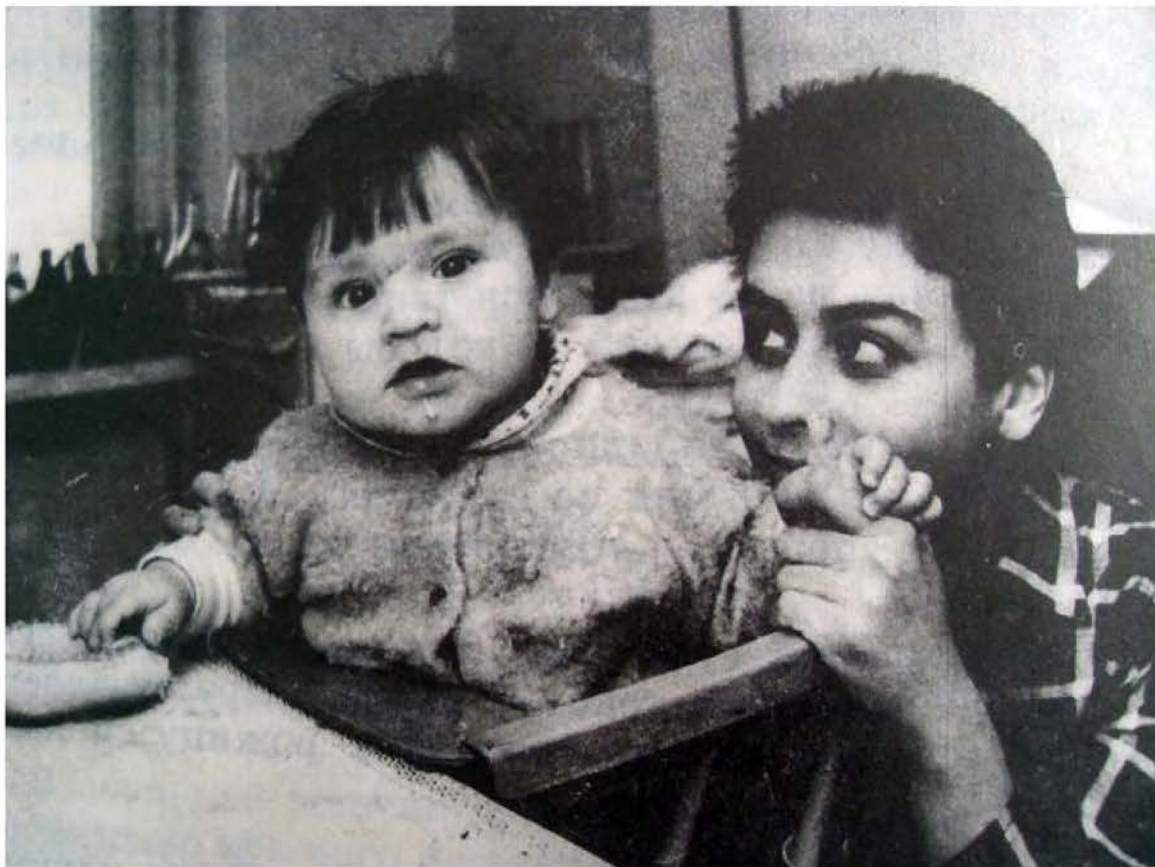
-А вот читала ты как раз неплохо,- отозвалась уже из кухни мама.

-Я почувствовала, что все вокруг тоже заскучали. Текст-то длинный: и как-то невзначай, само собой получилось- ррраз! И все вострепнулись, повеселели, задвигались. Даже, по-моему, облегченно вздохнули. Что-то тягостное мутное вдруг разрядилось, как от щелчка,- Эля закусила губу и погрустнела.- А, впрочем, вы меня можете не понять...

Она подошла к Пете, присела перед ним на корточки и взяла его за руки:

-Петь, вот ты меня понять можешь? А?

Малыш, радостно сверкая глазенками, закивал головой. Эля подхватила его и прижала к себе крепко, крепко...

Вечером, уложив сынишку спать, она вытащила из сумки тетради, книги и села к столу.

-Никогда не надо увлекаться большими, заунывными текстами! А уж если пришлось, так не надо забывать, что тебя слушают люди, человеки. Они, как бы этого не хотели и не делали вид, что слушают, где-то перестают воспринимать содержание того, что ты им излагаешь. Надо уметь чувствовать слушателя. Акценты нужны. Акценты. Не «морды», безусловно, (как это случилось в такой ситуации со мной, но иначе а просто не могло!) а именно акценты.

Слово- дитя времени, молчание- дитя вечности...
(Швейцарская пословица.)

-Кто убил Пьеро? Его убил Арлекин? Или Пьеретта?
-Его убило грозой. Был такой страшный ливень.
-Пьеро убила ревность?
-Да, ревность к Арлекино.
-Бедный Пьеро... На его лице гримаса отчаяния. Горе?! Космическое горе. Это уже в беспределах...
-Смотрите! Смотрите же! Он встает, как смятый стебель... Наш Пьеро жив?
Ура!!! Он все разыграл! Разыграл и нас, и вас! Каков шутник!
-Но почему он плачет?
-От радости, что жив...

«...Театр Пьеро... Я знаю, что он существует в природе. Его надо делать и запускать на орбиту. Он же законсервирован. Мои ровесники только будут приветствовать этот вид зрелищного искусства. Они ждут его. Чтобы быть на острие сегодняшнего дня, надо быть с молодежью, которая не уходит от сложностей мира. Она, как всегда, в авангарде!

Пантомима... Молчание и жест? Жест и молчание? Сколько можно выразить в движении! Сколько в молчании сказать!!!

Сейчас идеи вроде бы те же, что и 10, 20... и 100 лет назад, только они выражены другими символами, другой музыкой, которые остры, актуальны...

Недаром конец века- это опять повторение конца XIX. Чего только нет! Великое множество течений. Конечно, не все доплывут до вечности. Из всего этого фейерверка останутся только самые, самые... Но все равно- это расцвет молодежи. Она плюет на авторитеты, получает за это по башке и упрямо делает свое!

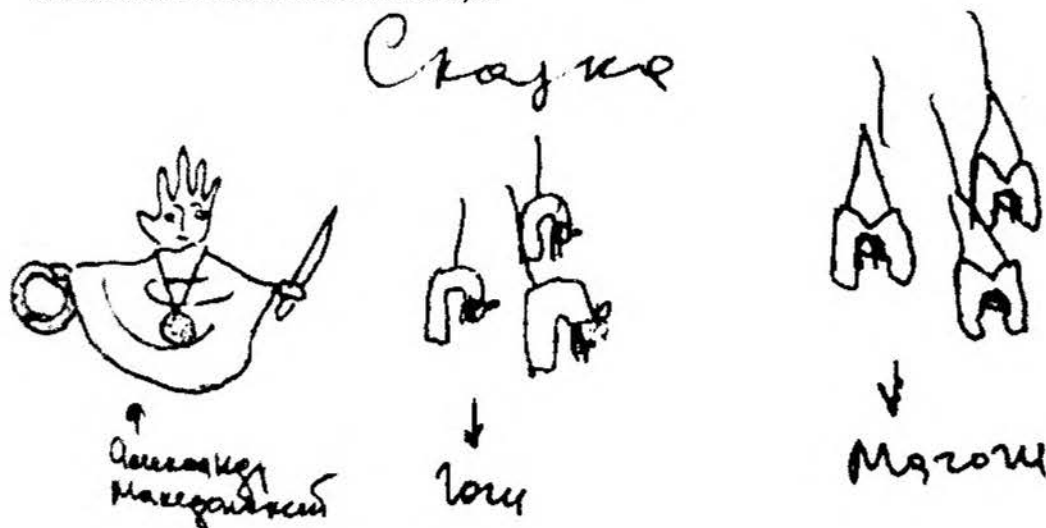
Чем хороша в этом смысле периферия? Здесь или-или, иное не имеет смысла. А в большом городе завал всякого второсортного.

Зато, на периферии, в отдалении от центра, гораздо сложнее развиваться. Нет таких роскошных музеев, талантливых режиссеров в театрах. Гастролей выдающихся мастеров здесь можно выжидать годами. Поэтому здесь страшна болезнь «тараканиума». И сильные, почувствовав это, стремятся в большие города.

Ленинград- болезненный город. Город иллюзий, запутанных человеческих отношений. Именно здесь побеждает здоровая кровь периферийников. Почти все лидеры рок-групп не ленинградцы...

Вот такая картина... А мы- периферийная молодежь, можем многое! И большие города должны сбросить свою спесь и настроить на нас свои глаза и уши. Мы в силах создать театр пантомимы. Я верю в этот театр! Театр Пьеро! За ним будущее, потому что у него богатое прошлое...»

- «1. Человек спит под газетами.
 2. Встает. Это, оказывается, женщина потрепанного вида. Бродяга-актриса.
 3. Достает какой-то огрызок, рассматривает его, потом кладет в рот. Манипулирует с водой.
 4. Берет сумку, достает какие-то вещи. Раскладывает перед собой.
 5. Разбегается, делает колесо и что-то кричит.
 6. Начинает показывать сказку...

7. Конец сказки. Звон падающих монет...
 8. Она, взглядываясь, быстро собирает деньги и, захватив мешок (сумку) растворяется в толпе.
 Сказка...
 «...Александр Македонский: «- Не мир принес вам Я!- Я пришел разделить человека с отцом его, дочь с матерью, невестку со свекровью...
 Отныне, враги человеку- домашние его! Те, кто любит отца и мать, сына или дочь более, чем Меня,- не достойны Меня, они достойны смерти...»
 ...Еще надо поработать над текстом...»

Запись в учебной
тетради Эльмиры Бикбовой

-Ребята, вы мне поможете? Мне нужна звуковая панорама города или станции. Надо изобразить крики, обрывки разговоров, свистки поездов... Марин, вот тебе дудочка,- будешь свистеть?..
 -Ну, чего там, конечно!

...Бродячая актриса. Женщина без угла, без прошлого, без близких... Она в сапогах, в подпоясанной веревкой хламиде, спит у какого-то заграждения, за которым живет город. Слышны обрывки разговоров, свистки поездов. Как будто

станция.

Бомжиха пробуждается. Садится, оглядывается, как загнанный пес, по сторонам. Встряхнувшись ото сна, она берет свой мешок, что служил ей подушкой, и начинает извлекать из него удивительные вещи. Лицо меняется. Оно освещается уже другой, внутренней жизнью.

Вот тарелка. Бродяга ставит ее перед собой на землю. Большая уродливая рюмка, или, скорее, бокал, в которой она из тарелки наливает воду. Пьет. Глаза затуманены и прикрыты. Смакует.

Около нее собираются любопытные, в основном ребяташки. Она, как волшебник, нырнув рукой в мешок, вынимает ее уже в красном рукаве, на ладони лицо, над ним растопыренные пальцы- корона.

Александр Македонский... Глаза Актрисы круглые, большие, вращаются с таинственным значением, интригуя зрителей. Начинается спектакль-сказка. Борьба полководца с гогами и магагами...

-Ну, как, что вы скажете?

Эля проводит рукой по стриженной голове. В глазах неуверенность и беспокойство.

-Ты знаешь, мне не понравился текст сказки. Мне кажется, он слабоват. Это мое личное мнение.

-Точно так считаешь?

Что считает Сашка Верховоземский всегда точно. Она прекрасно знает его тонкий вкус и чутье на это дело. Ему можно верить.

-А на улице осень. Уже примораживает. По центральной улице зажигаются фонари.

-Эльмирк, ну ты на голове и соорудила!

-А что, нравится?

Она прокружилась, давая осмотреть себя сзади. Лоб ее перехвачен кожаной в блестящих бляшках лентой. Голову закрывает платок, повязанный «Клеопатрой», а сзади из-под него на спину спускается коса. Это свою срезанную косу она так искусно прикрепила.

-Боже мой, только Эльмирка умеет себя так оформить! Упасть- не встать!- у Тани светятся восхищением глаза.

-Голь на выдумки хитра...

-Да ни одна богатая баба не сможет так подать себя, как ты!

-Это правда,- подтверждает Саша.

-Ребята, вы знаете, я так счастлива! Хотите чего-то покажу?

И она тут же изобразила фигуру какого-то необыкновенного танца. Только ее пальто взлетело полами и крыльями на плечах.

-Что это?

-Не знаю... Может быть танец из древних празднеств на Крите?

-Эльмирк, осторожней ты по лужам!

-А лужи-то уже заledenели.

И она разочарованно развела руками.

-Эльмира, к тебе из «Ленинца». Интервью, по-видимому, будут брать,- мама многозначительно поджала губы и удалилась.

-Проходите. Раздевайтесь. О чем спрашивать будете? О Шевчуке? Или о том, как нам удастся жить врозь? Мне ваша газета, вообще-то, чем-то даже близка. В свое время она сделала свое черное дело.

-В отношении к Шевчуку, вы это имеете в виду? То ж была издержка времени. Мы не причем. Да и работаем мы там совсем недавно.

-А-а,- Эля передернула плечами и села на стул.

-Нас интересует, где вы учитесь, и как вам удастся совмещать постоянные поездки к мужу в Ленинград с учебой в институте?

-Очень просто. К зачетам и экзаменам я попадаю вовремя... Еще вопросы? Спрашивайте, спрашивайте- я готова отвечать.

-Ваше счастливое число?

-Тринадцать.

Мама осторожно выходит из кухни.

-Что, ушли?

-Ушли, ушли!- кричит разгасившийся Петя. Он стучит бог весть откуда взявшейся палкой по книжному шкафу.

-Господи, брось ты эту палку. Где ты ее нашел? Дверца шкафа итак еле-еле держится.

Ребенок уже ничего не слышит и продолжает громить шкаф.

-Ты почему бабушку не слушаешься, а ну, шалун такой!- прикрикивает на него Эля, и тот в ответ поднимает рев.

-Чего ты им наговорила?

-Этим из газеты? Не помню. Посмотрим, когда напечатают. Фотографию взяли, где Юра, Петька и я. Помнишь, на Ленфильме нас сняли? Петя, кончай рев, а то накажу. Мам, у меня к тебе разговор. Знаешь, приехала Лена. Скоро родит, а жить в Уфе негде.

-А где же будущий папаша?

-Это отдельный, очень долгий разговор.

-Поняла. Ну что ж, это даже хорошо. Ты с Петей к Юре уедешь, и мне здесь с Леной не будет скучно.

-Мам, у нее ни копейки. Так уж получилось. Поддержи.

-О чем разговор! Конечно. Надо купить ей кураги, орехов...

-Ты у меня человек!

Уфа приготовилась зимовать. Онемели деревья, застыли провода. Холодно, холодно...

-Что там в зале?

-Бикбова будет показывать композицию под песни Пиаф.

-Это интересно. Давайте туда!

И сокурсники гурьбой осыпаются с лестницы.

Эля разминается, вся подобранная и жесткая. Пошла музыка. Вступительные

аккорды.. Отяжелели веки и руки, опущенные вдоль тела. И вдруг, она подняла свое лицо, отрешенное от окружающего мира. Взметнулись складки ткани, спадающей с плеч. Глаза, поглотившие ночь каких-то тайных чувствований... Каждая мышца гибкого тела, сжимаясь и расправляясь, набирает непобедимую свежесть проснувшихся откровений... Порыв... И, как прикрытое ладонью пламя свечи, глухая тоска...

-Стоп, Эльмира! Стоп! Мы же все делали по-другому. Соберись и вспомни, что я тебе говорила! Это же классика! Не нужно никакой отсебятины!

Пауза. Что-то сломалось...

-Ну, продолжай, ну же!- нервничает преподавательница.

Эльмира встряхнула кистями рук и, как бы в нерешительности, начинает двигаться опять. Заламывание рук, какой-то дурацкий надлом... Не то... Провал. Лицо потемнело. Эля остановилась:

-Я хочу танцевать так, как я хочу. По-своему, по-другому.. Не могу по навязыванию. А, вообще-то, я потеряла интерес к этому танцу. Не к самой теме, а к способу ее выражения...

-По-другому??? Но мы же с тобой столько работали!

Неправильно работали.

И она, взглянув дичком, резко развернулась и ушла со сцены. А Пиаф еще пела, чирикала кинокамера и играли вспышками света морозные узоры на стеклах громадных окон зала.

Нева, черная, с плывущим «салом». Она грудасто плещется прямо тут, у ног, как прекрасное дикое животное, загнанное в гранит. Эля с Петей спустились со ступеней набережной к воде, чтобы покормить уток. Смешные утки ныряют за крошками в воду, выставляя перистые хвостики, и Петька в восторге.

-Как хорошо, что мы с тобой бублик-то захватили. Видишь, как утки радуются.

А вокруг все так величественно. Загадочные сфинксы, зеленый Петр на том берегу Невы, и золотая игла Адмиралтейства.

-Петруша, видишь, какие деревья вон там, в сквере за Ростральными колоннами? Да, куда ж ты смотришь?- она приседает на корточки рядом с сыном и показывает, куда малышу смотреть.

-Удивительные они, да? Они подстрижены в форме шара. В этом зимнем пейзаже их купы из мелких, мелких веточек кажутся очень искусной штриховкой. Да? А у Эрмитажа их стригут под куб.

На лестнице Морской Академии фигурки в черных шинелях гребут снег.

-Кто они?

-Морячки-курсанты.

-Я тоже буду моряком?

-Ты ж хотел быть шофером?

-Это я давно хотел.

В Эрмитаже Петя в восторге от военного зала. Когда проходили галереей полководцев, Эля остановилась:

-Смотри, сколько величия в этих суровых и мужественных ликах! Может, ты

хочешь стать потом полководцем? Петя совсем растерялся от обилия впечатлений, и только удивленно таращит глаза.

Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн.
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен.
Ни плясок, ни охот,- а все плащи да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.

-Мам, это ты стишок выучила, да?
-Угу. Это Пушкин.
-Кто такой Пушкин?
-Поэт. Ты же помнишь, тебе бабуля читала про бурю?
-Не-а, не помню.

-Дурачок ты, Петька! Про бурю это тоже стихотворение Александра Сергеевича Пушкина. Ну, ничего, вот подрастешь и узнаешь много, много его стихов.

В одном из залов он остановил Элю около большой картины.

-Тебе нравится?

Петя кивнул утвердительно головой.

-Ну что ж, картина хорошая. Море... Птица бросается камнем вниз.

-Мам, в кого она камнем бросается?- Эльмира ничего не ответила и присела на диванчик у окна. За окном площадь перед Зимним дворцом.

-Вон там, на площади, под звуки флейты выстраивались полки к смотру. Красавцы гренадеры. Кто там еще-то был? Драгуны, на белых лошадях генералы... Слышишь, флейта?

-Где, прямо там, что ли? А я не слышу никакой флейты.

-Плохо слушаешь. Только не лезь на подоконник,- Эля задумалась.

Очаровательное действие человеческого ума- воображение! Далекое прошлое или далекое будущее? Смещение времен!?! А вдруг реальность?

... Шепот. Где-то совсем рядом, у Рембрантовских картин. А-а... Две фрейлины- Стефани Радзивилл и Александра Россет. Изящные, неописуемо красивые, как во сне. Они шепотом, с переплесками тихого смеха, обсуждают сватовство к прекрасной Стефани кузена государя. Завидная партия, или не очень? Для него- да. Стефани сказочно богата. Она владелица громадного числа душ, имения в Несвиже и замка в Кайданах.

-Здесь так чудно!- вздыхает Александра.- У этих чудесных полотен мы и придумали ответ герцогу! Потом поедем кататься по Невскому с Богданкой на запятках.

В соседнем зале движение- там лакеи под руководством породистого, в

баках, обер-гофмаршала расставляют золотые рамы. Сегодня вечером в них великосветские красавицы Петербурга будут изображать произведения великих живописцев. «Живые картины»...

-Великосветские красавицы... Как они двигались? О чем думали?

Изысканность манер, прихотливый тон речей. Смогу ли я так? Вряд ли. Я же совсем другая. Извоженная порядком об терку нашего замечательного времени. Богачка Стефани... Величие,- Эля усмехнулась,- когда у тебя ворох прислуги и ты истончена во вкусах, привязанностях...

-Мам, я хочу в туалет!

-А, Господи, бежим скорее!

Потом дома Петя долго не мог заснуть, а город уже дремал сонными звонками трамваев, поздними прохожими и оцепеневшими домами.

Город, я лечу к тебе!

Я хочу быть с тобой!

Но ты уже умер...

Город! Я лечу к тебе!

Но нахожу лишь

Холодный труп, оплакиваемый

Старым небом.

От тебя веет холодом.

Ты безразличен ко всему живому.

Ты отошел в лучший мир-

Мир памяти!

Город! Я люблю тебя.

Я помню тебя...

В Уфе Петька заболел. Эля набирает номер телефона Рудых.

-Сейчас приеду,- отзывается с того конца провода Сережа. Он приехал скоро и осмотрел больного малыша.

-Ты, мнимый больной! Чего куксишься?

-Сереж, что у него?

-Ничего страшного. Обыкновенное ОРЗ!

-Что это?

-Это такое острое респираторное заболевание, которым сейчас болеют практически все живущие на земле.

-Вот ты объясни мне, темной женщине, почему в нашу жизнь постоянно вторгаются эти вонючки- болезни?

-Э-э! Это вопрос вопросов! В этом самая прямая заинтересованность нашей родной матушки-Земли. Человек все время ее насилует, развивая свою неумную хозяйственную деятельность.

Короче, он ей порядком поднадоел, и она хочет от него избавиться любыми

путями. Вот и затевает эту биологическую войну с нашим братом, человеком. Отсюда всякие гриппы, холеры...

-А раньше как же? Человек тогда еще смирным был, никаких там атомных станций, нефтяных скважин. Эпидемии же все равно были?

-Так Земля же умная. Она уже тогда догадывалась, что этот поганец-человек может доставить ей кучу неприятностей!

-Но люди-то! Жалко нас!

-Вот в этом и заключается парадокс существования всего живого. Естественный отбор нужен, но он безнравственен. Как говаривал один наш лектор,- Сережа поднял брови, оттянул вниз нижнюю челюсть, напрягся и выдал с акцентом,- э-э...Гмм... Я вам покажу, кто есть... где!

Эля рассмеялась:

-Сережка, как ты здорово всем подражаешь! Вот талант пропадает!

-Замечательно, что он при этом стучал, вывернув неловко руку, своей указкой по внешней стенке кафедры- вот так.

И даже больной Петя заморгал воспаленными глазенками и издал подобие смешка.

Ночью у Петруши жар спал. А Эльмира уже не может спать. В голове крутятся слова из текста «Анны Карениной». Неожиданно всплывает в памяти одна встреча в Питере. Благородный, седовласый старик. Они с Петей познакомились с ним в сквере на набережной Невы.

-Какая публика!- улыбнулся он, глядя на маленького Петю. Блеснул ряд ослепительных искусственных зубов. Руки старика покоились на набалдашнике палки.

-А вы, голубушка, наверняка актриса! Угадал?

-Почти.

-Вот видите, какой у старости глаз наметанный. Несмотря на свои года, и прекрасно слышу, и читаю без очков.

-Я учусь в Уфе, в театральном.

-Старик помолчал, потом, встрепенувшись, переспросил:

-В Уфе?

-Да.

Он оживился:

-Уфа... Когда я был совсем молодым начинающим актером императорских тогда еще театров, работал один сезон в этом милом городе. Как же, помню- помню. Славный городок. По-моему, на высокой горе. Как-то очень высоко над рекой.

-Да-да! У нас там очень живописно. Город сам располагается как бы в чаше, а краем гребня вздымается к реке Белой. Вода в этой реке действительно белая, серебристая.

У Эли потеплела на сердце. Где-то там, в ее Уфе, мама, институт, ребята. Павел Романых... Что-то они поделывают без нее? Небось, Сашка Верхоземский затевает что-нибудь интересное. Танька-Гуська вся в поиске, непонятно каком.

-А здесь вы в гостях?- прервал ее мысли старик.

-Как ни странно, я у себя здесь дома,- Эльмира усмехнулась и одарила собеседника взглядом своих выразительных глаз.- Я ленинградка... теперь. А учусь в Уфе. Там и родилась, и выросла. Вы знаете,- она под села рядом на скамейку,- я готовлю сейчас к зачету текст из «Анны Карениной» Толстого. И не знаю как к нему подступиться,- Эля заторопилась, понимая, что эта встреча ниспослана ей провидением.

-Кажется, вот здесь, в этом городе, и найти какие-то разгадки... Хожу по этим улицам, хочу понять природу той далекой, ушедшей от нас жизни, хотя, в общем-то, чувства, переживаемые всеми поколениями одни и те же... Но пока ничего не выстраивается.

-А... Это особый разговор,- и старик многозначительно поднял палец.- Анна Каренина... Аристократка. Вы знаете, мне кажется, что это сейчас, в наше время, почти невозможно изобразить. Здесь буффонады ни в коем случае допускать нельзя!- он помолчал. Петя заинтересовался его палкой. Набалдашник ее был в виде головки русской гончей, сделанной очень искусно из кости.

-У этой палки длинная жизнь. Она мне досталась от отца. И все служит. Что значит сделана при царе. Хм... Да. Анна... Когда-то давно, до революции, в одной из веселых компаний меня, еще желторотого, но уже воображающего себя Кином, пригласил к себе отужинать молодой человек, студент-белоподкладочник.

Берем извозчика. Катим по Невскому с ветерком. Подъезжаем к роскошному особняку. Навстречу выходит лакей, как полагается в галунах. Хмель у меня из головы как-то сразу, в момент выветрился. Входим. Богатая гостиная. Когда навстречу к нам вышла мать моего нового знакомого, я совсем растерялся и как-то закоченел всем телом,- его рассказ прервала подошедшая немолодая дама. Она села на скамейку рядом со стариком.

-Знакомьтесь,- моя внучка, Валентина Григорьевна Она мой добрый ангел. Я ей обязан этими великолепными прогулками! Извините, а как вас зовут? Разговор интересный, а мы еще не представились друг другу.

-Эля.

-Какое странное имя. Напоминает такого легкого-легкого духа, имевшего человеческий образ. Эльфы... Они любят музыку, танцы. Воздушны, красивы. А как зовут вашего очаровательного спутника?

-Петя,- протянул Петруша.

-Ну вот и славно. А я Владислав Николаевич. Извольте любить к жаловать! Петя весело засмеялся

-Сегодня очень удачный день. Покуда сидел, с таким замечательным семейством познакомился. Что я рассказывал-то? Ах, да, вспомнил! Про мой визит... Вы знаете, я тогда впервые увидел настоящую светскую даму так близко. Не знаю, какого она была возраста, с каким лицом. От нее исходило нечто

величественное, и в то же время, снисходительно простое. Вы понимаете, ее аристократизм не подчеркивался явно, он шел из глубины всего ее существа. Он высвечивал легкий поворот головы, движения рук. Непринужденность и милая простота.

-А как она шла?

-Как шла? Она вплыла в комнату, как видение. Остальное помню плохо. Вот подавали ужин или нет- тоже уже не помню. А в некоторых домах, где мне доводилось бывать, бывало и так. Перекинемся в преферанс и ждем ужина. Входит прислуга и объявляет: «Гасите свечи- ужина не будет.» В общем-то, из-за него и визит...- он тихо засмеялся.- М-да, чего только не было в жизни. Вообще-то, вам теперь трудно понять ту жизнь. Другое воспитание, другие условия. Вот Тарасова во МХАТе хорошая актриса. А вот в Анне... Я не воспринимал ее как аристократку. Мне кажется это ряженьем, понимаете? Ряжение на сцене.

-Вы не устали?- заботливо спросила его пожилая дама.

-Немного. Но я должен закончить свою мысль. Была такая удивительная актриса Рощина-Инсарова, которая уехала потом за границу. Совсем другое дело! Это, я вам скажу, настоящая была Анна.

Старик закашлялся. Они распрощались. Пожилая дама взяла его под руку и повела по аллее. Эля смотрела им вслед с чувством грусти. От нее с Петей уходила прочь испепеленная временем аура далекой, уже ненастоящей жизни.

Потом она больше их уже не встречала, хотя и приходила к той скамье.

Сейчас, сидя у себя в комнате, она старалась понять свою героиню. Чувства-то понятны, а вот натура... Она стала читать. Голос звучал ровно, без патетики. Всплеск ушел глубоко внутрь и стало свободнее маневрировать оттенками голоса.

Анна... Она обречена и прекрасно это понимает. Высота всегда тянет вниз. Высота чувств... Эта женщина ищет защиты в своих рассуждениях, в поисках чего-то, уже потерянного для нее навсегда. Нет слез, нет надрыва. Все решено за нее уже свыше.

Вронский и Анна... Трагедия привязанностей? Трагедия обрыва бесконечности? Любовь... Я знаю, что это такое. Она прожигает татуировкой душу. Юрка... Так хочется к тебе, может быть, для того, чтобы найти покой? Или наоборот? Каждый по-своему расплачивается за свою любовь.

В кровати зашевелился больной Петя. «Боже мой, весь мокрый, как мышь! Надо поменять ему майку. Вот такой же у Анны был Сережа. За что ее так покарал Толстой? Причем, так жестоко. Наверное, потому что сам был мужчиной.

У Лены родился сын. И, кажется, он будет расти без отца. Сложно все в этой жизни.

-Он тебе как-то помогает? Хотя бы какие-нибудь знаки внимания оказывает?

-Что ты, Эльмира, милый свет! Какая там помощь! Ни материальной, ни моральной. Ну, в общем-то, все, как у людей.

-Как это- как у людей?

-Это у вас с Юрой, возможно, по-другому. У вас, как раз не так, как у людей. У вас, как у богов...

-Как у богов?

Лена не ответила. Она уже не могла сдержать потоки слез. Эля растерялась. Ей стало невыносимо жалко Ленку. Только бы не показывать этого. Надо, наоборот, приподнять ее дух.

-Хватит, Ленк. Он не стоит твоих слез!

-Да, конечно! Ставит в театре пьесы и пространно объясняет актерам о морали, о духовном подвиге...

-Кончай плакать. Нос уже, смотри, натерла платком. Подумаешь, а без мужа прожить можно?

-Можно, но обидно,- почти шепотом произнесла Лена.

-Ты красивая, у тебя еще все впереди!

-Ты, Эль, действительно так думаешь?

-Да, я просто убеждена в этом!

Когда-то, маленькими девочками они были очень дружны. Общий милый двор. Такое далекое, теперь такое безоблачное детство!

Джульетта

... Я слишком влюблена, Монтеки, милый,
И ветрена- подумать можешь ты?
Но верь, вернее тех я, кто искусно
Умеют равнодушными казаться.
Казалась бы я равнодушной, верь,
Когда бы ты внезапно не подслушал
Любовь мою и страсть...

Шекспир.

-Ну, что ж, начнем. Итак, Джульетта...

Сцена на балконе. Действие построено на фоне стены- простой плоскости. На ней так выгодно смотрится то, что делает Эльмира. Она двигается на этом фоне. Заданная тема, благодаря пластичности ее гибкого тела, зазвучала.

Павел Романович хлопнул в ладони:

-Отлично! Двигайся, двигайся... Так... Прекрасно. Это как раз то, что мы и замыслили.

Занятия с Павлом Романовичем... Замечательные часы! Неповторимые. Часы изобретения сцен с Джульеттой. Кажется, Эльмира успешно воплощает задуманное режиссером и интерпретированное собственным внутренним чутьем.

-Ну, слава Богу, удалось!

-Мне кажется, я была в том, в другом, реализованном мною мире. Я ощутила его и наполнилась им сама. Но вдруг мне это только одной и показалось?

-Ты прекрасно все делала. К чему сомнение? Очень здорово передала настроение и чувства. Не только конкретно через чувство, но и через пластику.

-Неужели получилось? Эля провела рукой по мокрому от пота лицу.

-Давай, повторим еще раз. Не думай уже ни о чем. Не отходи от образа. Делай все так, как подсказывает тебе собственная интуиция, твое сердце.

-В Питере я видела игру Алисы Фрейндлих. Как словами передать то, что я увидела? Виртуозность. Как у большого пианиста, масштаба Рихтера, например. Внутренняя, скрытая глубоко логика. Или, пожалуй, богом данный этой актрисе живой механизм, который отсчитывает ей роль...

Сцена. Это очень тяжело. Тут не только поединок между тобой и зрителем. Тут еще тайная флуоресценция мастерства. То, что мы видим и чувствуем вокруг себя в жизни, - на сцене должно быть как бы сфокусировано.

Вот Фрейндлих движется по просцениуму, легко и спокойно, и неожиданно, в мгновение ока срывается с одной точки, словно налетает...

Вот провожает спускающегося с лестницы под сцену своего сына- партнера по роли. Она, нелепо расставив ноги, наклоняется, резко наклоняется еще ниже, чтоб как можно дольше его видеть.

Мне так понятна графичность, расписание ее роли! Хочется попробовать самой так же. Заманчиво. Фрейндлих выхватывает из жизни кажущиеся такими повседневными куски, порой комичные. Построение роли у нее по синусоиде-спад, постепенный подъем и- вдруг- взлет! Какое великолепное знание психологии зрителя! И все приемы в цель, в самое яблочко.

Сегодня девчонки болтали «за любовь». Я взглянула на себя как бы со стороны. Интересно, кто же я! Однолюбка? Наверное... Мужчина и женщина... Это две совершенно разные организации, два разных мира. Они сливаются воедино только на вершине объявленной страсти... Сейчас я говорю за женщину. Никого не берусь осуждать, но мне кажется, что сексуальный порыв может сопровождать только высокую любовь... Так для меня во всяком случае... Что меня возвышает над самой собой, так это моя любовь. Она ведет меня, она организует мое эмоциональное поле... У женщины сексуальность- ожидание настоящей любви. Поэтому для нее это озарение и надежда...

Любовь возвышает. Иногда опрокидывает мордой в грязь. Бывает. А вообще-то, она всегда, как бумажный змей, должна парить высоко в небе. Нужен только простор, чтобы разбежаться, и еще надо уметь натягивать или вовремя отпускать бичеву, чтобы змей не опустился на землю...

Целомудрие, неприкосновенность... «Не давай поцелуя без любви»... Только любовь, только любовь может все...

-Хотите, я расскажу вам сказку о руках? Да-да, о руках. Ваших, моих. Руки-чудесные оттиски души их обладателя. Вглядитесь в свои руки, они так не похожи на руки других! Пальцы на них так точно отображают характер! Листья судьбы в прожилках линий...

Глаза для видящего. Руки видят за тех, кто незряч. В отсутствии света пальцы заменяют нам глаза.

Они безошибочно определяют любимого человека и облетают его со скоростью взгляда.

Всплеск рук и единый порыв чувств. Все сразу же меняется и приобретает другой смысл.

Прощание и взмах руки. Долго еще ловит взгляд этот взмах, как последнюю весточку о потерянном вдруг тепле...

Вот пара моих рук. Как крылья забытых вечностью птиц. Они многое могут. Летать, что-нибудь изобретать необыкновенное, волновать воображение, передавать информацию, когда глаза застилает тревога и их не в силах поднять на собеседника. Они могут ласкать, любить и разговаривать. Да-да! Разговаривать, если не можешь найти нужных слов.

Мои руки... Смотрите, они светятся, перетекая от одного образа к другому. Они измеряют ток моей крови. Они могут развеселить вас, когда я буду вам показывать сценку. Например, как мило бранятся двое влюбленных, а потом мирятся... Вот переплетаются пальцы и замирают- мои персонажи счастливы! Диковинными морскими светящимися животными, что парят в водных глубинах, они расправляются, с каждой минутой преображаясь.

Что-то сбилось. Лопнула где-то самая главная пружинка в организме, и руки опали, потеряли жизнь, уже никого не волнующ.

-Какая у меня душа? Кто я? Мы кто? Боги? Или черти? Неужели мы никогда так и не познаем себя?

«...Разум, обращенный на самого себя, похож на местную знаменитость, вызывающую улыбку чужеземцев...»

Интересно, да?

V.

*«...Сказка, детство, время, прошлое.
Мечта - юность - немая реальность -
внутренний мир. Действительность -
одиночество...»*

Из тетради Эльмиры.

Учебный театр института. За столиком сидит Павел Романович. Он смотрит этюды.

На сцене появляется фигура человека, облаченного в яркий, из красочно-зазывального соцветия различных лоскутков, костюм. Этот костюм напоминает костюм клоуна.

Человек достает из коробки метроном. Странно, почему метроном? Нелепость. Ставит его на возвышение и пускает пальцем стрелку. Прислушивается к стуку- так-так, так-так. Метроном начинает отсчитывать время? Человек в неплохом расположении духа. Напевая, садится к столу. На столе зеркало. Он всматривается в свое лицо. И вдруг, как- то весь устало обмякнет, тускнеет взглядом. Оглядывается и видит принесенный с собой мешок. Немного поразмыслив, он приступает к обстоятельному извлечению из него содержимого. Раскладывает этот реквизит на столе, рассматривая каждый предмет неспеша, с большим вниманием.

Лицо человека при этом означает по-разному. С каждым из этих предметов, видимо, связаны какие-то волнующие память мгновения. Он постоянно оглядывается то на дверь, то на метроном, будто ожидая кого-то.

Наконец, вздохнув, он как-то нехотя, начинает разгримировываться. На лице подобие усмешки. Медленно снимает грим.

Метроном стучит, уходит время... Человек то и дело взглядывает то на него, то на дверь, еще не теряя надежды. Она еще есть в его глазах, в движениях рук, поворотах головы...

Но ничего не происходит. Стучит метроном, и никто не нарушает одиночества этого человека.

Еще раз бросил взгляд на дверь, растерянными, ставшими вдруг неживыми руками он начинает брать со стола предметы и класть в мешок. Размазанные по лбу, щекам остатки грима придают лицу выражение гримасы обреченности и тоски.

Вот он встает и идет к метроному. Останавливает стрелку. Человек смахивает с него пыль и прячет в коробку.

Тишина. Время уже остановилось. Его ход теперь никому не нужен.

Сгорбленная, обремененная своей ненужностью в этом мире, фигура человека становится маленькой, нескладной. Костюм теперь насмешливо, с площадной крикливостью, подчеркивает состояние своего хозяина.

Он идет к двери, проходит сцену и удаляется вместе со своим одиночеством...

-Эльмирк! У Пал Романыча даже слезы на глазах навернулись!
-Правда? А мне кажется, не совсем получилось то, что я задумала.
-Да хватит тебе самоедством заниматься! Тебе говорят, было- во! Чего тебе еще?!

-Хорошо бы... Помните наши упражнения на первом курсе? Помните- «Руки»? А «Предметы живут и разговаривают»? Ой, сколько напридумывали мы тогда! Здорово-то как было!

- «Утопленники». Народ пришел тогда посмотреть нас! Пришлось даже повторить еще. Помните?

-Как же, как же. Мы ведь впервые на них зрителей-то позвали. Им наше лицедейство понравилось!

-Чего-то мы уже в воспоминания ударились. Стареем, что ли?

-Стареем, не стареем, а вспомнить есть что. Какие мы маски-то сделали тогда? Прямо класс! А пластическое решение? А, да что говорить!

Дома уже все спят. Петька положил под щеку кулачок и посапывает в своей кровати.

Что-то вдруг взгрустнулось и потянуло в Питер, к Юре.

«Раздвоенность какая-то. Юркин друг, замечательный Брок, прав: надо или туда, или сюда. Середина для стоящих пешеходов и инвалидов. Ничего. Скоро все разрешится само собой. Вот кончу институт».

Эля разделась и легла в постель. Как всегда, сначала в голову полезла всякая всячина. Потом перед глазами стали всплывать цветными снами какие-то картины.

«Я вижу целую панораму. Это Нидерланды времен испанской экспансии. Так зримо написано у Метерлинка.

В небе висит луна. Косогор. На нем стоит под большими старыми дубами пастух «Рыжий Карлик», опираясь на длинный посох. Рядом с ним кривой мельник, который уже успел остановить свою мельницу. Ее крылья замерли, как крест.

Эти двое с тревогой всматриваются вдаль. Снег освещает их синие чулки и красные плащи.

Внизу, в долине, на зимнем лугу мирно пасутся овцы, а за ними полыхает огнем положенная испанцами ферма. По каменному мосту к деревне «Назарет» проскакали испанские вооруженные всадники. У каждого за спиной в седле ландскнехт в ярко желтом.

Они уничтожат в той деревне всех младенцев. Господи, почему в мире жестокость имеет такую власть? Промысел дьявола. А жизнь так прекрасна, если б не убийства и пролитая кровь...

Фу ты, надо спать. Поздно уже. И ни о чем не думать!»

А в голове опять закопошилось. Мысли, мысли...

«Кто мы? Какие мы? Для чего существуем? Или уже существовали? И будет ли будущее? Радуеться чему-то, или радовались уже. Горюем, или отгоревали? Кто нас ведет и куда? Почему разными дорогами?

Дороги, дороги... Мои в Питер и обратно. Все мы мечемся в своем

одиночестве. Мы все блуждающие одиночества.

А я во сне все еще летаю. Значит, расту. Ну, спать, спать!»

И вдруг Эля увидела себя. Будто со стороны. Она пробирается сквозь молочный жутковатый туман по каньонам каких-то узких улиц-лабиринтов. На ней странный головной убор. Кругом тонут в тумане очертания незнакомых домов. Откуда-то всхлипывающий, с подвыванием женский голос. Не то плачет, не то поет на незнакомом языке. И размораживается вечность...

-Танька, я у тебя не смотрела какого-нибудь альбома?

-Какого, например?

-С репродукциями картин.

В трубке зашипело и прорвались гудки. Старый. допотопный аппарат! Эля еще раз набирает номер Танькиного телефона.

-Куда ты пропала?

-Да кот прыгнул на рычаг. А каких именно репродукций?

-Художников примерно XVI века.

-Нет, такого альбома у меня нет. А для чего тебе? Опять что-нибудь придумываешь?

-Все-то тебе расскажи. Просто наваждение. Привиделось.

-Плохо спишь, значит. Ну, привет! Мне бежать надо.

Уже глубокой ночью приехал из Астрахани неожиданно брат. Лилия Федоровна пытается сразу же выпросить его о жизни в тех краях.

-Мам, вот приму ванну, как джентельмен, заботящийся о чистоте своей шеи, и расскажу все. Как работаем, как живем- ничего не утаю. Честно.

Проходя мимо комнаты Эльмиры, тихо позвал ее:

-Эльмир, там на столе, в большой комнате, тебе подарок. Это из Астрахани.

Сестра ищет сонными ногами тапочки, с трудом их находит. Накидывает на плечи одеяло и идет в большую комнату.

-Ура! Мешок икры? Да?

-Посмотри, увидишь.

На столе сверток. Как в детстве вспыхивает радость. Эля разворачивает его. Альбом репродукций. Кранах. Немецкий художник. XVI век. Дрогнуло сердце и повисло где-то в горле. Она судорожно перелистывает страницы. Вот она. Донатрикс. Портрет. Деталь. 1510 год. Из-под странного головного убора, спадающего на плечи, темные глаза...

«Кто? Где? Почему? И зачем?»

Кто Я? Что Я? И зачем Я? Любить? Зачем? К чему все эти муки? Играть? Для чего? Зачем все эти страдания? Почему я плохая, почему? Боже, помоги! Помоги мне, Боже.

Дозвонись! Почему не звонишь? Почему? Ты далеко без меня, я здесь с театром... А зачем театр здесь без тебя. Но... Мы уходим все дальше и дальше. Куда? Любимый, не бросай меня- это разорвет мне сердце. Я человек без прошлого, без памяти. Снег... Снег... Где ты, а? Ты слышишь меня, а?..

На улице метель. В кафе тепло, дневной свет обливает зал. Почему я так люблю это кафе «Театральное»? Оно никогда не обманывает надежд, его не закрывают на обед, на санитарный час.

За соседним столиком сидит мужчина и женщина. Женщина в ярко красном шерстяном платке, в синтетической, под каракуль, шубе. Она пересчитывает рубли, приговаривая низким, сиплым голосом. Мужчина в выношенной меховой шапке, истасканном пальто с чужого плеча. Его одутловатое лицо выражает непонимание действительности.

Специально сажусь рядом с ними. Женщина вышла, а мужчина подошел к прилавку и стал просить стакан. В ответ послышалось бормотанье- стакан не дали.

-Все вы ментовки,- сказал мужчина со злобой, горечью, презрением к ним, к себе, ко всему миру.

Хлопнула дверь, потянуло холодным воздухом с примесью кислого запаха перегара. Мужчина ушел вслед за своей подружкой.

-А от нее-то как несло!

За этой репликой кассирши- страх. Страх за себя, близких. Страх перед тем, что это может быть и с ней, и с ее отцом, и с ее сыном.

-Посуды и так нет...

В оправдании посудницы боязнь и сомнение. Лицемерие. Поняла! Все прекрасно поняла. Плохи они, но плохи и те, кто презирает их. Последние заслуживают презрение вдвойне. И только тот, кто найдет в себе силы, силы духа хотя бы спросить: «Почему они такие?»- будет человечнее, чем другие...»

О, как ничтожны ты и я
Перед нависшею судьбой!
И живы мы, пока друзья
Стоят всегда за нас стеной!
И что мы можем?- Можем жить,
Еще, конечно же,- любить.
Приятель, выбрось камень свой!
Наполним небо добротой!..

Ю. Шевчук

-Сегодня идем работать,- Лена решительно прошлась по комнате.- И не

отказывайся! Это ж интересно. Петр Ильич любитель и делает сам свой фильм. Ему нужна замена. Девица одна уехала. Роль, конечно, не твоя. Там нужна простенькая, невзрачная бабенка Ну, надо же выручить человека!

-Ладно, уговорила.

-Ты, Эльмир, хорошо смотрелась в фильме . . По-моему, он «Рок» назывался, да?

-Да, фильм про Юру. Меня там немного снимали.

-Мне запомнилось, где ты сидишь в каком-то мрачном помещении, на столе чашки... Настроение было точным. И еще, когда среди осенних деревьев ты уходила от камеры и вдруг обернулась. Хороший кадр, запоминающийся. И. Вообще, скоро вот кончишь институт, поедешь работать в какой-нибудь Ленинградский театр. Я уверена- тебя ждет успех! Тебя заметят, вот увидишь!

-Эх, твоими бы устами да мед пить!

-Я сама ими и пью, как видишь. Один мед в моем невеселом рационе! Ох, устала я, Эля, от такой жизни!

-Ну хватит нюнить. В жизни все проходит- и плохое и хорошее,- в глазах Эльмиры вскинулась тоска. Но только на какую-то долю секунды. Дрогнули ресницы и засияли опять глаза.

-Слушай, пошли скорее! Неудобно для первого раза опаздывать! Вкратце расскажи: о чем фильм-то?

-Да все просто. Пьянка в одной молодой семье. Гости. Женщины безликие, мужчины - «витязи в собственных шкурах», уже к середине бестолкового застолья распустившие сопли от обильных возлияний. В общем-то, неплохие люди, нормальные, но страдающие от собственной зажатости. Типажи из жизни нашей «зоны», протекающей у нас за окнами, в квартирах сверху, снизу, сбоку...

-Ладно, представление уже об этом фильме имею.

Фильм отснят. Эля ужаснулась на его просмотре.

-Господи, я там испортила все! Не ко двору. Самой противно. Еще пыталась что-то изобразить, дергалась весьма некстати в ритме полуиспанского, полубашкирского, танца. А пьянку режиссер отснял хорошо. Как я ненавижу эти пьянки! Даже в игре обстановка этого бессмысленного балдежа вызывает у меня депрессию,- и Эля мрачно усмехнулась.

-Ничего, Петр Ильич прекрасно понял, что ты гротесковая актриса и совсем другого плана. Но он, ничего, по-моему, даже доволен тем, что ты украсила своим присутствием его фильм.

-Ого, хорошо украшение. Я там, как дырка в чулке!

-Ну ты и скажешь! Нет, все нормально. И у режиссера память останется. Когда станешь у себя, в Питере, знаменитостью, он гордиться будет, что ты у него в фильме снялась...

«Мне сегодня приснился сон. Страшный сон... Будто меня нет.

У нас, в уфимской квартире на Достоевской, в большой комнате накрыт стол. Скатерть белая-белая, как снег. Все сидят чинно за этим столом. Свои и совсем мне незнакомые люди. Я вижу только Танькины глаза. Они большие-большие. В них

удивление, испуг и слезы.

Я им всем пытаюсь что-то сказать. Кажется, перехожу на крик:

-Здесь я, здесь! С вами...

Никто меня не слышит. Хожу около них, стараюсь задеть за плечи. Они меня не видят. С ужасом понимаю, что я здесь и меня нет... Это мои поминки... Как человек-невидимка, я пытаюсь плакать и смеяться, но это у меня не получается. Я-отсвет, я-эхо. Меня нет!

Проснулась! Слава Богу, проснулась!!! В окно-солнце, и, Слава Богу, что утро, что я могу сделать вдох и почувствовать каждую клеточку своего тела.

Да здравствует это радостное Солнце!

Да здравствует Свет и Пробуждение ото сна!

Дорогое пробуждение, ты прекрасно! Ты пахнешь свежестью утра и апельсинами.»

В комнату забежал Петька с апельсином в руках:

-Мам, ты что не просыпаешься? Я уж подходил к тебе и тянул за ногу, а ты никак не хочешь проснуться!

-Вот видишь, проснулась. Вкусный апельсин, да? Дай откусить.

Петя бросается на кровать к Эле, и они поднимают веселую возню. На пол летят подушки, одеяла. Тело матери пахнет сонным теплом и малыш, вдруг затихнув, щекой прижимается к ее плечу.

-Петь, к папе поедем?

-Поедем. Завтра?

-А почему бы и нет. Поедем завтра! Нищему собираться, только подпоясаться.

-С нами нищий поедет? Какой нищий?

-Господи, это я такую поговорку сказала. Шутку, понимаешь? А поехать-поедем. Как только папа с гастролей вернется, нам позвонит- мы сразу и рванем к нему. Да?

-А гастроли какие?

-Гастроли- это его выступления в разных городах.

-И везде там он поет?

И Петруша, встав в позу, стал подражать отцу, поющему под гитару.

Что это было? И на каком курсе? Праздник? Феерия? Карнавал неосуществимых, почти материализованных желаний?

Прошумела гроза. Пестрая, удивительная группа каких-то невероятных, фантастических персонажей высыпалась из дверей института искусств.

-Люди! Дорогие наши человеки! Мы вышли к вам на улицу. Мы любим вас и будем дарить вам сейчас великие мгновения! Мгновения радости! Мгновения праздника!

Загримированные лица- маски. Яркие, несуразные одежды. Балахоны, пелерины, дохлые цветы на развесистой своими большими полями и красной шляпе коготки с Маринкиными глазами. Фавны с дудочками, римские легионеры в позолоченных сандалиях. Шуты колесом вдоль тротуара.

Пристроившийся в нише для реклам ударник со своей сверкающей системой

барабанов и литавр встречает их, оглашая барабанной дробью гулкую улицу.

-Привет! Музыкант! Ты, как нельзя кстати, сегодня играешь на этой улице!

Шумная процессия с громкими зазывальными криками, звуками флейт и смехом, двинулась веселым галопом к площадке над рекой- любимому месту уфимцев. На месте снесенного дома архиерея и парка теперь здесь высится помпезное здание обкома партии, именуемое в народе «Пентагоном».

И рванулась навстречу открывшаяся взором необъятная даль там, за рекой. Голубая и бесконечная. Ветер с реки обдувает разгоряченные лица, треплет одежды.

-Мир, ты такой загадочный и прекрасный! Мы- твои, мы- из тебя! А ты из нас?!

Метнулась в сторону тетечка с узелком волос на затылке и с лицом, как закишее тесто.

-Поговорим? Что вы можете доброго сказать?

Тетечка испугана. В ее авоське забились, забрякали консервные банки:

-Господи, кто вы? Свадьба, что ль?

-Мы- веселые и неунывающие!

Вы разве нас не признали? Мы- ловцы радуг!

А над городом опрокинулись радуги. Одна, две, три.

Работает любительская кинокамера. В кадре несчастный Пьеро. Крупным планом его набеленное лицо, искаженное страдальческой маской. Он страстно, почти теряя сознание, нюхает алые гвоздики. Вот он, содрогаясь от рыданий, бросает эти цветы на землю. Камера устремляется к земле, куда плавно опустились отвергнутые гвоздики. Теперь она, медленно поднимаясь, возвращается к несчастному Пьеро. Вместо него в кадре удивленные лица двух блюстителей порядка.

-А как? Что я для этого должна сделать?

-Как что?- у Эльмиры под гримом весело подпрыгнули брови.- Подарите просто так кому-нибудь улыбку, скажите ближнему что-нибудь приятное, проявите к тому, кто этого ждет, участие и доброту.

-Кто эти сумасшедшие?- нахмурившись, интересуется гражданка в платке, получившая в наследство от предков хлебопашцев-косарей широкие плечи, узкие бедра и крепкие ноги. Она, поджав губы, укоризненно качает головой.

-А вы, дядечка, хотите жить весело? У вас есть мечта?- трогает за плечо прохожего облаченная в длинное атласное с несколько смелым вырезом платье девица с Маринкиными

глазами.

Мужчина, набывшись, что-то мямлит в ответ.

Опять поднялся ветер и покатило по тротуару с бесшабашным озорством пустые пачки от сигарет, конфетные бумажки. Прогромыхала где-то сорвавшимся листом железа крыша. Пестрое шествие мелькает среди больших лип на бульваре, удаляясь все дальше и дальше...

Потемневшее небо и барабанная дробь одинокого ударника в сквозняке пустеющих уже к вечеру улиц.

На другой день в деканате института искусств легкое недоумение.

-Что была за демонстрация? Почему?

-Это ж кукольники! Объяснили нам, что это у них типа практики.

-Но зачем же топтать со своей практикой к обкому?

-Они вовремя поняли ошибку и быстро покинули то место.

-А-а.

И успокаиваются блики на застекленных шкафах со строем толстых, никому не нужных папок.

Над северной столицей всплыло на веслах лучей туманное, долгожданное солнце.

-Машина уже подошла! Едем, побыстрее собирайтесь, капуши!

-Пап, а купаться там есть где?

-Наверное. Посмотрим, когда приедем.

-А бабушка будет рисовать?

-Конечно будет.

-Мне нравится, когда она рисует цветы.

-Да, Фания Акрамовна, не забудьте свои краски и бумагу!

-Спасибо, Лилия Федоровна. Я уже все для рисования себе положила в сумку.

Атмосфера несколько накалена. В воздухе натянута тончайшая паутина размолвки между молодыми супругами. Она из невидимых глаз нитей, но зато стальных и грозно поблескивающих при натяжении.

-Эльмибочка, чего это ты так повязалась? Тебе не идет, сними-ка платок!

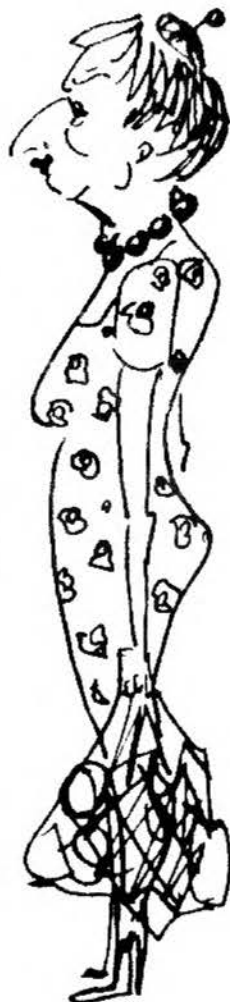
Эля только сверкнула глазами в сторону матери и ничего не ответила. Игра «в молчанку»... Потом она всегда кажется наивной и смешной.

-Лилия Федоровна, бесполезно что-нибудь говорить. Эльмира так повязалась специально для меня. Потому что и мне так не нравится. Петь, вот люблю я за это нашу маму. Все наоборот. И такая колючая, когда сердится.

Эля, не принимая миролюбивый тон мужа, передернула плечами и буркнула себе под нос:

-Тоже мне, дурак!

По дороге из Питера, незаметно для других, она перевязывает платок. Постепенно, как бы невзначай, восстанавливается мир. Уже в общем разговоре все

смеются. У бабушек исчезает тревога в глазах.

Петруша шумно радуется и старается перекричать всех. Он счастлив, что вся семья в сборе и что они едут на природу.

А вокруг сосны. Через их роскошные мохнатые ветви солнце струит свои рыжие лучи. Свежий воздух напоен сосновым ароматом.

Они лежат под солнцем на траве. Жужжит какое-то насекомое, недовольное тем, что эти двое вторглись туда, где оно пасется. Юра водит травинкой по Элиному носу.

-Тебе хорошо?

-Да.

-Ты знаешь, завтра я в Москву. Только туда и обратно...

-Я тебя буду ждать...

И она вдруг тихо засмеялась.

-Ты чего?

-А так, вспомнила. Один из наших гастрольных концертов. Все о'кей- наряды милиции, ограждения, толпа желающих попасть. Я пошла домой что-то тебе принести. Не помню, что именно, ну неважно. Возвращаюсь- толпа уже такая, что не пролезть. А у меня животище с Петрушкой вот такой! Я кричу: «Да пропустите же меня, черт возьми!» Сама понимаю, что все напрасно. На лбу же у меня не написано, что я твоя жена, а что в животе у меня твое дите толкается- тоже всем все равно.

-Ну и как же?

-А так. Стала кого-то по башке стучать кулаком и лезть через ограждение. Время начала концерта, а я еще вся в борьбе, чтоб к тебе пройти.

Милиционер: «Куда? Назад!»

Слава Богу, кто-то из твоих ребят выручил...

-Ребята, соберитесь! Хватит болтать... По местам!

И началась репетиция.

-Саша, твой купец- прохиндей. Страшный и коварный плут, понимаешь? Он коварен тем, что скупает по дешевке покрывала, которые стоят жизни героине... А купец подбадривает ее мужа, мол, давай еще и еще! Это ведет к трагической развязке.

-Что, сцену повторим, где Эльмиры нет?

-Да, придется так.

-Привет, ребята! А вот и я.

По проходу зала учебного театра идет Эля.

-Приехала? Ну и здорово!

-Что там в столицах?

-А, ничего особенного. Все то же самое. Ну, что, все репетируем?

-Да. Но мало что получается.

-Плохо без Пал Романыча. Ну, ничего, Артур, справишься!

-Слушайте все: завтра идем к Пал Романычу в больницу. Лады?

-Я не знала, что он в больнице, проехала к нему домой... Артур, ты меня не

уничтожишь, что я так запоздала?

-Что с тобой поделаешь!

Эля пошла переодеваться.

-Эльк, поскорей, а? Давай вторую сцену пройдем.

Она снимает туфли, натягивает на себя майку.

«Надо войти в роль. Так... Героиня этой грустной японской сказки, превращаясь ночами в журавля, работает у ткацкого станка, чтоб наткать как можно больше покрывал на продажу. Несчастливая заколдована. Если муж ее увидит журавлем, то она так и останется журавлем...»

-Чего ты долго так, Эльмирк?

-Иду-иду...

-Готова? Давай бегом через сцену с куклами! Помни, наша героиня не может рожать, и поэтому радуется появлению детей.

Эля из кулисы легко пробегает через сцену.

Пожалуй, получилось. Артур улыбается. Только Эльмира может так облететь всю сцену и наполнить ее неповторимым очарованием своего присутствия.

После трехчасовой репетиции все взмокли. Эля уселась на пол и уронила голову в сведенные руки.

«Журавлиные перья... Они жизнь этой загадочной птицы. Без оперения она погибнет... А покрывала такой неземной красоты! Они воздушные, как небо, и легкие, как журавлиный пух».

Подошла Марина и плюхнулись рядом:

-То же мне... На кой бес столько ткать? Послала бы их всех- и мужа, и купца подальше.

-Ну, она думала по-другому.

-Дурочка от старой замшвелой философии.

-Ты знаешь, мы все, наверное, от такой философии,- Эля подняла усталое лицо, встала прыжком и пошла переодеваться.

-До чего ж мир жестокий кругом! Одни хищники. Того и гляди- откусят...

-Что?

-Нос!- лукаво улыбнулся Саша Верховоземский.- Особенно, если он длинный.

-Как у меня! Ха-ха-ха...

-Ребята, завтра без опозданий. Хватит тянуть.

-Конечно хватит,- подытоживает Марина своим твердым, не терпящим возражений голосом,- измучили уж этот спектакль. Сколько можно? Скорей бы отыграть!

-Без Пал Романыча?- вынырнула Эля из глубины кулис.

-Что ж поделаешь... Завтра навестим его и поговорим об этом еще. Грустно это. Тем более, что день назначен. Декорации, реквизит и маски готовы.

Примолкшей, сиротски разбредающейся группой ребята двинулись к автобусной остановке. На ней по этому позднему часу уже никого. И транспорта не видно. Наконец, все запихиваются в какой-то подвернувшийся автобусик, и- по домам.

У своего подъезда Эля остановилась и подняла к небу голову. Там одна за

другой зажигались звезды.

« Ветерок, проникший к той бедной женщине в дом. Этот порыв ветра- я. На своем лету буду ей нашептывать много чудных слов утешения. Вот так, как это умеют делать одни только дети. Святые дети», - она засмеялась хрустальным переливом детских голосов. И будто тихий звон серебряных колокольчиков пронесся по двору.

-Я слышу. Слышу, да?- Эльмира прислушалась.- Или это мое эхо? Или звезды? Нет, не звезды и не эхо- это журавлиный пух. Он летит на мои плечи, руки, волосы... Пушистый-пушистый. И светится в темноте, как голубой снег под большими старыми дубами в моем странном сне. Как отзвук чьей-то далекой жизни.

В Уфимском театре кукол зачетный спектакль студентов института искусств. На улице весна, и совсем по-праздничному светит солнце!

За кулисами сцены волнение.

-Все! Начали!

«Пошла первая сцена. Без Пал Романыча пустыня какая-то. Жаль, что играем без него. Слава Богу, пока все идет неплохо. Я совсем не волнуюсь. Может быть, немного... На мне плащ до пят с капюшоном. В руках на веревках куклы, изображающие японских карапузов с черными кисточками волос на лысых головках.

В зале мама и Петька. Любимый мой сын. Видишь, как красиво на сцене? Расписная ширма, а на заднике совершенно прелестный японский пейзаж. Запомни, сын, этот спектакль. Спектакль, где играет твоя мама.

Почему-то заныло сердце. Зазвенело в ушах. Что это? Клекот журавлей? И вдруг оборвалось. Мой выход...»

И голубым в снегу, с кровавым зевом пасти
Тигриным шорохом взметнулось небо вдруг!
Как иероглифы из этой старой сказки
Бег ног моих босых и взлет крылатых рук!
Мой красный плащ рванул кулис забрало,
И щебетом бездумных, легких птиц

Рассыпан детский крик,
Как плач, как смех, как миг,
В котором журавлиха умирала,
Любившая так мужа без границ...
Вскружу я неба синь тем пухом журавлиным!
И зеркалом застынет солнца прядь...
В купели облаков, плывущих на крестины,
Омою душу, чтоб обет принять.
И пусть летит тот пух, как снег
С волос моих...
Как дань любви в прекрасном сне
С надежд моих...

-Мама! Мама!!!

Он увидел ее издали. Эля медленно шла по аллее к их корпусу.

-Мама приехала!

Петя с разбега бросается к ней, обхватывает руками ее ноги и прячет лицо в складках яркой, цветастой юбки.

-Ой, ты ж меня свалишь с ног!

-У нас здесь, в санатории, праздник. Правда, правда! Настоящий праздник, как в детском саду! Будем играть, петь и подарки дадут.

-Хорошо вам тут с бабулей отдыхать, а?

-Да.

Лилия Федоровна вглядывается в лицо Эльмиры.

-Ты не болеешь?

-Нет, мама. Что ты так в меня всматриваешься? Я просто устала с дороги.

-Отдохнешь немного и на праздник с Петрушей пойдешь.

Петя хлопает в ладоши и щурит глаза то на маму, то на солнце.

В комнате, где живут Лилия Федоровна с внуком, светло, и по-казенному строгая чистота. Эля прилегла на кровать.

После обеда Пете не спится, он уже собирается на праздник. Наконец, бабушка сообщает, что можно на самом деле приводить себя в порядок. И что время уже подошло.

-Эльмибочка, вставай.

-Нет, я не пойду никуда. Дайте еще немного полежать.

-Я тебя не понимаю. Ребенок же хочет идти с мамой. Вставай! Не ленись!

На огромной лужайке собрались отдыхающие с детьми.

-Голубой вагон бежит, качается,- подтягивают баянисту две пожилые дамы в панамках, очевидно, бабушки. Массовик, изжелта крашенная блондинка в брючном костюме перебегает короткими ногами площадку, созывая в мегафон всех отдыхающих на праздник:

-Сегодня в нашем заезде, заезде «Матери и ребенка», веселый праздник, праздник Чебурашки!

Она торжественно, под звуки туша, одевает на голову баянисту шапочку с плоскими большими ушами.

-Мам, идем в хоровод!

-Нет, иди с бабушкой, а я на вас посмотрю. Мне тут так хорошо, в тенике, под деревьями.

-Хочу с тобой! Кто с мамами, тем дают призы!

-С бабушками тоже дают.

-Эльмира, ты мне не нравишься. Плохо выглядишь. Случилось что?

-Все нормально. Что за вопрос?

«Что-то неладно»,- подумала про себя Лилия Федоровна и пошла с хныкающим Петей в хоровод.

Эля помахала им рукой. И вдруг у нее в глазах задвоились верхушки деревьев и раздвоился ушастый Чебурашка-баянист.

-Что это со мной?- она тряхнула головой.- Сейчас все пройдет, все пройдет...

«Жить надеждой- это, наверное, не самое худшее, что нам дано жизнью. Мы стали, по всей видимости, «наркоманами» пограничной ситуации. Нам время от времени нужны встряски, которые будоражили бы кровь, будоражили воображение, хотя в идеале мы стремимся к обратному- к покою.

Сартр сказал: «Ад- это другие!» На что мы обрекли друг друга? На паперть. Бежать впереди себя, чтобы не думать, не оглядываться, чтобы забыться. А чужие люди, будь то друзья или мать, подают нам желанное подаяние- жалость, мимолетные встречи, участие. В этих подаяниях нет самого главного- понимания.

Они любят- да. Пытаются отогреть- да. Они пытаются дать даже то, что не в состоянии дать. Что делать! Это удел всех нищих, которые ждут золотой, а получают медные полушки. Для тех, кто в свое время миллион разменял по рублю, это закономерно.

Почему, когда души так близки, их оболочки не могут сосуществовать вместе?!? Разве это не абсурд? Неужели, эти столь недолговечные футляры так самонадеянны и амбициозны? Они ревнуют, оспаривая право на собственность?

Зачем любящим душам необходимо плотское совместное существование своих хозяев? Это является обязательным правилом игры для земных? Ведь

достаточно просто любить! Наверное, именно против этих плотских взаимоотношений восстает душа. Она хочет освободиться. Смерть для влюбленного- это наивысшее сладострастие, потому что души освобождаются, сливаясь воедино. (Ромео и Джульетта.)

Они вольны делать что угодно, а можно им одно- быть вместе с вечностью, неся энергию созидания, в отличии от их земных коллег, которые являются разрушителями, развратителями до тех пор, пока не заплачена цена за...»

В Уфе по этой осени дожди. Эля, раскрыв зонтик, ловко обегая лужи, спешит в институт.

-Ба, какие люди! Эльмира, привет! Давно из Питера?

-Привет, Сережа. Да, порядком уже...

-Как там Юрка?

-Все как всегда. Суета сует. Гастроли, гастроли...

-«И некому руку подать...». А ты чего такая потухшая?

-Голова болит.

-Так не надо загоняться. Надо вовремя приостановиться, нажать на фрукты, овощи- благо сезон. Войти с собой в контакт, проявить к своей особе внимание- она это любит.

-Ладно, поняла. Встретиться бы, когда время будет.

-Приходите в гости с Петькой. Эллка рада будет.

-Как она? Танцует? Ездили куда-нибудь?

-Пока нет.

-Привет ей! Ну, пока! Бегу!

-Пока!

И он, не удержавшись, посмотрел ей вслед.

Последний год учебы. У Павла Романовича разговоры о дипломном спектакле. Задумываются некоторые сцены из «Ревизора» Правда, пока еще все не решено.

-Интересно у гениального Салтыкова-Щедрина. Такая же изумительная сатирическая галерея типажей наместников власти. Какие фамилии: Негодяев, Прыщ, Угрюм-Бурчаев. У последнего во взгляде была только «голая решительность и ничего более». Вам, дорогие мои, хорошо бы это все прочесть, чтоб понять ту атмосферу.

-Что? Она так здорово отличается от нашей?

-Да, неумирающая комедия «Ревизор»!

-Комедия? Это, скорее, трагедия! Я имею в виду нашу трагедию, что эта комедия современна.- Эля нервно тербит рукав кофточки.- Трагикомедия...

-Как я сегодня устала... Таньк, я зайду к тебе, а? Отлежаться немного. А то мама опять взволнуется, почему я такая...

-Правильно, что ее волновать. Мамы всегда преувеличивают. Потом, она так устает с Петрушей.

Утром Эля проснулась бодрая. И сразу стало светлее, и Петька веселым криком оглашает квартиру.

В институт они идут вдвоем с Танькой.

-Ты, Эльмирк, сегодня выглядишь лучше. Я ж тебе говорила- пройдет темная полоса, придет черед светлой. Ты, знаешь, Рутберг- это фантастика! Эльк, ты не можешь представить всю силу его магии!

-Ну-ну...

-Какие руки, какая пластика!

-Он же, кажется, в энергетическом учился? Вот где и познал тайны энергии!

-Не надо иронии, здесь совсем другое!

-Понимаю, просто шучу. Вот Всероссийский фестиваль по танцам творческих вузов- это серьезно. Надо готовиться. Почему-то мне стало трудно двигаться, какая-то вялость в членах.

-А, ерунда все это. Эльмирк, может, ты того?

-Думаешь, беременна? Нет. Пока нет.

-Тогда танцуй, танцуй и займет наш институт какое-нибудь призовое место!

Мы созданы из того, что и сны...

И сном все завершится.

Шекспир.

-«Буря» Шекспира. Моя дипломная роль. Роль Ариэля... Ари-эля... Эля... слышите эхо? Или его слышу только я?

-Эля, там все сложно.

-Я чувствую.

-Буря всегда несет разрушение. А здесь она, наоборот, все расставляет на свои места, упорядочивает нарушенный мир. Парадокс. Да? Она помогает раскрыть зло и наказывает его. Добро благодаря ей торжествует! И все же есть здесь что-то неотвратимое и пугающее своей тайной. Ариэль...

-У Проспера корыстные цели? Ведь он хочет выдать дочь за сына короля?

-Нет, не совсем... Корысть- это когда в ущерб другим, а здесь все наоборот. Тут требование сердца освободиться от обиды путем восстановления справедливости. И является Ариэль- дух, вызывающий смятение в природе. Буря- средство, Ариэль его проводник.

Мудрый Просперо. Его воля и любовь к дочери решают все. Сильное желание превращает Просперо в волшебника. Реально, да? Фантастика, да?

Ты- Ариэль, собирающий росу с Бермудских островов, готовый сделать все, что скажет Просперо:

«...Плыть по волнам, иль ринуться в огонь,

Иль на кудрявом облаке помчаться!..»

-Мне кажется, Пал Романых, у него в словах сожаление об оставшихся целыми и невредимыми людях после кораблекрушения. У него в глазах должны сверкать демоны. Это как на охоте, когда просыпается жажда разгула.

-Ариэль- дух. Он непредсказуем. Демоны тоже духи... Давай почитаем. Я тебе буду подавать реплики Просперо.

Просперо.

Так, Ариэль!

Ты порученье выполнил отлично.

Но дело есть еще. Который час?

Ариэль.

Уже за полдень.

Просперо.

Два часа, не меньше.

А до шести должны мы все успеть.

Ариэль.

Ты шлешь меня на новые труды?

Позволь же, господин, тогда напомнить:

Ведь ты мне обещал...

Просперо.

Как? Недовольство?

Чего ты хочешь от меня?

Ариэль.

Свободы!..

Шекспир.

-Ариэль. Я прилетел из стихии. Я- дитя стихии,- взлетели Элины руки. Сквозная. Прозрачная легкость и вдруг вихрь! Он подхватывает ее фигурку отрока с длинными ногами. Трепетные раскрылья ноздрей, и глаза, в которых таится жажда бури...

-Теперь ты сделал все. Крылатый дух, вернись к стихиям.

-Я свободен?

-Да...

-Я из стихии, к стихиям и умчусь... Вот моя прощальная песенка:

«Что там бури и ненастье,

Береги любовь!

И потерянное счастье

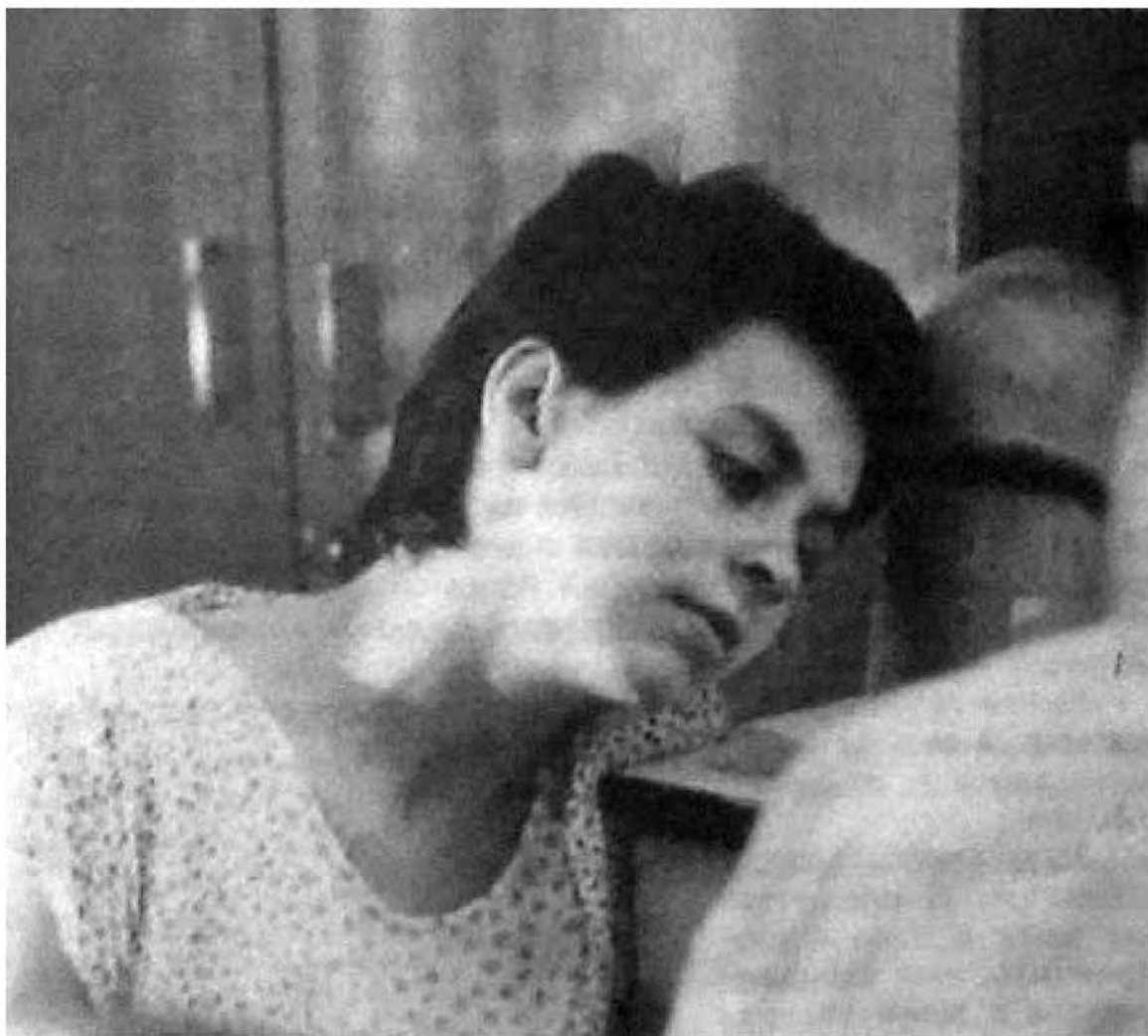
Обретешь ты вновь...»

-Эту песенку я придумала сама. Я не буду ее петь вслух. Я буду под ее мелодию двигаться.

«Тень и свет. Когда уходит день, на его смену приходит ночь. Такой заведенный порядок Я жду письма, а на улице уже всю зиму. Мне неуютно. Часто болит голова. И уже трудно это скрывать от мамы. Сегодня шла по лестнице вместе с больной соседкой. Стыдно, но я не смогла помочь ей нести сумку. Меня не послушали руки».

Все время теперь хочется спать. Нет желания двинуть рукой или ногой. Петяка

рядом обводит карандашом свою ладошку.
-Смотри-ка, хорошо получилось! Теперь иди спать.
Ребенок послушно складывает карандаши и идет к кровати. А за окнами
опять ночь...

-Мама, как ни странно, но я не могу запомнить текст. Он нужен к зачету.
-А я тебе помогу. Буду тебе его читать, а ты повторяй, так и запомнишь,
Эльмибочка, когда же мы в больницу, а? Ведь анализы же надо все сдать.
-Вот от Юры получу письмо, съезжу на Новый год с Петей к нему, приеду,
сдам зимнюю сессию и вот тогда уж пойду в больницу.
-Но, Эльмира...
-Мам, я так решила. Все. Может, к тому времени все и пройдет.
-Хорошо бы...
Лилия Федоровна читает текст, а мысли Эльмиры далеко-далеко...
«Мгновение... Что мы чувствуем в данный момент? Ощущаем ли пульс

вселенной? Что происходит в этой огромной бесконечности? Прямо сейчас, сию минуту? Где-то на земле разбиваются сердца и одновременно, может быть, совсем рядом вспыхивает любовь. Где-то гибнут люди, страдают от физической боли, а где-то двое испытывают великое счастье от обладания друг другом.

И все это в один короткий миг... Муха проснулась между оконными рамами. Ошалело забила, бедная. О чем она? О чем ее вселенная?

-Мам, я устала. Пойду лягу.

На кухне тихо переговариваются Евгения Петровна и Лилия Федоровна.

-Что-то с Эльмибочкой не ладно. Меня пугает ее здоровье. Такое впечатление, что она засыпает, как бабочка-однодневка. В ней погас огонек.

-Не волнуйтесь, Лилечка, у молодых это бывает. Сонливость, депрессия. Возможно, какой-то перелом в возрасте. Надо, конечно, показаться врачу.

-Да никак не хочет. Теперь подолгу лежит в ванне. Говорит, что так ей легче. Часто там и засыпает. А вчера, когда я ее будила утром на занятия, она села на кровати и сказала: «Вот возьму и умру, чтоб оставили меня в покое!»

-Ну, это так... Для красного словца. По молодости.

«После читки сцен в институте у меня опять все задвоилось в глазах. Господи. Вспомнился четко мой сон про поминки. Озноб пробежал по спине. Ой, только не надо ни о чем таком думать. Не надо! Все, все...

По радио дикторша рассказывает содержание оперы «Аида». Радамес, вернувшийся с похода под звуки победных фанфар протягивает руки своей Аиде:

-Ты упоенье. Ты позабудешь беды и горечь разлуки. Царица- ты радость сердца.

Какие красивые слова! Мне иногда нравится такой высокопарный тон. И я бы тоже проникла в подземелье к любимому, чтоб с ним умереть.

Надо учить текст. Я его плохо запоминаю. А предметы все чаще и чаще стали дразнить, они раздваиваются в моих глазах. Какой пессимизм. Ай-яй-яй! Просто нет Юрки рядом. Это потому что я без него? Никто мне не ответит на этот вопрос. Никто...

Письмо. Оно скоро придет, и хлынут в мир потоки света, и в них необыкновенные, на длинных стеблях, цветы. Опять прольется дождь, и заиграют рябые, в оспинах пузырей, лужи.

А пока уже зима. Заиндевелила крыша на нашем доме и разрисованная нами с Танькой труба. И звенят, звенят

тоненькие антенны...»

Что-то разбилось в большой комнате.

-Петь, а? Вот я так и знала! Разве играют в футбол дома? Сколько можно говорить одно и то же.

Лилия Федоровна приносит метелку и совок, чтобы собрать осколки плафона от люстры.

-Что делать?- тихо говорит она.- К счастью, будем считать. Только где вот такой плафон достать? Кто-то звонит. Эльмира, открой.

Вошедшая Евгения Петровна искренне печалится по поводу разбитого плафона.

-А вы знаете, у вас в почтовом ящике, по-моему, письмо.

Эля скатывается с лестницы. Письмо. Она так его ждала. Задохнувшись, читает его тут же на лестнице.

-Эльмира, почему ты так торопишься уехать?

-Мам, ну что ты от меня хочешь? Мне надо скорей ехать и все. Мы с Юрой встретим Новый год,- она грустно улыбнулась и опять стала лихорадочно собирать вещи.- После Нового года сразу на зимнюю сессию, а там- дипломный спектакль.

-Эльмибочка, осталось полчаса до отхода поезда, а Петя еще не одет,- волнуется присутствующая на сборах Евгения Петровна.

Наконец все собрано. Эля кутается в норковое манто, в котором когда-то щеголяла ее мама.

-Ты что, замерзла? А вообще, ты как королева. Как тебе идет эта шубка!- залюбовалась Евгения Петровна.

-Ой, уж этому манто в обед сто лет, перед-то уж весь протерт.

-Лилечка, на Эле этого не видно. На ней оно выглядит роскошно.

Такси. Разве его поймашь, когда оно так нужно? Времени остается совсем мало. Все нервничают.

-Боже, осталось пятнадцать минут, а мы еще стоим возле своего дома!

Какой-то жлоб высовывается из притормозившего «Москвича». Он глядит на Эльмиру:

-Люблю детей, у которых хорошенькие мамы. Я тебя подвезу, сколько заплатишь?

-Да хоть сколько, только гони на вокзал. Мы опаздываем.

-Эльмибочка, в поезде Петрушу от себя никуда, слышишь?

-Ой, слышу, слышу. Сколько можно говорить одно и то же.

-Горшок в пакете. Не давай ему сырой воды,- Лилия Федоровна встревожена.

На ступеньках вагона дочь, ведущая Петю за руку, оглядывается на мать. На большом меховом воротнике, покрывающем плечи, черные волосы. Быстрый мгновенный взгляд.

В пыльном окне вагона всплывает ее лицо. Бледное и отрешенное... А поезд стремительно набирает скорость, и сразу пустеет уфимский перрон, будто слепнет.

«Скорей бы увидеть Юру, и пусть хоть потоп после этого. Все так ничтожно по сравнению с вечностью! Все... Только единение душ и любовь в них. Скорей бы прижаться к нему. Услышать его смех, увидеть его глаза.

Стучат на стыках вагонные колеса. Петька тоже хочет скорее к отцу и в ожидании встречи с ним как-то притих и не шалит.

О чем я? А. О любви, о вечности... Болит голова. Начинается приступ этой боли, и пальцы белеют в суставах. Я, как узник, брошенный в ее жуткие казематы. Она неусыпно сторожит меня, не отходя ни на минуту от дверей. Она подглядывает за мной в глазок, не давая забытья. У нее глумливая рожа и глаза, как плевки.»

Москва. Встрепанная, издерганная. Сутолочные переходы метро. И цветочницы. Их тут великое множество. Они стоят вдоль стен. И море цветов.

«Пролететь бы в танце этот бесконечный туннель. И на шпагат. И сальто. Люди уже жмутся к стенам, освобождая мне проход. В моих руках корзина с цветами. Я- Элиза Дулитлл из «Пигмалиона». Я- простая, грубоватая цветочница, дитя улиц. Не подкидывай знатных кровей, а вся тут, безродная, какая есть. Это потом меня пообчистят, а сейчас... В моем взгляде ничего, кроме желания всучить кому-нибудь свои цветы.

-Купите цветы, и я буду сыта.

Как просто, вроде бы...»

Девушки-цветочницы курят, хрипло перекликаются, переминаясь с ноги на ногу. Обветренные, бесчувственные от однообразной усталости лица...

-Господи, Юрка! Мы вместе,- ее глаза смотрят с грустью маленького ручного зверька.

-Ты что? Я ждал тебя. Я всегда жду тебя...

И тревожно сжалось сердце.

-А почему ты прислал мне письмо, написанное давно?

-Потому что оно в силе остается всегда. Я буду любить тебя всегда. Ничего не изменится...

VI.

Как на рану соль,
Мой висок свербит.
Ходит чья-то боль
И в окно стучит...

Четыре дня в Репино. Предновогодний воздух и снежное небо.

-Нам хорошо, да?

-Да.

-Новый год мы будем встречать одни, своей семьей.

-А я наделаю всяких салатов..

И вдруг приступ страшной головной боли.

Звонок из Уфы с новогодними поздравлениями. К телефону Эльмира подойти уже не смогла...

Веснушчатая медсестра осторожно открыла дверь в палату. На стуле возле прооперированной сидел, сгорбившись, ее муж. Он поднял на вошедшую красные от бессонниц глаза, встал и вышел из палаты.

Больная разомкнула веки. Она устремила глаза на медсестру, и они расширились, потемнели.

-Я тебя знаю. У тебя рыжие-рыжие волосы под белым колпаком.

-Да.

-Меня прооперировали сегодня?

-Да, сегодня.

-Сегодня... Сегодня 17 января?

-Да.

-В этот день много лет назад умер мой отец. Ты разве не знала?

-Нет, я ничего о тебе не знаю. Я знаю только твое имя- Эльмира.

-Или можно звать просто Элей. Ты все про меня узнаешь, это так просто. Смотри в мои глаза, я хочу еще говорить с тобой...

И зрачок уплыл под веко. Вошел муж:

-Она не открывала глаз? Почему она все время спит?

Веснушчатая опустила лицо и ничего не ответила.

Она проверила капельницу и вышла.

-Я слышала ее голос. Она говорила со мной. Но ведь она еще не может говорить?

... «Пастух «Рыжий Карлик» ждет меня на холме под большими дубами. К нему подошел кривой мельник. Они машут мне руками. Я иду к ним, проваливаясь по колено в голубой, светящийся снег.

Впереди деревня «Назарет», где уничтожили всех младенцев. Я тороплюсь, а снег глубокий. За плечами у меня мешок. «Рыжий Карлик», прокладывает путь,

постоянно оглядываясь на меня. Мельник остается на холме...

Я бродячая актриса. В саду под фруктовыми уснувшими деревьями я покажу жителям этой деревни чудесную сказку. У меня много забавных кукол и еще мои руки. Я умею голосом передавать смех этих кукол и их плач.

Женщины и мужчины. Спешите на мой спектакль! Я пришла к вам отвлечь вас от вашего горя. Ручаюсь- вы забудетесь от него.

Вы пойдете домой с моего представления умиротворенные и светлые. Потом нарожаете хороших здоровых детей, и ваша деревня вновь наполнится детским веселым гомоном.

И все это сделают для вас мои руки. Вот эти руки... Но я их не в силах поднять. Они тяжестью камней тянут меня вниз, и я падаю, падаю...»

«Что со мной делали? А? Оперировали? В голове сквозная пустота, как в отремонтированной квартире, из которой вынесли мебель. Что они там нашли в этой моей голове? Мой мозг... Ядро грецкого ореха. Жутко, когда обнаруживается интимная жизнь твоего организма. Мерзким и склизким движением слепых червей, потревоженных из черной земли совком лопаты.

Вот так живешь, живешь себе мотыльком, припеваючи, и никогда не задумываешься о внутренней жизни в твоём теле! А оно, бедолага, трудится и день и ночь спрятанным машинным отделением корабля. И вдруг- сбой! Немыслимо, не поддается умообозрению. А врачи... Как они могут постоянно находиться в этом психологическом поле?»

-Эльмибочка, теперь мы с тобой будем учиться ходить и говорить.

Эля смотрит из-под повязки на мать.

«Я ничего не хочу- ни ходить, ни говорить. Мне трудно, оставьте все так, как есть. Неужели вы и вправду думаете, что я ничего не понимаю? Я знаю все. Напрасны ваши усилия скрыть от меня самое главное- то, к чему уже готовится моя душа.

Ваши глаза... В них можно прочесть это. И мне жаль вас, потому что я люблю вас. Хорошо, я согласна играть с вами в эту игру. Я принимаю любые ваши условия. Будто ничего не знаю и верю вам. Это моя последняя игра.

Мама, ты говоришь, что я буду опять учиться ходить и говорить? К чему? Не трогайте меня и оставьте в покое. А... Я забыла правила игры. Ладно, буду, так и быть, учиться ходить и говорить, чтоб дать вам надежду. Я так хочу ее прочесть в ваших глазах!

Учиться двигаться... Пал Романыч! Дорогой! Я поняла, как надо двигаться в роли Ариэля! И, вообще, это будет грандиозный спектакль! И буря будет- я вам обещаю... Теперь я свободна и могу все! Скоро смогу...

Боже мой, как я хочу опять придти к вам домой и просто посидеть, и просто помолчать, потому что говорить мне трудно. Вы один поймете меня. Вы всегда меня понимали. Я люблю вас, люблю весь наш курс. Люблю мои несыгранные роли.

Перед глазами туман. Картины каких-то незнакомых чудных мест проносятся

в моем сознании, и я парю высоко под облаками... Мне легко и стремительно перехватывает дыхание...»

-Эльмирк, а? Эльмирка...

-Не беспокой ее. Она, кажется, уснула.

Таня прижала руки к груди, и стиснулось от боли сердце.

Перед ней на больничной койке лежал стриженный подросток.

Неузнаваемый. Он вдруг открыл глаза. Вот они узнаваемы. Эльмирины глаза...

-Танька. Танька...

-А помнишь?

-Помню, помню...

...Двор дома на Достоевской в Уфе. Бездомная собака. Она большая, ободранная, с клочьями свалянной шерсти. У нее скоро будут щенята, поэтому она волочит брюхом по земле.

-Эльмирк, ты куда?

-В домоуправление.

-Зачем?

-Увидите. За мной!

-В убогом бараке с вывеской «ЖЭУ» Эльмира, раздув ноздри, требует не убирать сооруженной ими во дворе для этой собаки конуры.

Серый начальник открыл рот, не зная, как отреагировать.

Девчонка говорит решительным тоном, угрожая проснувшейся когда-нибудь совестью. Стайка подружек, треща косицами, поддакивает.

...На этой же улице, на углу в старом, покосившемся набок доме, у немощной старухи, живут двадцать кошек.

-Кто за колбасой?

-Я.

-А я пойду туда мыть пол,- Эльмира отбрасывает за спину длинную толстую косу- гордость бабушки Веры Александровны.

И почти каждый день они навещают ту старушку, принося ей круги отвратительно серой ливерной колбасы.

... -Эльмирк, девчонки из пятого «Б» говорят, что живет у нас здесь где-то дядечка, у которого в подвале город из аквариумов.

-Да? Надо его найти.

И нашла. В его подвале вспыхнули восторгом ее круглые глаза:

-Здорово-то как! Вы волшебник изумрудного города.

-Да?

А освещенная вода в аквариумах зеленела водорослями, взвешенная изящными линиями плавников грациозных диковинных рыб...

-Можно я вам буду помогать?

-Отчего ж нельзя, можно. Приходи с подружками.

«На больничном потолке отражается квадрат окна. Капельница на длинной ноге сторожит ночь. Давно уже ушла Таня. Остались наши с ней воспоминания.

Они хороводят по стенам, потолку, возникая далекими обрядами, шурша тихими восклицаниями, вздохами.

Детство... Неужели это все уже было так давно? И становится теплее. Кто-то вошел и нарушил иллюзию покоя. Опять уколы... Я устала, устала, устала...

Зачем же вы на меня так смотрите? А? Я вызываю жалость. Мерзко и ужасно. Но я никого не обвиняю, нет. Я уже реквизит этой больницы. Понимаете? Как эта кровать, тумбочка... У меня нет пола, возраста. Я- пронумерованный казенный атрибут, безликая жестяная бирка, болтающаяся на грязной веревке судьбы.

Растение... В отличие от него, я утруждаю близких своими естественными отправлениями. Как индивидуум, я никто, правда, служу объектом сосредоточения мыслительной и практической деятельности врачей. Мое тело пропахло лекарствами...»

«Я сплю? Разбудите меня! Да разбудите же! Я поднимусь, и вы увидите, как я сделаю это легко и быстро. Тело мое опять станет мне послушным. Заработает правая рука и правая нога. И вся я наполнюсь соками прекрасной жизни с ее желаниями, чувствованиями и безмятежностью мгновений созерцания. Как замечательна жизнь! Я просто ее мало ценила, каждый ее миг...»

Эля спустила ноги с кровати и села.

-Бог ты мой, какие у меня стали ноги. Тонкие и кривые, как у тех женщин на парижских улицах.

-Давай, я тебе помогу.

Веснушчатая подняла Эльмиру и они, обнявшись, пошли к туалету.

-Ты знаешь, чем пахнут старые кулисы?

-Наверное, пылью.

-Божественной пылью... А как пахнет свежая бутафорская краска?

-Нет, откуда же? Я никогда не была на сцене. И в театре была, когда еще училась в школе, в классе пятом.

-Жаль, тебе тогда не понять меня. А ты знаешь, что такое любовь? У тебя есть друг?

Рыжая медсестра неопределенно повела плечами.

-Любовь должна прийти. Только надо не ошибиться, не спутать ее с маленькой. Маленькую любовь не надо прикармливать- это унижает любовь. А, я вспомнила слова из фильма «Обыкновенное чудо». Видела этот фильм? Нет? «Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему придет конец. Слава безумцам, которые решаются жить, зная, что она не вечна...» Примерно так... Прекрасные слова!

Веснушчатая вошла в сестринскую. Она стянула с головы белый колпак, и рыжие волосы огнем брызнули на плечи. Повесив на крючок халат и сбросив тапочки, она замерла в каком-то оцепенении, обхватив голые плечи руками. Ее тело в цвету веснушек светилось свежестью крепкого, распускающегося бутона. Маленькие груди замерзли острыми сосками. Холодные плитки пола жгли рыжие пятки...

-Ты чего? Замерзла же! Одевайся скорее!- покачала головой вошедшая

пожилая медсестра.- Устала?

-Да нет.

-А чего так расстроилась?

-Та, прооперированная из реанимации...

-А. Молоденькая-то?

-Да. У нее опухоль не удалили. Уже ничего нельзя сделать. Я в истории прочитала сегодня. Ей только облегчили состояние, чтоб болей не было. Трубку отвели в желудок, для оттока жидкости, которая давит. Правда, муж так старается. Лечение начали химией.

-Ой, милая, не говори. Тяжело все это. А родным-то каково?

-Мать у нее из другого города приехала. Муж, не отходя, дежурит около.

Сынишка есть.

-Господи, помилуй. Жаль малого. Ну, может, еще и обойдется.

-Да. Лекарства какие-то из-за границы присылают. Муж у нее известный певец.

-Кто такой?

-Шевчук.

-Нет, такого не знаю.

Рыжая оделась и пошла к выходу.

-А че не намалевалась-то? И косметичку вон свою оставила.

Она вернулась, взяла с подоконника косметичку и положила ее в сумку.

Смутившись на приветствие проходившего мимо врача, открыла большую стеклянную дверь и вышла на улицу.

«Кажется... Нет, боюсь сглазить. Но у меня уже не болит голова, и я гуляю. Да-да, гуляю. Посмотрите!

Петруша... Он без меня как-то осунулся. Мы скучаем друг без друга. А за окнами питерская сиротская зима. Холодно, холодно...»

«Лилия Федоровна!

Я поехал к Эльмире, буду там ночевать. Купил ей икры. Ей гораздо лучше. Мы много гуляли. Она прекрасно кушала и т. д.

Не волнуйтесь. Ваш Юрий.

П.С.

Лечение проходит хорошо. Сегодня она получила 20 грз. Это половина всей дозы. Еще дней 10-18, и она будет лежать дома. Потом опять в больницу...»

«Милая, дорогая Эльмирка!

Тебе лучше, я знаю и очень рад.

Нужно скорей выздоравливать. Возьмем Петрушу и в Репино- на месяц-два!

И будем жить-поживать втроем. Самой замечательной и дружной в мире семьей.

Я был в Москве, в клинике Бурденко. Разговаривал с самыми крутыми профессорами. Они полностью поддерживают методы лечения нашего доктора,

Станислава Васильевича Можаяева.

Не волнуйся, все будет замечательно. Очень, очень, очень, очень, очень люблю тебя.

Твой всегда, твой вечно Юрий.»

Подошел трамвай. Веснушчатая вошла в него и села к окну. Он, переваливаясь и постанывая на стыках, помчался к Васильевскому.

От усталости щиплет глаза и тянет виски. За окнами мелькают разноцветными огнями вечерние улицы. Душе необыкновенно ясно и просторно. Будто в ней сорвали чехол с маленького колокольчика. И он стал звонить тихо и мелодично, вызывая непонятную тревогу.

Трамвай, взвизгнув, затормозил. Веснушчатая вышла из него и поежилась от холода. Из темноты нарисовалась фигура ее друга.

-Чего так долго?

Она не ответила. Какое-то неуютное чувство овладело всем ее существом. Во рту стало неприятно и сыро, словно она съела мышь.

-Не понял.

Она заправила рыжие волосы под шапку, глубоко вздохнула и постучала сапогом по снежной жиже. С минуту помедлила, потом круто развернулась и быстро зашагала к своему дому.

«Я бы сейчас совершенно по-другому читала свою Анну Каренину. Вот когда смогу, тогда... Нет, загадывать не буду. Юра сказал, что есть одна экспериментальная группа с интересным режиссером. Он, этот режиссер, спрашивал про меня. Вот весной получу диплом, и... Сколько интересной работы впереди!!! Только вот разработать бы правую ногу и руку.»

-Эльмира, на «велосипед»!

-Сейчас. Одну тапки.

«Трудно, трудно работать ногами. Но я должна, должна. Станислав Васильевич верит в меня. Я должна оправдать эту веру. Еще несколько поворотов колеса...»

-Эльмира, к тебе гости.

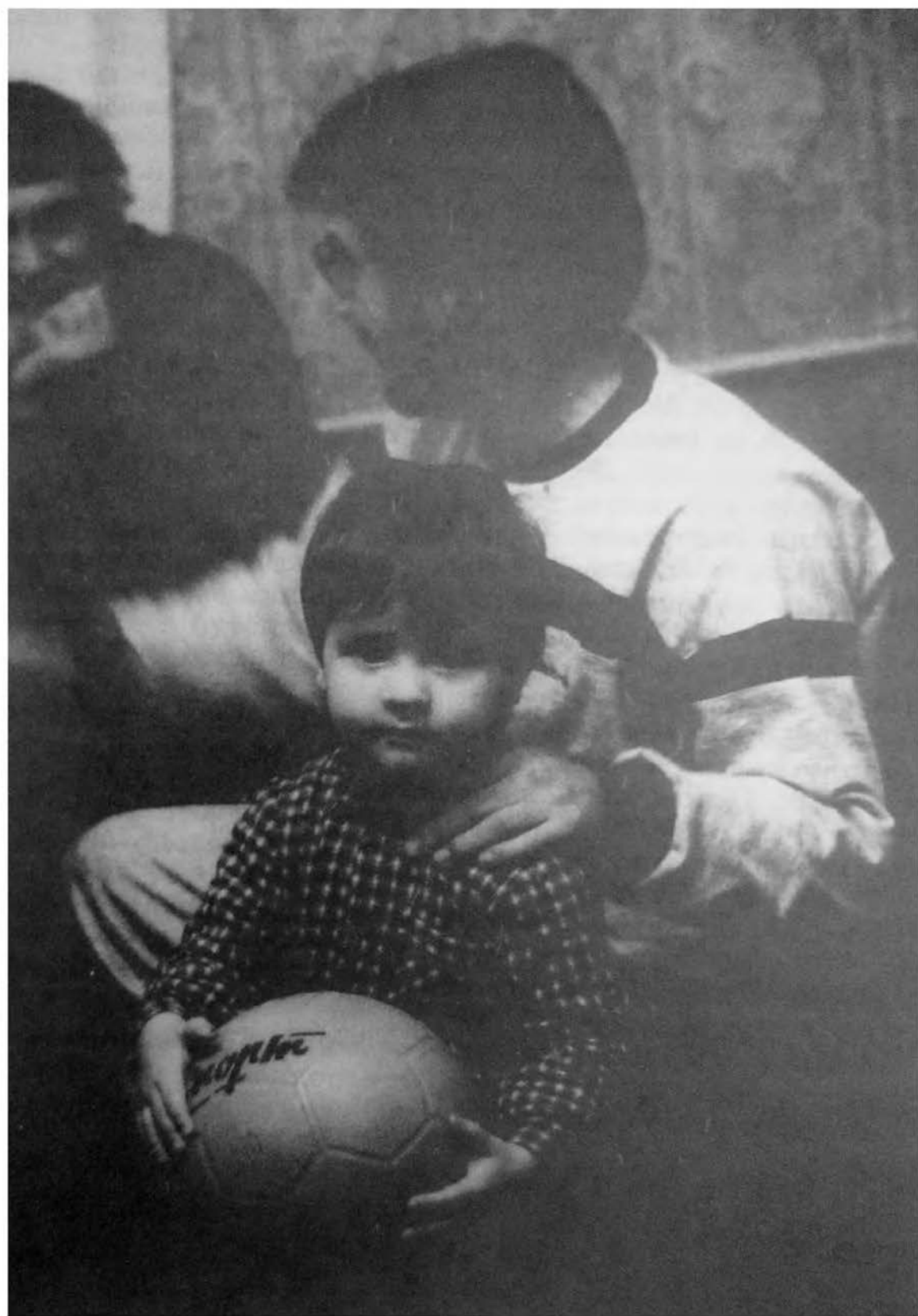
И много-много цветов... Юра держит ее за руку.

-Мы выйдем отсюда вдвоем...

-Да что ты, Юра, говоришь?

-А что? С малышкой, сестренкой Петруши.

Она задумалась... Неужели никогда, никогда жизнь ее не станет реальной, такой, как у всех остальных? И захотелось реветь в голос, как голоса бабы от горя.

За окном февраль. Он уже разбух от близкого нашествия марта.

Грустное лицо девочки. Она дочь женщины, соседки по палате. Девочка подолгу и пристально смотрит на Элю и все пытается с ней заговорить. Потом нерешительно подошла. Через несколько дней они уже сдружились.

-О, благородная Эльмира!

-Милая ты моя, как красиво твое обращение ко мне! Откуда ты взяла такие слова?

-Они к тебе очень подходят, поэтому и пришли мне в голову.

-Анечка, ты не грусти. Мама твоя уже выздоравливает, и все будет хорошо. Хочешь, я расскажу сказку?

-Хочу.

-Хорошо. Я тебе расскажу сказку вон про ту капельницу.

-Разве про нее можно что-нибудь рассказать?

-Можно, слушай.

Жила-была капельница. Она очень устала. Устала от больных. Устала целыми днями и ночами стоять на своей одной ноге. И пришла к ней мечта. Она захотела стать зонтиком. Да-да! Обыкновенным зонтиком. Чтоб вырваться, наконец, из больничных стен на свободу, на свежий воздух, на проливной дождь и распахнуть этому дождю навстречу свой купол-крылья.

Мечты-мечты... Капельница так хотела поиграть с дождем в «ладошки-считалки» и порезвиться с ветром. И на ходу нашептывать своему хозяину смешные истории. Другие зонтики стали бы прислушиваться- о чем это он? И тоже бы стали веселить своих хозяев. И улица наполнилась бы в шуме дождя тихим смехом.

А ночами зонтик пробирался бы из прихожей к кровати с малышом и распускался бы над ней чудесным цветком с пышными цветными снами.

Вдруг капельница очнулась от грез. Ее поставили к маленькому мальчику, который почти умирал.

Она старалась изо всех сил... Она прокапывала ему вместе со спасительной жидкостью и свою мечту. Ворчал пузатый пузырек, недовольный крепостью лапок зажима. Но мечта была сильнее. Мальчик к утру почувствовал себя лучше и даже повеселел.

А наша капельница? У нее закружилась голова. Она покачнулась и упала. Да так неловко, что сломалась...

-Ой!- воскликнула Аня и нахмурила брови.- Ее починят?

-Нет. Ее переплавят и сделают на заводе из нее, что бы ты думала?

-Не знаю.

-Ручку для зонтика! И осуществится ее мечта...

-Она будет счастлива?

-Кто знает? Наверное...

Благородная Эльмира... И вдруг смешался день с ночью, тьма со светом, и встревожился больничный воздух. У Эли гибнет кровь, отравленная химией.

Сознание... Оно на некоторое время возвращается к ней.

«Что со мной стало? Какая я? Мне не дают зеркало. Я их понимаю. Они боятся расстроить меня. Совсем недавно я была человеком, женщиной. А сейчас? У меня разбегается взгляд и не работает правая рука. Я уже никто. Я- тень... Ариэль покинул эти берега и где-то крушит моим отчаяньем океан... Моя телесная оболочка тает. Конец этому- тлен. Остается душа.

Ты идешь ко мне со шприцем. Ты дежуришь сегодня, да? Мне нравятся твои веснушки. И уколы ты делаешь совсем не больно. У тебя розовые щеки и рыжие глаза. Глаза рыси... В тебе жизнь. Красивое слово ЖИЗНЬ. Я говорю это без зависти. Совсем наоборот- я люблюсь тобой.»

-Она вас спутала с другой медсестрой. Она ее полюбила и всегда ждет ее дежурства.

-Ничего-ничего. Я тоже сделаю укол не больно.

-Эльмибочка, дай руку.

-Смотрите, сколько цветов вокруг! Прямо тут, у моей щеки! Я лежу на лужайке, усыпанной цветами. Сейчас, ты только не уходи, я нарву тебе их.

Лилия Федоровна отводит ее руку от наволочки из ткани в цветочек.

После укола легкое забытие. Потом опять пробуждение и испуг.

-Юра! Юра!

-Я здесь.

-Юра... А вдруг ты меня уже не любишь такую? А только жалеешь? Меня жалко, да? Жалость убивает.

«Милый мой, один Бог знает, как я тебя люблю... Хотя я и молчу- ты слушай меня. Я смотрю на тебя, как тогда давно, на нашей свадьбе. Смотрю и люблю... Так случилось, потому что я долго была без тебя. Слышишь? Меня как будто кто-то зовет. Смотри мне в глаза и слушай, что я тебе буду говорить.

Юра, я скажу теперь самое главное, что очень давно хотела сказать. За свои 24 года я прожила настоящую, полную жизнь. Понимаешь? Прожила СВОЮ жизнь... Она мне, как подарок. Я ни о чем не жалею.

Наша любовь. И те розы на скамьях в далекой Уфе. Наш сын. Какое счастье, что он у нас есть! Я скучаю по нему.. Очень! И еще... Да, я познала радости и огорчения сцены. Успела пробежаться по ее доскам... Многим не удастся познать столько счастья даже за длинную жизнь!

Давай поцелуемся как на той далекой нашей свадьбе. Когда-нибудь мы- дети вечности- будем все равно вместе...

И не надо грустить. Все было здорово! Я люблю твои песни, твоя слава кружила и мою голову. Потому что мы одно целое.

Как сладко слушать капель! Это весна? Скажи, это весна?»

Лилия Федоровна подошла к окну.

-Громко же стучит эта капель по карнизу. Прямо сил никаких нет!

Увидела светящиеся глаза дочери и поняла, что та радуется этим звукам, звукам весны...

-Да, да, Эльмира, это весна! Слушай ее, слушай!

Больничная ночь. Она живет ожиданием жертвоприношений... Зловещий свет притушенных ламп, и мертвящий звон тишины.

-Мое дежурство. Неужели этой ночью что-нибудь произойдет? Я не хочу. Только не сегодня. Сегодня 13 марта. Эльмира считает это число счастливым для себя,- веснушчатая медсестра рывком открывает дверь в ординаторскую. За ширмочкой, где кушетка, неловко обрывается какое-то движение.

-В пятнадцатую вызов,- говорит она в пустоту ординаторской и закрывает за собой дверь. За ней выбегает дежурный, застегивая на ходу халат.

Долгие ночные часы. Они тянутся, сопровождая конвоем странных галлюцинаций обрывки снов.

Вдруг перед рассветом забежали врачи, приехал главный. Рыжая медсестра, передвигая будто ватными ногами, поднимается на тот этаж. Дверь реанимации на секунду распахнулась. Медсестра увидела Эльмиру. Та лежала лицом к двери. Широко раскрытые глаза, казалось, смотрели прямо на нее. Дверь закрылась.

Веснушчатая подошла к окну. Раннее питерское утро. Серое и будто дождь.

«...Пусть ты вспомнишь перед смертью ливень, я готова иссушить его... А я вспомню дождь, обычный, серого цвета дождь...»

-Это мне дала прочесть в своем дневнике благородная Эльмира.

Из реанимации послышался стон. Это ей возвращают жизнь. Пытаются вернуть жизнь... Стон прекратился. Вскрикнул чей-то женский голос и смолк.

Дверь реанимации широко распахнулась. Из нее вышел бледный врач и пошел прочь. Рыжая увидела Эльмиру. Глаза ее были уже закрыты, и подобие улыбки забылось в излучине губ...

На небе вороны, под небом монахи,
И я между ними, в расшитой рубахе.
Лежу на просторе, светла и пригожа.
И солнце взрослее, и ветер моложе.

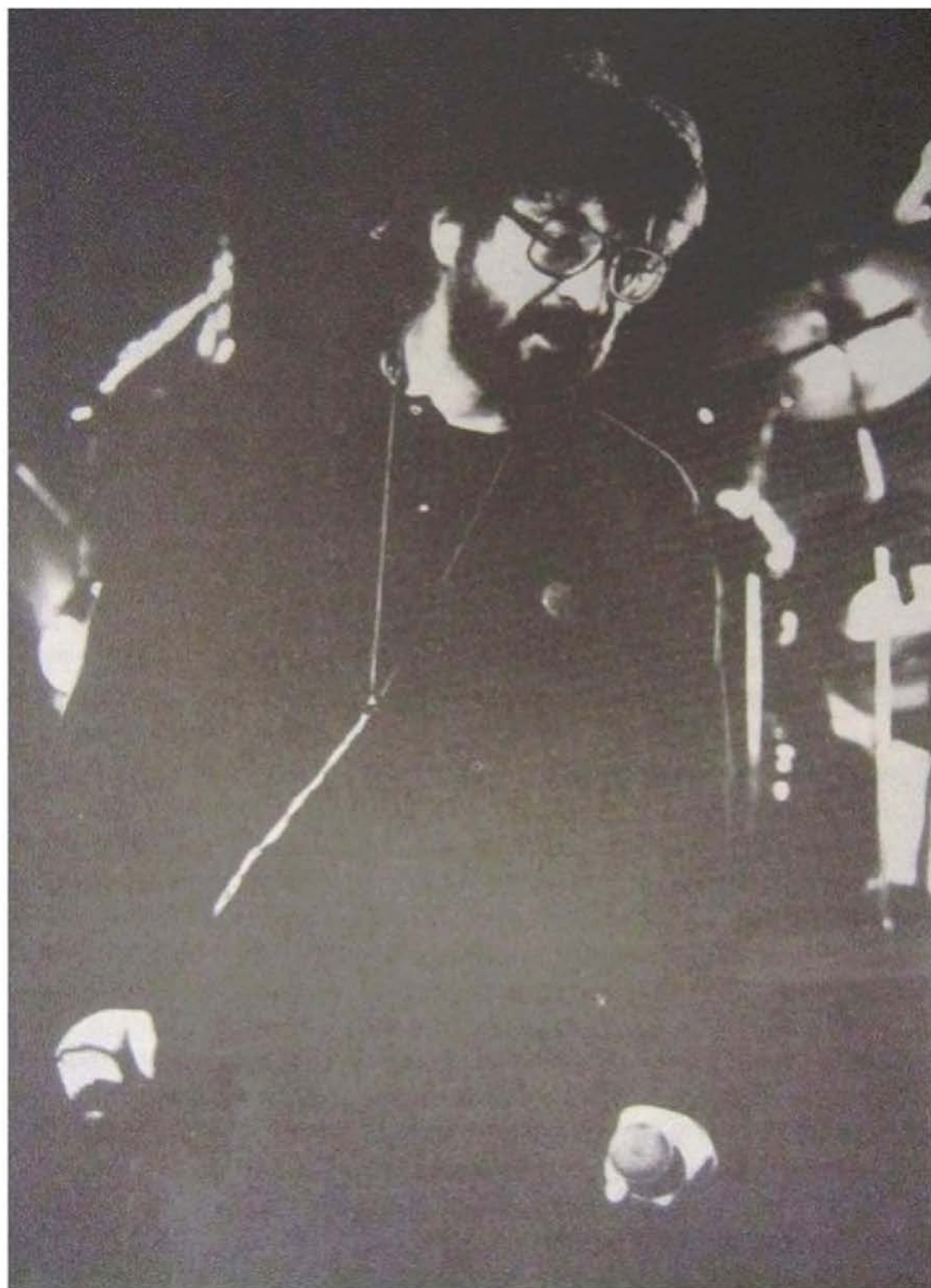
Меня отпевали в громадине храма.
Была я невеста, Прекрасная Дама.
Душа моя рядом стояла и пела,
А люди, не веря, смотрели на тело.

Судьба и молитва менялись местами.
Молчал мой любимый, и крестное знамя
Лицо его светом едва освещало.
Простила ему, я ему все прощала.

Земля, задрожав от печального звона,
Смахнула две капли на каплю иконы,
Что мирно покоилась между руками.
Ее целовало веселое пламя.

Свеча догорела, упало кадило,
Земля, застонав, превращалась в могилу.
Я бросилась в небо за легкой синицей.
Теперь я на воле, я- белая птица.

Взлетев на прощанье, смеясь над родными,
Смеялась я, горя их не понимая.
Мы встретимся вскоре, но будем иными,
Есть вечная воля, зовет меня стая.

Время устало тащится, как мосластая, ослепшая лошадь. И все по кругу, по кругу... Бесцветные, похожие один на другой, дни. Забирать Петрушу из детского сада домой только к вечеру, а до этого коротание долгих часов.

Она бессмысленно плутает по петербургским улицам, растворяясь в их суровой геометричности. Опустив голову, медленно идет по кромке тротуара к перекрестку. Мимо проносятся машины. Впереди перемигивается светофор. Зеленый свет... Желтые в страхе перекачивается в красный. Взвизг тормозов совсем рядом. Она останавливается. Обернувшись, видит через лобовое стекло затормозившей машины глаза Юры... Мгновение, и его голова опускается на руль...

Лилия Федоровна стоит не шелохнувшись. Она в Элиной курточке, сшитой из кусков рыжей цигейки, и в длинной черной юбке, как когда-то носила Эля.

Со спины мать и дочь вполне можно спутать. Показалось...

-Мой папа вчера с войны приехал!- Петя со значением кивнул головой и, скосив глаза на приятеля, стучит рукой по куртке в зеленых разводах, которая висит в прихожей на вешалке:- Вот! Ему эту куртку там дали,- приятель широко открыл рот. Потом тоже постучал по куртке.

-Там в Чечне танки, я видел! Папа все отснял на кассеты!- глаза у Пети сверкают. Он торопится говорить и захлебывается.

Маленький приятель ошарашен и, шмыгая простуженным носом, так и стоит, забыв закрыть рот.

-Снайпер- ддддд! А папа у самого дворца. Только с другими военными хочет от стены отойти, а снайпер сразу- ддддд! А еще, около него прямо взорвалось, вон на пианино лежит.

-Петя, кушать!- зовет его из дальней кухни бабушка Фания Акрамовна.

За столом Петя возит ложкой по тарелке и, опершись на кулачок, смотрит в окно:

-Хочу в Уфу. Хочу там во дворе играть с ребятами.

-Что ж, придет время и поедем в Уфу. А где ж твой приятель?

-А он домой пошел. Его мама позвала. Она вчера за ним в школу приходила. Красивая.

-Мамы все красивые. Ты давай кушай, а то остынет. Потом в своей комнате поиграешь,- и за уроки.

Требовательный долгий телефонный звонок. Он вспугивает комнаты. Фания Акрамовна берет трубку:

-Юра? Нет. Его нет. Он сегодня утром улетел в Англию. Нет. Ничего вам не могу сказать. До свидания.

Она кладет трубку. По углам притаилась тишина, и пахнет свежей стружкой от стеллажа, сделанного Юрой. На его полках книги, сувениры и фотография: Эля, Юра и маленький Петя.

Фания Акрамовна остановила на фотографии взгляд, раздумчиво постояла и, горько вздохнув, пошла из Юриной комнаты к внуку, на кухню.

За окнами серый свет заблудившегося в предвеченьи февраля, и снег. Мокрый

снег... Он скользит по стенам каменных надгробий домов, тонет в черной зыби Невы, и там, где царит вечный покой, падает в рассыпанные на одной из могил свежие розы. И вздрагивают зеленые листья, и немеют тугие стебли...

Я знаю,- ты гастролей не прервешь!
Очерчен круг не здесь, а свыше.
И память в сердце, будто к горлу нож.
И где-то дождь по зябкой крыше.

Дороги в этом порванном миру
Мотаешь на свою зеницу ока.
Сквозь пепел звезд у твоего порога
Лечу в нее, как в черную дыру.

С повадкой мальчика, полубогиней,
Уста разверзнув той звезде,
Чей след дождями смыт уже,
Но свет еще идет к тебе и сыну!

